

ПОВОЛЖСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ НАУЧНОГО СОВЕТА РАН
ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ, ДВИЖЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ
САМАРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

XX ВЕК И РОССИЯ: общество, реформы, революции

ВЫПУСК 1 Часть II

САМАРА

2013

**XX век и Россия: общество, реформы, революции.
Электронный сборник. Вып. 1. Ч. II. Из стенограммы
заседаний Научной сессии, посвященной 60-летию революции
1905–1907 годов в России (Москва, 14-17 декабря 1965 г.).
Самара, 2013.**

<http://sbornik.lib.smr.ru/>

Подготовка публикации:

к.и.н. Гольцов Виктор Иванович,
д.и.н. Исхаков Салават Мидхатович,
к.и.н. Калягин Андрей Владимирович,
к.и.н. Малкова Наталья Михайловна,
д.и.н. Тютюкин Станислав Васильевич

Во второй части первого выпуска сборника опубликован материал из архива Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций. Это стенограмма заседаний Научной сессии, которая была проведена в Москве 14-17 декабря 1965 г. в связи с 60-летием революции 1905–1907 годов в России. Сессия была организована Секцией «Общие закономерности и особенности развития России в период империализма» Научного совета при Президиуме АН СССР по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» и Группой по изучению истории пролетариата России в период империализма Института истории АН СССР.

Стенограмма опубликована с сокращениями.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Предисловие</i>	7
<i>Пленарное заседание 14 декабря 1905 г.</i>	10-15
<i>Волин М.С.</i> Учение Ленина о гегемонии пролетариата в революции 1905–1907 гг.	10
<i>Черменский Е.Д.</i> «Боязнь власти» у русской либеральной буржуазии в период революции 1905–1907 гг.	11
<i>Иванов Л.М.</i> О расстановке сил осенью 1905 г. в связи с борьбой вокруг Булыгинской думы	12
<i>Галузо П.Г.</i> Российская империя и ее колонии	14
<i>Заседание секции № 1 15 декабря 1965 г.</i>	16-40
<i>Левинтов Н.Г.</i> Разработка В.И. Лениным некоторых методологических проблем социальной революции в 1905–1907 гг.	16
<i>Хазиахметов Э.Ш.</i> Политическая ссылка в Сибирь в годы отступления Первой русской революции	19
<i>Лескова Л.И.</i> Новые документы о революции 1905–1907 гг.	22
<i>Семанов С.Н.</i> Демонстрация 9 января 1905 г.	24
<i>Добротвор Н.М.</i> Фабрично-заводские Советы рабочих депутатов в 1905 г.	28
<i>Белимов И.Т.</i> Железнодорожный пролетариат России в декабре 1905 г.	32
<i>Заседание секции № 1 16 декабря 1965 г.</i>	41-63
<i>Кузнецов Н.В.</i> Возникновение профессиональных союзов в России	41
<i>Ольховая Л.В.</i> Кооперативное движение в России в 1905–1907 гг.	42
<i>Каляжко Н.И.</i> К вопросу об особенностях борьбы рабочих Правобережной Украины в годы Первой русской революции	43
<i>Чубуков Я.А.</i> Отклики на русскую революцию 1905–1907 гг. в Закарпатье	44
<i>Горякина В.С.</i> Стачечная борьба рабочих Таврической губернии в 1905–1907 гг.	46
<i>Бирон А.К.</i> Историография революции 1905–1907 гг. в Латвии	47
<i>Духанова З.В.</i> III съезд РСДРП и латышская социал-демократия	50

	<i>Стр.</i>
<i>Ионане И.А.</i> Руководство социал-демократией Латышского края партизанским движением в революции 1905–1907 гг.	51
<i>Вилциньш Т.О.</i> Вооруженное восстание в Туккуме	52
<i>Шлеев В.В.</i> Проблемы изучения изобразительного искусства народов России времен революции 1905–1907 гг.	54
<i>Гришкунайте Э.В.</i> К вопросу о Советах и вооруженном восстании в Латвии	54
<i>Воронова А.И.</i> Борьба рабочих Белоруссии за единство своих рядов в революции 1905–1907 гг.	54
<i>Титок В.А.</i> Стачечная борьба железнодорожных рабочих в 1905–1907 гг.	55
<i>Адамов В.В.</i> Рабочее движение на Урале в годы революции	55
<i>Гаврилов Д.А.</i> Борьба пролетариата Урала за гегемонию в революции 1905–1907 гг.	56
<i>Хитров П.И.</i> О вооруженном восстании на Урале в 1905 г.	56
<i>Кондриков Б.В.</i> Рабочее движение и социал-демократия Западной Сибири	57
<i>Лебедик Н.И.</i> Проблема расстановки классовых сил и рабочее движение на Северном Кавказе в годы Первой русской революции	57
<i>Ромашова В.И.</i> Рабочие Новгорода и Пскова во время революции 1905–1907 гг.	57
<i>Васильев Б.Н.</i> Изменения в составе и размещении рабочих в период Первой российской революции	59
<i>Панкратова М.Г.</i> Американская буржуазная историография о революции 1905–1907 гг. в России	61
<i>Заседание секции № 2 15 декабря 1965 г.</i>	64-97
<i>Дубровский С.М.</i> Аграрный вопрос в России в советской историографии	64
<i>Шмыгин И.П.</i> Освещение крестьянского движения в 1905–1907 гг. в советской историографии	65
<i>Симонова М.С.</i> Аграрно-крестьянская политика самодержавия в 1905 г.	70
<i>Лещенко Н.Н.</i> Борьба большевиков Украины за крестьянство в Первой русской революции	73
<i>Футорянский Л.И.</i> Революционные выступления казачества в 1905–1907 гг.	80
<i>Егунов Н.П.</i> Забайкальское казачество в 1905–1906 гг.	84
<i>Годючко А.И.</i> Борьба сельскохозяйственных рабочих Предкавказья в 1905–1907 гг.	87

	<i>Стр.</i>
<i>Заседание секции № 2 16 декабря 1965 г.</i>	98-115
<i>Воробей П.И.</i> Национальный вопрос и национально-освободительное движение на Украине в 1905–1907 гг.	98
<i>Мужев И.Ф.</i> Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа в 1905–1907 гг.	100
<i>Смиян П.К.</i> Влияние Первой русской революции на развитие национально-освободительного движения в Закарпатье	103
<i>Нафигов Р.И.</i> К характеристике национально-освободительного движения татар Поволжья в дооктябрьский период	105
<i>Сулейменов Б.С.</i> Национально-освободительное движение в Казахстане в годы Первой русской революции	106
<i>Турсунов Х.Т.</i> О национально-освободительном движении в Туркестане в 1905–1907 гг.	110
<i>Каримов Г.</i> Национально-освободительное движение в Таджикистане в период революции 1905–1907 гг.	110
<i>Акрамов С.А.</i> Новые материалы о революционной деятельности Самаркандской социал-демократической организации в период Первой русской революции	112
<i>Заседание секции № 3 14-15 декабря 1965 г.</i>	116-126
<i>Бобков И.С.</i> Полупролетарские массы в революции 1905–1907 гг.	116
<i>Ерман Л.К.</i> Демократическая интеллигенция и Декабрьское вооруженное восстание 1905 г.	117
<i>Узбекова Г.Х. В.И.</i> Ленин и тактика политических соглашений в Первой русской революции	120
<i>Шморгун П.М.</i> Украинские мелкобуржуазные партии в революции 1905–1907 гг.	122
<i>Заседание секции № 3 16 декабря 1965 г.</i>	127-150
<i>Саладков И.И.</i> Мелкобуржуазные партии в Белоруссии в 1905–1907 гг.	127
<i>Колесниченко Д.А.</i> Образование Трудовой группы и ее деятельность до открытия I Государственной думы	129
<i>Остальцева А.Ф.</i> Влияние революции 1905–1907 гг. на внешнюю политику царизма	133
<i>Ананьич Б.В.</i> Заграничные займы царского правительства и Первая русская революция	134

	<i>Стр.</i>
<i>Крупина Т.Д.</i> Освещение современной буржуазной историографией социально-экономической истории России начала XX в.	144
<i>Величко О.И.</i> Освещение современной западногерманской историографией социально-экономической истории России начала XX в.	147
<i>Пленарное заседание (заключительное) 17 декабря 1965 г.</i>	151-154

Предисловие

Сегодня вопросы истории российских революций начала XX столетия вновь приобрели немалый общественный резонанс. В средствах массовой информации, среди политиков, среди общественных деятелей и деятелей культуры распространились идеи об «очередной смуте», об инородности революций в России, а методологией стала их деволуция. Отвергается мысль, что революционные события в России могли происходить не согласно теории хаоса/смуты, но иметь внутреннюю логику, разрешая накопившиеся в обществе противоречия, которые власть по тем или иным причинам не была в состоянии (или не хотела) эффективно преодолеть путем проведения соответствующих реформ. Отсутствует единство мнений и в научной среде...

Подобная ситуация, пусть не в столь острых формах, наблюдалась и в 50-60-х годах XX столетия, когда в советском обществе также происходила «ломка стереотипов».

Тогда, во второй половине 1950-х годов, в Академии наук СССР в целях координации работы были созданы научные советы, в том числе по ряду проблем всемирной и отечественной истории. Среди них был Научный совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», который возглавил академик И.И. Минц. В апреле 1958 г. в Москве состоялась первая сессия Совета, в которой приняли участие более 300 представителей научных учреждений.

Последующие сессии, конференции, симпозиумы, организуемые Советом, позволили проводить интересные дискуссии, где не только подводились итоги проделанной историками работы, но и определялись задачи дальнейших исследований. Сессии стали формой планирования и координации деятельности как целых коллективов, так и отдельных ученых, а также содействовали подготовке молодых исследовательских кадров.

Основные функции и задачи Совета со временем расширились. Его центральными задачами стали подведение итогов изучения истории Октябрьской революции как в СССР, так и за рубежом; координация и планирование научных исследований (прежде всего, по актуальным, слабо разработанным или совсем не изученным проблемам); ориентация ученых на создание фундаментальных, обобщающих трудов. Принимаемые Советом решения становились основой для научной работы как в масштабе всей страны, так и в пределах регионов. Развернувшаяся под эгидой Совета живая и плодотворная работа, участие в его мероприятиях явились настоящей школой для исследователей из разных городов Советского Союза, положили начало научной биографии многих историков.

Детальный эмпирический поиск и исследования, развернутые с конца 1950-х годов, привели ряд ученых, в том числе внутри самого Совета, к пересмотру трактовки событий 1917 г. и их предыстории. Это, в частности, подтвердила Научная сессия, проведенная в декабре 1965 г. в Москве в связи с 60-летием революции 1905–1907 гг. в России. Ее стенограмма отразила достигнутый на тот период уровень теоретических знаний, выявив не только общность, но и серьезные расхождения во взглядах по проблемам Первой русской революции, многие из которых (как, например, национальные движения) имеют значение и сегодня. Острая полемика, возникавшая между участниками заседаний, опровергает мнение о «застое» и «полном единогласии» в советской исторической науке.

Стенограмма сессии представляет собой машинописный текст с правками карандашом, который сохранился в архиве Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций, являющегося преемником и продолжателем работы Совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции»¹.

Текст стенограммы публикуется с сокращениями, продиктованными стремлением донести до специалистов содержание наиболее важных и интересных выступлений докладчиков, адресованные им вопросы аудитории и их ответы, которые, учитывая, в частности, приближающееся 110-летие Первой русской революции, сохранили актуальность для дальнейшей разработки проблем развития России в условиях революционного кризиса 1905–1907 гг.

Первоначальное намерение обнародовать стенограмму данной научной сессии в полном объеме натолкнулось на непреодолимые обстоятельства – ее низкое качество, отсутствие обязательной авторской правки, простейшего литературного редактирования, ссылок на приводимые цитаты из документов. Это привело к решению о необходимости купирования стенограммы, сохранив при этом наиболее значимые ее части. Материалы Научной сессии 1965 г. были опубликованы в Москве в 1965 г. в двух ротاپринтных сборниках – «Научная сессия по истории Первой русской революции 1905–1907 гг. Доклады и тезисы сообщений» и «Тезисы сообщений».

С.М. Исхаков, А.В. Калягин, С.В. Тютюкин

¹ Подробнее см: *Исхаков С.М.* Научный совет РАН по истории российских революций // Вопросы истории. 2007. № 12; *он же.* Академический центр изучения революционного 1917 года и гражданской войны в постимперской России: некоторые итоги и перспективы // Падение империи, революция и гражданская война в России. М., 2010.

**Из стенограммы заседаний
Научной сессии, посвященной
60-летию революции
1905–1907 годов
в России**

Москва, 14–17 декабря 1965 г.

**ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ НАУЧНОЙ СЕССИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 60-летию РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг. В РОССИИ**

14 декабря 1965 г.
Председатель А.Я. Аврех

Волин М.С. (Москва). Учение Ленина о гегемонии пролетариата в революции 1905–1907 гг.

Когда изучаешь ленинское научное наследие в период после Первой русской революции, видишь, что по мере перехода от статьи к статье, от выступления к выступлению их темой является проблема гегемонии пролетариата. Можно сказать без преувеличения, что под углом зрения этой проблемы Ленин рассматривал весь многообразный опыт Первой русской революции и различные теоретические и политические проблемы, встававшие в ее ходе перед марксистской партией рабочего класса. Я отмечу лишь несколько моментов, которые обусловили включение этой проблемы в общую проблематику ленинских теоретических произведений. Прежде всего, речь идет о развитии самой марксистской теории. Никто лучше, чем Ленин, не понимал, как тесно теория связана с практикой и как она обогащается практикой.

Первая русская революция происходила в стране, которая в известном смысле слова представляла собой модель всего тогдашнего мира, причем здесь переплетались антифеодальная, антикапиталистическая и национально-освободительная борьба народных масс с царизмом, помещиками и буржуазией. Выдающаяся роль в ней рабочего класса в масштабе всей страны позволила ему реально бороться за то, чтобы стать главной ударной силой и вождем всего народа, т.е. гегемоном освободительного движения в России в начале XX в.

Далее докладчик обратил особое внимание на два вопроса: 1) массовая революционная стачка – важнейший рычаг завоевания гегемонии пролетариата, т.к. именно в ее ходе рабочий класс может реализовать и свою функцию гегемона –

примера для подражания и «учителя» в области социальной борьбы и 2) роль рабочей партии, без которой влияние пролетариата на другие социальные слои осталось бы им самим не осознанным и не смогло бы реализоваться.

К проблеме гегемонии пролетариата Ленин обращался не только на материалах революции 1905–1907 гг., но и на материалах 1910–1914 гг., т.к. проблема гегемонии после периода реакции встала с особой остротой и силой во время нового революционного подъема. О проблеме гегемонии историки пролетариата должны помнить всегда, ибо ее завоевание и удержание в руках пролетариата – это ключ к подготовке победы революции.

Черменский Е.Д. (Москва). «Боязнь власти» у русской либеральной буржуазии в период революции 1905–1907 гг.

Я в своем выступлении коснусь только вопроса о так называемой «боязни власти» у русской либеральной буржуазии. Эта проблема была поставлена Лениным в полемике с А.С. Изгоевым, утверждавшим, что место «падающего» класса всегда стремится занять другой класс. Ленин писал: «Не всегда, г. Изгоев. Бывает так, что оба класса, и падающий и "стремящийся", изрядно уже прогнили – один больше, другой меньше, конечно, но все же оба изрядно прогнили... Чувствуя эту свою гнилость, "стремящийся" вперед класс *боится* сделать шаг вперед, а ежели делает, то... торопится сделать два шага назад. Бывает такая либеральная буржуазия..., которая боится "занять место" падающего класса, а *все* усилия направляет на то, чтобы "разделить место" или, вернее, получить местечко хотя бы в лакейской, – но... не доводить... до "падения"»¹.

В начале 1906 г. имела место первая попытка образовать конституционный кабинет в России с участием общественных деятелей – переговоры премьера С.Ю. Витте с лидерами буржуазных партий, которые были прекращены из-за отказа либеральной буржуазии войти в правительство. Мне кажется, что этот отказ свидетельствует о политической дряблости русской либеральной буржуазии, о ее боязни занять место падающего класса. Она предпочитала оставить бразды правления в руках царской бюрократии, готовой пойти на некоторые уступки. Известно, что важнейшим вопросом политической жизни страны в начале 1906 г. был вопрос о бойкоте или участии в Государственной думе. При этом не только в революционной партии, но и в либеральных кругах было широко распространено представление о том, что избирательный закон 11 декабря 1905 г. дает наибольшие шансы реакционным силам, что Первая дума будет черносотенной.

¹ Ленин В.И. Заметки // Полн. собр. соч. Т. 20. С. 154.

Революционные партии на этом основании высказывались за бойкот выборов, а либеральные – напротив, даже под угрозой несомненного поражения, полагали, что партия не может и не должна отказываться от участия в выборах, так как ей предстоит «в этом случае еще более благородная роль – политической оппозиции».

На II съезде кадетской партии в январе 1906 г. ее лидер П.Н. Милюков высказал мнение, что оппозиция в Думу, видимо, попадет в незначительном числе, но это даже выгоднее для кадетов: ведь участие во власти изнашивает политическую партию скорее и больше, чем работа в правительстве.

Неожиданная победа кадетов на выборах I Думы, по словам члена их ЦК В.А. Маклакова, «затемнила» им зрение, внушила иллюзию собственной силы, и они чувствовали себя именинниками. Но, даже получив формально право говорить в Думе от имени народа, на III съезде кадетов в апреле 1906 г. Милюков снова повторил, что роль оппозиции более благодарна и больше им улыбается.

Я хотел бы сказать, что эта боязнь власти, которая была имманентной чертой русской буржуазии, начиная с 1905 г. до Февральской революции 1917 г., объяснялась сознанием своей социально-политической изолированности от народа и стремлением ограничить себя ролью лояльной оппозиции.

Иванов Л.М. (Москва). О расстановке сил осенью 1905 г. в связи с борьбой вокруг Булыгинской думы.

Как известно, правительство перед принятием закона от 6 августа 1905 г. долго рассматривало совместно с представителями разных общественных слоев вопрос о возможных уступках с целью изменить соотношение сил в пользу самодержавия. Оно ставило и вопрос о времени опубликования этих документов, выбирая тот наиболее благоприятный, по его расчетам, ход событий, который мог бы, с точки зрения правительства и его ведущих чиновников, оказать наибольшее воздействие на ход либерализации самодержавного режима. Таким образом, опубликование манифеста осенью 1905 г. было прямо связано с развитием революции. С другой стороны, в докладе рассматривается поведение либеральной буржуазии, которая выдвинула требование всеобщего избирательного права при двухпалатной Государственной думе. Затем, после опубликования манифеста 6 августа о созыве Булыгинской думы как законосовещательного учреждения, которому предоставлялась «предварительная разработка и обсуждение законодательных предложений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов», ее позиции изменились: она приняла закон 6 августа и начала обсуждать вопрос о правах Думы и о превращении ее из совещательного органа в законодательный. И, наконец, большое место в докладе отводится вопросу о рабочей демократии,

которая хотела сорвать созыв Булыгинской думы и развить революцию вплоть до свержения самодержавия и созыва Учредительного собрания.

Единство рабочей демократии, которое наглядно обнаружилось осенью, было закреплено на междупартийной конференции 6-9 сентября 1905 г. Пока не нашлось документа, где точно были бы указаны даты ее проведения, а также персональный состав участников. Были представители российской, латышской, польской социал-демократии и представители Бунда, наиболее близко стоявшего к меньшевикам. Хотя конференция предложила единую тактику ответа на созыв Думы политическими стачками, демонстрациями и подготовкой к вооруженному восстанию, но попытка представителей ЦК РСДРП добиться выступления от ее имени с единым обращением в листовках за общими подписями не удалась. Тем не менее, она имела очень большое значение, т.к. призвала к сплочению рабочих всей страны, что проявилось в период сентябрьско-октябрьского движения. Выпали отсюда меньшевики, причем тактика «Искры» не получила полной поддержки среди их низовых организаций, что признавали и лидеры меньшевизма, однако ряд меньшевистских комитетов высказался в пользу бойкота, что позволило во время стачек повлиять им в интересах общей борьбы на тех рабочих, которые шли за ними. В период сентябрьских-октябрьских стачек и выступлений в стачечные комитеты, как правило, включены были представители обеих фракций РСДРП, а также Бунда и эсеры.

В период антидумской кампании, особенно в августе-октябре, наиболее остро встал, пожалуй, вопрос о влиянии революционной буржуазной демократии на крестьянство и на городские демократические слои трудовой интеллигенции, что имело колоссальное принципиальное значение. Как известно, лозунг бойкота Думы возник среди левого крыла буржуазной демократии, и это подорвало силы либеральной оппозиции, оставив ее без массовой опоры, на которую она рассчитывала, и лишив возможности маневра, что имело для нее большое значение во время тех переговоров, которые она вела с самодержавием. Поэтому понятно, что либеральная буржуазия в лице Союза освобождения и его лидеров, где особую роль играл Милюков, сделала все возможное, чтобы любыми средствами увлечь ее на позицию признания Думы. Со своей стороны пролетариат своими политическими уличными выступлениями в сентябре и октябре, направленными против политики самодержавия и буржуазии, толкал городские массы, в том числе и трудовую интеллигенцию, влево, на союз с рабочим классом, на активный бойкот Думы. Это было тем более возможно, что революционная городская буржуазная демократия, будучи лишенной избирательных прав, выступила, в противовес либеральной буржуазии, за всеобщее избирательное право. В тот период времени в известной мере произошел спад активности либеральной буржуазии, чему содействовала критика ее со стороны социал-демократии, в первую очередь большевиков. Они

критиковали либералов за их непоследовательность, шатания, уступчивость по отношению к самодержавию. Эта задача рабочим классом была выполнена, однако, не до конца.

Осенью 1905 г. события развернулись с поразительной быстротой. 6 августа публикуется манифест о созыве Думы, в сентябре происходит подъем движения в Москве, в октябре – всеобщая Всероссийская политическая стачка.

Такова, на мой взгляд, была обстановка в России осенью 1905 г., говорящая о возможности отвоения у либеральной буржуазии и привлечения на сторону пролетариата широких масс народа.

Галузо П.Г. (Алма-Ата). Российская империя и ее колонии.

В интересах экономии времени я выделю только несколько узловых вопросов, причем первый из них – это проблема колоний Российской империи. Нужно сказать, что она у нас изучена крайне слабо, и мы имеем удивительный разнобой в оценках отдельных районов России: колонии они или нет. Этот разнобой мы можем обнаружить в курсах истории отдельных республик Советского Союза и даже в тезисах, которые представлены вашему вниманию для обсуждения на данной сессии. Я хочу в данном случае обратиться к Ленину. Напомню, что в ленинской работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» имеется сводная таблица колониальной системы мира, в том числе и строка, относящаяся к Российской империи. Там вы можете прочесть, что 17 миллионов квадратных километров территории царской России – это колонии, это количество квадратных километров занимают угнетенные национальности и подсчитано их население. Если обратимся после этого к «Тетрадам по империализму», то можем наблюдать, как Ленин шаг за шагом накопил статистический материал и осмыслил его критически и, в конце концов, составил две сводных таблицы, которые по существу ничем не отличаются друг от друга, но в них имеется несколько уточнений количества площади и населения, в которых совершенно четко и ясно раскрывается колониальная система России.

Как она представлялась Ленину? Он насчитывал в Российской империи 5 колоний. Перечислю их. Это Сибирь, Средняя Азия, Бухара, Хива и Кавказ – 17 с четвертью миллионов квадратных километров. И Ленин не находит ни одной полуколонии в России, в том числе и ту самую Украину, которую некоторые товарищи считают возможным называть полуколонией. Но дальше идет его подсчет по угнетенным национальностям. И у Ленина, таким образом, проводятся резкие грани между колониями и угнетенными национальностями, причем колонии по населению занимают 57%, а Великороссия – 43%.

Теперь берем угнетенные национальности – Украину, Белоруссию, Прибалтику, Польшу, Финляндию, Поволжье, Северный Кавказ. Но спрашивается: а какие отношения складываются между этими пятью колониями и угнетенными национальностями? Иначе говоря, какие отношения между Украиной и этими колониями, Белоруссией и пятью колониями, Польшей и пятью колониями и т.д.? И позвольте мне набраться смелости и сказать, что в эксплуатации этих колоний, в типичной и колониальной эксплуатации участвует не только Россия, но и угнетенные национальности. (*Шум в зале*). И этот факт обходить нельзя. А если мы его обходим (а многие его обходят), тогда совершенно непонятным делается целый ряд явлений в национальном движении среди угнетенных национальностей. Национальная буржуазия – украинская, белорусская, польская и т.д. вступает в противоречия с российской буржуазией на почве конкуренции и дележа добычи, но вместе с тем участвует и в эксплуатации российских колоний.

**ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИИ № 1 НАУЧНОЙ СЕССИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 60-летию РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг. В РОССИИ**

15 декабря 1965 г.

Председатель К.Н. Тарновский

Левинтов Н.Г. (Ульяновск). Разработка В.И. Лениным некоторых методологических проблем социальной революции в 1905–1907 гг.

Докладчик останавливается на проблемах понимания революции в широком и узком смысле слова и соотношении революционной ситуации и предреволюционного кризиса. Революция в узком смысле этого слова, по Ленину, – это время непосредственной борьбы масс, а в широком – весь исторический период разрешения в России всех задач революции, включая и межреволюционный период 1907–1916 гг. Революционная ситуация – это время, когда объективно создается почва для непосредственных массовых движений, приводящих к революции. На основе революционной ситуации возникает революционный кризис, который этой ситуации предшествует. Таким образом, по Ленину, – это многоступенчатая социально-политическая конструкция.

Тарновский К.Н.: У кого имеются вопросы к докладчику?

Духанова З.В.: В работе «Классовая борьба во Франции»^{*} говорится о политическом кризисе, который определяется как выражение всеобщего негодование народа и в то же время как невозможность для правящих классов сохранить старую форму правления. Меня интересует такой вопрос: какая разница существует между политическим кризисом и революционным кризисом, о котором вы говорили?

^{*} Речь идет о: Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. М., 1956.

Володарская А.М.: Как вы относитесь к характеристике и определению революционной ситуации, которая имеется в работах А.Я. Авреха? Он считает, что уже в начале XX века в России существовала революционная ситуация.

Тарновский К.Н.: Меня интересует соотношение понятий «революционная ситуация» и «революция в широком смысле слова».

Духанова З.В.: Согласны ли вы с определением революционной ситуации общей и непосредственной, имея в виду решения XIV партийной конференции?

Левинтов Н.Г.: Политический кризис и революционный кризис, – если пользоваться моей терминологией. Нужно сказать, что в данном случае моя терминология взята у Ленина. Чтобы не быть голословным, я сошлюсь на то, что Ленин писал, что речь идет о революционном кризисе в узком непосредственном смысле этого слова, – чтобы не было недоразумений, в XIII томе. Он определял наличие революционной ситуации, значит, эта терминология не моя, а Ленина.

Теперь – о политическом кризисе. Понятие политического кризиса – это самое широкое и самое неопределенное понятие. Политические кризисы бывают самых различных видов: правительственный кризис – политический кризис, общенациональный кризис – политический кризис, революционный кризис – политический кризис.

Поэтому я скажу так: революционный кризис – это особый вид политического кризиса, это тот кризис, который возникает на базе революционной ситуации и подводит массы непосредственно к революционной борьбе за власть.

Непрерывность революционной ситуации. Если говорить, что в России с начала 1890-х годов была революционная ситуация, то это положение в общем и целом отвечает действительности. Ленин неоднократно указывал на это. Правда, он иногда говорит о 1907 г., а чаще, все-таки, о 1901 годе.

Не только в работе Авреха, но и в других работах встречается утверждение, что и после революции 1907 года сохранилась революционная ситуация и революционный кризис, – как иногда товарищи говорят, – в скрытом виде. Я думаю, что это прямо противоречит ленинскому пониманию.

Я здесь ссылаюсь на доклад тов. Деренковского и говорил, что теперь есть практическое основание.

Есть ли основание в данном случае для такой постановки вопроса именно в России? Если мы примем эту формулировку, что в России сохранялась революционная ситуация, то она теперь ничего нам не дает, потому что ее нельзя

* XIV конференция Российской коммунистической партии (большевиков), состоялась 27-29 апреля 1925 г.

было выдвигать, или если мы ее принимаем всерьез, мы перейдем к левацким лозунгам.

Я другого выхода из положения тут не вижу. Весь смысл выделения этих понятий заключается в том, чтобы научно строить тактику партии.

Теперь относительно революционной ситуации и революции в широком смысле этого слова. Революция в широком смысле слова – это есть процесс разрешения исторических задач данного типа революции. Каждому типу революции свойственны свои исторические задачи, революция в широком смысле имеет свои собственные закономерности, но я этого вопроса здесь не касался.

Конечно, я опустил вопрос о решениях XIV конференции, это уводит нас далеко за пределы данных хронологических рамок, но этот вопрос всегда возникает. Известно, что Коминтерн на февральском пленуме ИККИ в 1925 г. и еще раньше на заседаниях комиссий по германскому вопросу в основном ввел понятия революционной ситуации – общереволюционная ситуация и непосредственная революционная ситуация. Кстати, к архивам ИМЛ меня не допустили, когда я попросил посмотреть материалы этих комиссий, поэтому я пользовался только общедоступной литературой. Из этой общедоступной литературы явствует, что до 1924 г. Коминтерн вообще не пользовался понятием «революционная ситуация», потому что стоял на позициях быстрой, немедленной победы революции в мировом масштабе, а с 1925 г. оформляется перелом в этом отношении у руководителей Коминтерна в том смысле, что мировая революция задерживается на длительный период. После поражения Германской революции в октябре 1923 года Коминтерн в своих решениях подтвердил, что, несмотря на это поражение, курс остается на непосредственную победу революции в Германии. И только в конце 1925 года эта точка зрения была изменена. И вот в связи с этим были введены понятия – общереволюционная ситуация и непосредственная революционная ситуация. В период общего кризиса капитализма руководителям Коминтерна надо было отразить то положение, что, в общем и целом, речь идет не о восстановлении довоенного капитализма, а об упадке капитализма.

Вот эти положения нашли отражение, и понятие – общереволюционная ситуация сохраняется и в Англии, и в ряде других стран, а под непосредственной революционной ситуацией Коминтерн понимал такую ситуацию, которая приводила бы к революционному взрыву, непосредственно к революционному восстанию.

Что касается В.И. Ленина, то каждый раз, когда ему надо было указать на то, что страна находится накануне завоевания власти в той или иной форме, он говорил, что кризис назрел. И я ни разу не встретил у В.И. Ленина такого выражения – непосредственная революционная ситуация, а он говорил так: предположим, что страна стоит накануне общего революционного восстания – кризис назрел.

Или возьмите его конкретные высказывания. Оценивая положение в Италии в 1920 году, он говорил: кризис назревает.

Нет у Ленина этого положения, и я глубоко убежден, что его быть не может, потому что Ленин утверждал, что действия одних объективных факторов недостаточно для проведения революционной ситуации, поэтому, в крайнем случае, можно было бы сказать, что если такая ситуация, когда субъективный фактор чересчур слаб, стихийное давление подводит массы к стихийному выступлению.

Демешина Е.И.: Владимир Ильич говорил, что состояние России (это относится к 1909 году) – это состояние с трудом сдерживаемого восстания, что правительство не управляет, а выкручивается из создавшихся обстоятельств. Аврех утверждает, что это период общей революционной ситуации, как согласовать это положение?

Левинтов Н.Г.: В работах 1908 года у Ленина имеются положения не очень четкие в том смысле, что он не сразу определил окончание развития революционного кризиса 1906–1907 гг. А дальше, в 1908 году, он сказал ясно (и это положение у нас, у историков революции 1905–1907 гг. почему-то особой популярностью не пользуется), что обнаружилось недостаточная зрелость и глубина революционного кризиса 1906–1907 гг. В этом, по-моему, одна из самых глубоких научных трактовок объяснения причин неудачи революции 1905–1907 гг.

Поэтому я вынужден ответить на ваш вопрос таким образом: Ленин не ошибался в том, что он ожидал назревания этого кризиса, но кризис этот оказался не таким мощным.

Что касается периода 1908–1909 гг., то не одна фраза Ленина, а вся совокупность его высказываний и анализа сводились именно к тому, чтобы доказать две вещи: во-первых, что революция в узком смысле слова окончилась, – надо переходить к новым, иным формам; и, во-вторых, что революция в широком смысле слова не завершена.

По-моему, надо опираться не на одну фразу Ленина, а на ленинский анализ всей ситуации.

Хазиахметов Э.Ш. (Томск). Политическая ссылка в Сибирь в годы отступления Первой русской революции.

История политической ссылки в Сибирь вообще исследована еще чрезвычайно слабо, а начало массовой политической ссылки, которая связана с поражением Декабрьского вооруженного восстания 1905 г., вообще еще совершенно не изучена.

Если посмотреть работы наших историков, начиная с 1920-х гг. и кончая сегодняшним днем, то получится такая картина: мы имеем ряд работ об отдельных

районах политической ссылки или об отдельных деятелях нашей партии и об их пребывании в той или иной ссылке в различные периоды до революции 1905 г., особенно деятельность Ленина в Сибири во время ссылки, а также в годы революционного подъема и Первой мировой войны, исследование деятельности в ссылке ряда большевиков, но этот вопрос, повторяю, остался еще у нас неизученным.

Надо сказать, что поражение Декабрьского вооруженного восстания вызвало наступление реакции по всему фронту. В тезисах указывается, что фактически после опубликования манифеста 17 октября царем начинается широкое применение репрессий в виде политической ссылки, в частности административной ссылки без всякого суда и следствия, только за принадлежность к той или другой революционной партии и организации. Особенности Первой русской революции – широкое участие в ней рабочего класса и крестьянства нашли свое отражение и в социальном и партийном составе политических ссыльных в Сибирь. В тезисах приводятся конкретные примеры, которые позволяют делать очень далеко идущие выводы. Анализ социального и партийного состава политической ссылки в Сибирь показывает руководящую роль пролетариата в Первой русской революции, хотя большую роль играло и крестьянство.

Если посмотреть партийный состав политической ссылки в Сибирь, то в тезисах приводятся такие сведения: в частности, социал-демократов было 38%, эсеров – 22%. Большое количество было беспартийных, среди которых было много крестьян.

На конкретных примерах Нарымского края (одно из типичных мест административной ссылки) можно проследить, что все животрепещущие вопросы того времени – аграрный вопрос, вопрос отношения к Думе и др. были в центре дискуссий и полемики между ссыльными большевиками, меньшевиками, эсерами, анархистами в местах политической ссылки.

Нужно отметить, что Ленин неоднократно обращал внимание на необходимость сбора материалов о политической ссылке в России. Тогда это нужно было с целью политического обличения царизма. Но в то же время изучение материалов политической ссылки дает достаточный материал по вопросу о роли сословий и классов в освободительном движении в разные исторические эпохи.

Кроме того, нужно сказать, что новые черты политической ссылки – ее массовость и ее демократизм по сравнению с периодом до 1905 г. повлекли за собой изменение роли политической ссылки вообще в жизни революционеров. Почему? Потому что, когда дело касалось одиночек, они действительно оказывались в ссылке в изоляции от революционного движения в стране, а когда ссылка стала массовой, такой изоляции совершенно не получалось, потому что со всех концов страны собирались активные участники революционного движения. И нельзя

сказать, что жизнь в ссылке была ключом, но здесь была возможность для подпольной работы, для обсуждения уроков революции 1905 г. и др.

Далее хочется сказать о том, что царское правительство намеревалось посредством административно-политической ссылки в Сибирь изолировать участников революции и деятелей революционных партий, но в действительности получилось так, что политическая ссылка оказалась подлинной школой революционной борьбы. Нужно также сказать, что для настоящих революционеров не было такого вопроса, что делать в ссылке. На него ответ им подсказывали сами условия их жизни.

Ссылные занимались борьбой с произволом полиции, социалистическим воспитанием пролетариата, установлением партийных связей, идейной борьбой против представителей меньшевиков, эсеров и других партийных групп, организацией побегов, учебы и т.д. Из Нарымской ссылки в период революции каждый шестой-седьмой ссылный бежал. Затем в годы реакции преобладала уже борьба с разлагающим влиянием тяжелых моральных условий ссылки.

В заключение доклада я хочу подчеркнуть следующее: надо иметь в виду, что политическая ссылка, взятая в целом по всей стране, а не по отдельным ее районам, является своеобразным зеркалом революционного движения в России, с некоторым отставанием отражая все его характерные черты и особенности. Тщательное изучение ее истории даст возможность получить ценные дополнительные материалы о характере революционного движения в различных районах нашей страны, проанализировать состав политической ссылки по местам высылки и т.д. Можно сделать вывод, что политическая ссылка не является только негативным отражением революционного движения. Находясь в плену у своего классового врага, революционеры продолжали вести революционную работу.

Тарновский К.Н.: Слово имеет тов. Хазиахметов для ответа на вопросы.

Хазиахметов Э.Ш.: Тов. Титок спросил, на какие годы падает наибольшее количество политических ссылных и каково было их общее количество. Количество политических ссылных в Сибирь и северные губернии европейской части России за 1905–1907 гг. указано в тезисах – 15 992 человека, т.е. около 16 000 человек. Что касается в целом политической ссылки после революции 1905 г., то наибольшая масса политических ссылных падает на вторую половину 1907 г. и на 1908 г. А общее количество (если мне не изменяет память) политических ссылных в Сибирь и в северные губернии Европейской России до 17 октября 1909 г. составляло более 32 тыс. человек.

Тов. Петрова интересуется, что делали эсеры в ссылке. Прежде всего, они принимали активное участие во всех беспартийных общих организациях политических ссылных, наряду с большевиками. Но нужно отметить, что

большевики и вообще социал-демократы в этих организациях играли главенствующую роль, хотя вместе с ними принимали участие также и эсеры. Тут такая же картина, как и в Советах на местах, скажем, в промышленных центрах страны.

Кроме того, эсеры имели свои партийные организации в местах политической ссылки. Например, в Нарыме существовал партийный комитет эсеров и существовала эсеровская организация для побегов ссыльных. Надо сказать, что как у социал-демократов, так и у эсеров были свои собственные приемы организации побегов заключенных, причем иногда между социал-демократами и эсерами возникали даже споры из-за ямщика, который должен был везти тех или других.

Был задан и вопрос, насколько точно отражал состав политических ссыльных интенсивность революционного движения в том или ином районе страны. Можно ответить так: наиболее точное отражение интенсивности революционного движения может дать исследование совокупности всех карательных мероприятий царизма, начиная от военно-полевых судов, заключения в крепости, тюрьмы, отправки на каторгу и в ссылку. Такое исследование даст, конечно, совершенно точное отражение. Но, тем не менее, в общих чертах это соответствие есть.

Лескова Л.И. (Москва). Новые документы о революции 1905–1907 гг.

Со времени Первой русской революции прошло уже 60 лет и опубликовано много работ, основанных на огромном количестве источников. Поэтому порой кажется, что все уже о ней исследовано вдоль и поперек. Между тем действительность иногда преподносит нам очень приятные сюрпризы – в архивах и у частных лиц обнаруживаются какие-нибудь очень интересные документы. И вот о двух таких документах я и хочу рассказать в своем кратком сообщении.

Первый документ заинтересует историков, занимающихся изучением вооруженного восстания в период декабрьской стачки и, пожалуй, периода от октября до ноября 1905 г. Этот документ попал совершенно случайно в Государственный исторический музей. Один из коллекционеров-нумизматов С.П. Фортинский в случайном разговоре с работником музея сказал, что у него есть записи, приобретенные на черном рынке, и, если они интересны для музея, он их туда отдаст. Этот очень интересный документ состоит из трех объемистых тетрадей. Они называются «Дежурные книги о событиях в Москве с сентября 1905 г. по январь 1906 г.» и представляют собой записи телефонных сообщений и телеграмм, поступавших в Московское градоначальство от различных приставов и других полицейских чиновников.

Как вы знаете, в Москве было 17 полицейских участков, и в каждом из них имелись пристав, его помощник и полицейские чины – околоточные надзиратели и городовые. Они-то час за часом, минута за минутой сообщали дежурным и чиновникам Московского градоначальства обо всех событиях, которые происходили в их полицейских участках. Конечно, эти записи делались очень быстро, скорописью, причем слова порой искажались и т.д. Данные материалы позже обрабатывались и передавались, как ежедневные сводки, московскому градоначальнику, а затем уходили в высшие инстанции. Этот очень важный и интересный документ довольно полно отражает деятельность властей во время тех или иных революционных событий. В тетрадях рассказывается и о том, как вели себя тогда полицейские чины, в частности сообщается о таких фактах, когда они отказывались от несения службы во время бурных народных выступлений в октябре-декабре, передевались в штатское платье и т.д. Рассказывается и об отдельных фактах перехода полицейских чинов на сторону восставшего народа.

Вторая группа ставших известными мне источников – это коллективные договоры предпринимателей с рабочими. Заключались они обычно после успешно проведенной стачки, либо под угрозой этой стачки и закрепляли те завоевания, которые были достигнуты рабочими в ее ходе. Поэтому этот источник очень интересен для нас еще и тем, что он выходил непосредственно из самой рабочей среды.

Коллективные договоры у нас до сих пор остались как-то обойдены в литературе. Между тем, например, в Англии уже в начале XX в. коллективные договоры были заключены 2,5 млн. рабочих, в Германии – свыше 200 тыс. рабочих и т.д. На профсоюзной конференции Московского промышленного района, руководимой большевиками, была принята, в частности, резолюция, в которой одобрялась борьба рабочих за заключение коллективных договоров и рабочим советовалось вести ее более энергично. Мне удалось обнаружить в архивах около 20 коллективных договоров, причем я пользовалась только московскими архивами, правда, очень богатыми, главным образом ЦГАОР (фонд Истпрофа) и различными периодическими изданиями множества профсоюзов – крупных и мелких, в частности, периодическими изданиями Союза маслобойщиков. Я брала только период Первой русской революции, но постараюсь впоследствии продолжить исследования по этой теме, потому что, как показывает старая литература 1920-х гг., коллективные договоры заключались и позже, главным образом в период революционного подъема, а некоторые коллективные договоры продолжали действовать и в период столыпинской реакции, так как рабочие продолжали бороться за те завоевания, которых они добились в 1905 г.

Семанов С.Н. (Ленинград). Демонстрация 9 января 1905 г.

Общеизвестно, что все революции начинаются, как правило, с ярких, драматических событий. В этом отношении Первая русская революция является в высшей степени классической. Всем известно, что события 9 января 1905 г. были и яркими, и драматическими. И не случайно, что начало Первой русской революции имеет твердо установленную дату. Этому посвящено большое количество публикаций.

В середине декабря 1904 г. никому неизвестный мастер Путиловского завода Тетявкин уволил четырех рабочих. 1 и 2 января 1905 г. были праздничными днями и завод не работал. Накануне на Путиловском заводе началось брожение, и 3 января завод забастовал. 5 января к нему присоединились еще несколько предприятий. 6 января – воскресенье, но в этот день ведется агитация. 7 января в Петербурге бастовали, по неполным данным, 382 предприятия. В роковые же субботу и воскресенье в Петербурге бастовали 13 тыс. человек, но, по моим подсчетам, эта цифра достигает 125 тыс. человек, что составляло до 80% всех петербургских рабочих. В итоге город был парализован и оказался накануне всеобщей массовой стачки и огромной рабочей демонстрации.

Стихийный размах революционного движения оказался неожиданным для всех революционных организаций Петербурга, включая большевиков. Партийная организация большевиков переживала тогда кризис и была расколота на 3 фракции. Общая численность большевиков составляла всего около 300 человек, и они не в состоянии были возглавить нарастающее стихийное революционное движение. Приведу краткую выдержку из письма одного социал-демократа из Петербурга от 7 января 1905 г., опубликованного в газете «Вперед» № 4: «Только столкнувшись лицом к лицу со стачечной, стихийно выливающейся лихорадкой, охватившей с сегодняшнего дня почти все заводы, фабрики и даже мелкие мастерские, только сегодня мы сможем учесть всю дезорганизованность партии. Результат ее тот, что мы, санкт-петербургская организация, совершенно бессильны перед стихийным рабочим движением». В этом письме, конечно, есть эмоциональные преувеличения, есть и излишняя самокритика, но, тем не менее, факт остается фактом – листовки, которые издавал Петербургский комитет РСДРП, не предвосхищали события, а только следовали за ними. Так, например, лишь 5 января была издана листовка с призывом к началу стачки рабочих Путиловского завода, а она уже перерастала тогда во всеобщую. Слабость петербургской организации признается историками В.И. Невским, В.С. Кирилловым и др.

Стихийное движение за манифестацию к царю, которое вылилось в известные события 9 января, связанные с деятельностью Гапона и которое привело рабочих на Дворцовую площадь, было чрезвычайно сильным. В массе рабочих царил

необычайный подъем, доходивший до религиозного экстаза. Это движение было действительно рабочим движением, и неправильно приписывать его только воле или способностям Гапона. Его интриги, конечно, имели место, но он был всадником, которого понесли быстрые лошади и который не умел ими править. Поэтому Гапон заботился только о том, чтобы соскочить с повозки.

Позвольте сказать несколько слов о том, сколько же человек принимало участие в демонстрации 9 января. В нашей литературе по этому поводу нет разногласий, и приводится цифра 140 тыс. человек. Оказывается, что впервые она появилась в «Кратком курсе» истории ВКП(б), и затем стала приводиться в других работах без всякой критики. Источники же называют в высшей степени противоречивые цифры. Так, у Троицкого моста полицейские власти выявили 4 тыс. демонстрантов; по данным Министерства юстиции, их было 3 тыс. человек, а по другим данным – не менее 20 тыс. У Нарвских ворот, по данным полиции, было 2 тыс., по данным Министерства юстиции – 3 тыс., а по другим данным, – не менее 50 тыс. Так же разнятся данные и по другим районам города. Это значит, что нет никакой возможности точно подсчитать численность демонстрантов на улицах Петербурга. Несомненен только тот факт, что это были стихийные массовые демонстрации. При этом в высших эшелонах государственной власти царила абсолютная растерянность и никакой принципиальной программы действий они не имели.

Недавно были опубликованы воспоминания Д.Н. Любимова – ответственного чиновника МВД, которые это подтверждают. Министр финансов В.Н. Коковцов еще 5 января, отражая беспокойство петербургских предпринимателей, докладывал царю о необходимости принять какие-либо действенные меры для охраны порядка. Но никакие меры приняты не были. Власти и не собирались вмешиваться в начавшуюся забастовку «ввиду ее мирного течения и отсутствия насильственных действий». И только 7 января, когда правительство оказалось перед фактом всеобщей забастовки, они начали спешно готовиться к подавлению этой демонстрации. Так, по воспоминаниям С.Ю. Витте, решено было не пускать демонстрантов дальше ближайших подступов к Дворцовой площади. В мемуарах Любимова тоже говорится, что министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский накануне 9 января говорил, что никакие действия войск допущены не будут и лишь затем было дано указание о вызове войск.

8 января, накануне ставшей неизбежной рабочей демонстрации, в правительственном аппарате возросли нервозность и неразбериха. Еще накануне Гапон лично беседовал с министром юстиции Н.В. Муравьевым, а теперь был отдан приказ о его аресте, но градоначальник Фуллон, однако, не решился осуществить эту меру, боясь открытого сопротивления рабочих. Было уже почти принято и решение объявить Петербург на военном положении, но в последний момент сделать это все

же не решились. В итоге фактическая власть в столице перешла к штабу гвардейского корпуса. Уже с 6 часов утра 8 января на улицы столицы было выведено 23 батальона войск. Никаких специальных распоряжений гвардейским офицерам отдано не было, и они должны были действовать 9 января согласно общим уставным положениям, т.е. в случае, если рабочая демонстрация не разойдется, начать по ней стрельбу. Вечером 8 января после того, как Николай II принимал Святополк-Мирского, царь сделал в своем дневнике запись, что министр приезжал вечером для доклада о принятых мерах. Эта лаконичная фраза как будто подтверждает, что в тот день царь не слышал ни о каких экстраординарных планах и что такие случаи уже были, причем не раз.

О том, что катастрофа «Кровавого воскресенья» оказалась неожиданной для царских бюрократов, свидетельствует их поведение 9 января: Святополк-Мирский весь день «нервно ходил по кабинету и курил» (свидетельство Д.Н. Любимова), а Фуллон пропал в самое горячее время (его 2 часа нигде не могли найти) и только к вечеру пришел к Мирскому уже с текстом своей отставки. Отставку получил и Святополк-Мирский, причем в поспешной и оскорбительной форме. Однако все это ни в коей мере не снимает с властей их вину, и расстрел мирной народной демонстрации 9 января, бесспорно, является следствием самодержавного царского режима. С иллюзиями получить свободу и благосостояние из рук деспотической, самодержавной власти было покончено навсегда, и это поняли, вернее почувствовали, сами рабочие, которые требовали не наказания конкретных виновников, а свержение самого антинародного строя, который порождал трагедии, подобные той, которая разыгралась 9 января.

Сколько же жертв принесло «Кровавое воскресенье»? Обычно приводятся такие цифры: 1 000 убитых и 2 000 раненых. По разным же отзывам современников этих событий, жертв было от 960 до 4 600 человек. У нас есть и поименный список, опубликованный в «Правительственном вестнике», – 1 300 убитых и 2 990 раненых. Анализ документов, находившихся в петербургских больницах, показывает, что количество раненых, по-видимому, здесь сильно занижено, поскольку многие из них не обращались за медицинской помощью. Что же касается количества убитых, то тут конкретных данных у нас нет. Поэтому надо думать, что убито было не менее 1 300 человек и ранено значительно более 3 000 человек.

9 января – это трагический день в жизни российского пролетариата, и значение этого события состоит именно в том, что оно послужило началом Первой русской революции.

Яковлев Н.Н.: Вы сказали, что Гапон был оттеснен и никакого влияния на события не оказывал. Кто же руководил подготовкой этого движения? Или руководителей не было и оно было стихийным? Из опубликованных источников известно, что полиция или имела директиву, или по своей воле не разгоняла

собрания, которые собирались. Это неслыханная вещь. Чем это объяснить? Или это опровергается? И последний вопрос: сколько же рабочих участвовало в этом движении хотя бы приблизительно?

Персов М.С. (Саратов): Я хотел узнать, есть ли какие-нибудь новые источники о 9 января? Из Вашего сообщения этого я не уловил. Прошу разъяснить это.

Левинтов Н.Г.: Вы сказали, что 9 января – это начало революции. Не могли бы Вы объяснить, почему 9 января является началом революции?

Гришкунайте Э.В. (Вильнюс): О том, что войска готовятся расправиться с рабочими все-таки было известно. Чем иначе объяснить делегацию к властям А.М. Горького и других представителей интеллигенции накануне 9 января?

Лескова Л.И.: Могло ли быть так, чтобы не было этого расстрела?

Семанов С.Н.: Вопрос Н.Н. Яковлева о том, что Гапон был оттеснен на второй план и кто руководил событиями. Вопрос этот нужно подразделить на два – о демонстрации и петиции. Петиция подготавливалась очень давно, там были разные предыстории. Но текст этот был набран 5 января. Кто же руководил демонстрацией? То самое гапоновское общество, которое к тому времени полностью вышло из подчинения Гапона. Это – длинная история, но фактически уже в декабре Гапон лишился своего первоначального авторитета. Рабочие собирались у отделений общества, их было 11 в городе, и, как правило, во главе рабочих шли руководители местных отделений. Если мы говорим о стихийности и сознательности, то это было стихийное движение, поскольку у рабочих не было никакого определенного плана и никакой продуманной программы, а было стихийное стремление дойти до Дворцовой площади, увидеть царя и поговорить с ним. Во всяком случае, я так считаю.

Почему полиция не разгоняла собрания рабочих? Они были не только перед 9 января, но и на протяжении всего 1905 г., на них выступали социал-демократы, и ничего принципиально нового события 9 января в этом отношении не внесли. Что касается полиции, то она действительно присутствовала на этих собраниях рабочих 6, 7 и 8 января, но в них не вмешивалась просто потому, что как сам Гапон, так и его общество со стороны полиции пользовались полной неприкосновенностью. И тут, мне кажется, ничего принципиально нового нет.

Сколько человек участвовали в демонстрации 9 января я не знаю и боюсь, что мы этого никогда и не узнаем, т.к. источники сильно друг другу противоречат. Что касается источников, то я изучил материалы петербургских больниц о числе раненых, материалы газет, выходивших тогда в Петербурге и, наконец, изучил московский полицейский фонд.

Почему я считаю 9 января началом Первой русской революции? Потому, что с 9 января начинается непрерывная цепь революционных событий, и события до 9 января – это одно, а события после 9 января – совершенно другое. Делегация Горького была 8 января у Витте и у Мирского. Среди передовой интеллигенции тогда была большая тревога за судьбы рабочих, потому что войска были сконцентрированы и в городе носились слухи, что они вызваны для парада и было известно, что ночью с 8 на 9 января у Балтийского вокзала огромная толпа народа ждала царя, а он в это время был уже в Царском Селе. Войска находились на бивуачном положении в городе два дня, но никто не предполагал, что они будут стрелять по рабочим.

И последний вопрос: могло ли не быть расстрела рабочей демонстрации 9 января? Этот вопрос, надо сказать, очень сложный, но вместе с тем и очень интересный. И хотя историкам не положено думать о том, что было бы и чего могло бы не быть, но если встать на эту точку зрения, то я предположил бы, что вся эта бессмысленная, преступная жестокость по отношению к петербургским рабочим, шедшим к Зимнему дворцу, была неизбежным следствием всей политики царского правительства, которое никаких других методов не могло применять, кроме как «тащить и не пущать» во всероссийском масштабе. Это тягчайшее преступление против рабочих свойственно самой природе бюрократического самодержавного строя.

Добротвор Н.М. (Горький). Фабрично-заводские Советы рабочих депутатов в 1905 г.

Мы начали изучать Советы рабочих депутатов в 1905 г. в связи с 20-й годовщиной революции, причем основная масса литературы вышла именно тогда. К сожалению, товарищи устроители настоящей сессии не показали нам этой литературы, изданной в 1925–1926 гг., а она за некоторыми исключениями интересна. Но продолжает существовать интерес к Советам и в настоящее время. По моим подсчетам, за последние 10 лет защищено 10 диссертаций докторских и кандидатских на тему о Советах рабочих депутатов, и это показатель интереса к данной теме. Но почему-то так повелось (я потом скажу вам, как мне это представляется), что демократическим рабочим организациям у нас очень трудно попасть в разряд Советов рабочих депутатов, т.е. к «лику святых» не всех принимают. Одни Советы не считаются таковыми, а других по тем или иным признакам к ним причисляют. И получается, что значительная часть рабочих политических организаций, которые в большинстве своем, несомненно, были Советами рабочих депутатов, не входят в их число.

В последнее время (это нашло отражение и в тематике нашей конференции) стали прибирать к рукам эти Советы товарищи, занимающиеся историей профдвижения. Это вещь старая. Еще в 1920-е гг. стали думать, что эти Советы, которые не вошли в число «законнорожденных» Советов, нужно считать зародышами профсоюзов. Это совершенно неправильно. И мне кажется, пора навести порядок в этом советском хозяйстве. Первая моя небольшая статья была посвящена Совету рабочих депутатов тульских оружейников. О нем даже нет никакого упоминания. Затем мне пришлось заниматься изучением истории Сормовского совета рабочих депутатов, к которому наблюдается какое-то особенно недоброжелательное отношение. Это произошло, конечно, не из-за злой воли историков, не желающих принять эти организации, а главным образом потому, что были выработаны определенные требования к этим Советам рабочих депутатов: помимо того, что они должны быть избраны рабочими, они обязательно должны обладать функциями власти, какими обладал Московский совет рабочих депутатов. То есть брали равнение на такие организации, как Московский совет, а если та или иная организация не отвечает этим требованиям, то ее и не считают Советом. Но такое требование совершенно неправильно, т.к. не сразу все Советы возникли такими, каким был Моссовет.

Ленин впервые заговорил о Советах в ноябре 1905 г. и сказал, что Советы неизбежно изменяются в ходе революционной борьбы как по своему составу, так и по содержанию своей деятельности, превращаясь из чисто стачечных организаций в органы революционной борьбы. Они возникают на почве стачечной борьбы, а затем превращаются в органы восстания, но не всякий Совет превращался в орган восстания. Поэтому мы не имеем права требовать, чтобы Совет был обязательно органом восстания.

И вот я хочу привести конкретные примеры, в частности сослаться на пример Москвы и Иваново-Вознесенска. Там на отдельных фабриках и заводах создавались Советы рабочих депутатов, и неправильно считать, что у нас первый Совет – это Иваново-Вознесенский совет рабочих депутатов. Он действительно первый территориальный Совет, но до него существовало уже значительное число Советов на фабриках и заводах Иваново-Вознесенска. В Москве тоже существовали Советы на фабриках и заводах, например на фабриках Брокара, Прохорова и т.д. Из этих фабрично-заводских Советов по районам Москвы создались Хамовнический районный совет, Краснопресненский районный совет, Замоскворецкий районный совет и т.д. Эти районные Советы утверждались Московским территориальным советом. И вот о районных Советах у нас упоминают, но почему-то не говорят о фабрично-заводских Советах.

Вот, например, в Твери Совет рабочих депутатов возник на основе фабрично-заводских Советов, и в районе сохранились все фабрично-заводские Советы наряду

с территориальным Тверским советом. Помимо Твери, в Костроме, Киеве, Новониколаевске, Таганроге существовали территориальные Советы, выросшие из фабрично-заводских Советов. Недавно вышла в свет книга, посвященная Бакинскому совету рабочих депутатов, и в ней хорошо показано, что этому территориальному Совету предшествовали заводские и промысловые комиссии, которые выполняли функции Советов на промыслах Манташова и Колесникова и на ряде промышленных предприятий. Тов. Д.Д. Гаджинский в своей диссертации говорит о том, что этот Совет был создан на общем собрании представителей заводских комиссий.

Я выдвигаю такого рода задачу: нам нужно подойти к Советам дифференцированно и разделить их на фабрично-заводские как первоначальную форму организации и Советы территориальные. Тогда, я уверен, мы получим не одну сотню Советов. Но это, конечно, задача не одного, а целого ряда наших историков.

Я подсчитал, что в настоящее время насчитывается примерно 65-70 Советов (в 1920-е гг. их насчитывалось меньше, но с каждым годом это число растет), а включая сюда фабрично-заводские Советы, имеется 135-136 Советов. Причем я не брал еще те организации, которые можно было бы причислить к Советам рабочих депутатов. Вы знаете, что совершенно не изучаются стачечные комитеты железных дорог, которые, по мнению Ленина, выполняли функции Советов рабочих депутатов. Они держали в своих руках все железные дороги, но нет ни одной работы, ни одной диссертации, им посвященных. В этих стачечных комитетах главную роль играли рабочие, и это были не просто стачечные комитеты, а Советы рабочих депутатов.

По моему мнению, первые Советы возникли в Петербурге вскоре после январских событий 1905 г. И это совершенно естественно. Российский рабочий класс был самым революционным в мире, и его политический облик был самый высокий по своему уровню. Этот опыт революции 1905 г. дал возможность в 1917 г. начинать не с фабрично-заводских Советов, а сразу переходить к Советам территориальным. Так, была попытка на Ярославской большой мануфактуре в 1917 г. создать фабрично-заводской Совет, но буквально через неделю он перерос в территориальный Совет, а фабрично-заводские Советы у нас так и не были созданы. Затем творческой силой рабочего класса в 1917 г. были созданы фабзавкомы. В итоге для творческой работы в этом направлении есть большие перспективы.

Яковлев Н.Н.: Какие у Вас есть источники, позволяющие считать, что в Сормове был создан именно Совет рабочих депутатов? Были ли фабрично-заводские комитеты и Советы в собственном смысле слова, как их разделить и какие для этого есть источники? В чем смысл задачи включать заводские комитеты в число Советов?

Деренковский Г.М. (Москва): Мне бы хотелось, чтобы Вы, хотя бы коротко, определили функции Советов. Есть ли разница в функциях, выполняемых

заводскими Советами в конце 1905 г. и в начале 1905 г., потому что Вы называли некоторые заводские Советы, возникшие в феврале, марте и апреле. Есть все-таки какая-то качественная разница между стачечными комитетами, выполнявшими функции Советов в период вооруженного восстания, и вообще стачечными железнодорожными комитетами?

Иванов Л.М.: Известно, что заводские комиссии существовали и до 1905 г. Они существовали на разных предприятиях и выполняли примерно те же функции, что и фабрично-заводские комитеты после 9 января 1905 г. Можно ли на этом основании составить ту схему, которую предложил докладчик, сказав, что были Советы уже 9 января 1905 г.?

Деренковский Г.М.: Как известно, такие комитеты были не только до революции 1905 г. в России, но и в других странах. Как же их размежевать? Раз и в других странах тоже были комитеты, которые вели стачечную борьбу и руководили ею, то, если придерживаться Вашей точки зрения, можно тогда найти Советы не только в России, но и в других странах.

Добротвор Н.М.: Сормовский совет рабочих уполномоченных был создан в феврале 1905 г., причем в архиве есть документы, обнаруженные лишь в 1955 г., есть и материал в газетах. Чем же занимался Сормовский совет? Он, например, добивался повышения заработной платы и сокращения рабочего дня, провел в жизнь решение праздновать 1 мая и т.д. Это, конечно, не то, что делает обычный стачком, но Сормовский совет выполнял еще и политические функции. Ведь обязательным условием деятельности Совета рабочих депутатов является наличие у него политических функций. А стачкомы, создаваемые за границей, политических функций не выполняли, они занимались чисто экономическими требованиями. Так что вы путаете тут две разные вещи. Это неправильно.

Совет рабочих уполномоченных потом был переизбран. В октябре 1905 г. создан новый Совет рабочих уполномоченных во главе с Василием Романовым, братом известного Ивана Романова, депутата II Государственной думы. Руководство было большевистское, и президиум Совета был большевистский. Он участвовал в Сормовском восстании. Есть документы и есть материал.

Второй вопрос: в чем смысл? Я считаю, что смысл в том, что мы, изучая более полно Советы рабочих депутатов, этим самым глубже раскрываем творческие силы рабочего класса. Ведь Советы являются результатом политической сознательности рабочих нашей страны. В Нижнем Новгороде Сормовский завод имел тогда около 10 тыс. рабочих, имел революционные традиции. В Сормово приехали представители Петербургского совета рабочих депутатов и Московского совета рабочих депутатов для изучения вопроса о Совете рабочих депутатов, причем имеется заметка об этом в «Известиях Московского совета» в 1905 г. Там речь идет

о том, стоит ли организовывать территориальный Совет, и написано, что решили другого Совета не создавать. И представители Московского совета решили создать Совет рабочих депутатов. Конечно, если в поселке один завод, зачем же создавать еще территориальный Совет? Решили его не создавать. Есть документ. Речь шла о создании параллельного Совета, и решили его не создавать.

Насчет функций заводского Совета и чем отличаются Советы конца и начала 1905 г.? Советы начала 1905 г. еще загромождены работой экономического, производственного характера. Они занимаются и повышением заработной платы, и повышением расценок, а наряду с этим вмешиваются (мне удалось во многих Советах найти материал) в вопросы приема и увольнения рабочих. Затем празднование 1 мая. Почти все Советы рабочих депутатов ставили этот вопрос, чего не могли ставить в своих требованиях профсоюзы. А в конце 1905 г. Советы больше ставили политические вопросы.

Постепенно, все больше и больше просачиваются сведения о Советах фабрично-заводских. Но многие из них еще остаются неизвестными. На днях, на нашей сессии я узнал о существовании двух Советов – Совета в Феодосии и Совета в Симферополе. До сих пор в нашей литературе об этом не было никаких указаний. В Минске в беседе с Н.А. Вороновой я убедился, что там был Совет рабочих депутатов, возникший на основе Совета железнодорожных рабочих.

И, кажется, последний вопрос относительно Совета старост. Совет старост создали по закону 1903 г., и он решительно отличался от Совета рабочих депутатов. По закону 1903 г., выборы в Совет старост происходили таким образом, что, во-первых, рабочие выделяли только своих кандидатов, а фабрикант из них выбирал тех, кого ему было угодно. А, во-вторых, все разрешения рабочие должны были брать у фабриканта и все с ним согласовывать. Создание ни одного Совета рабочих депутатов, возникшего в начале 1905 г., не согласовывалось с фабрикантом, и он не избирался им, а выборы в Совет производились самими рабочими. Поэтому Совет рабочих депутатов и Совет старост, конечно, никак нельзя сравнивать. Бывали случаи, когда Совет рабочие выбирали по закону 1903 г., но это был только повод избрать старост, а избирали их сами рабочие и действовали они как Совет рабочих депутатов, но не как Совет старост. Поэтому такой подход к этому вопросу неправильный.

Белимов И.Т. (Новосибирск). Железнодорожный пролетариат России в декабре 1905 г.

Железнодорожный пролетариат сыграл выдающуюся роль в период Первой российской революции. Он был зачинателем Всероссийской октябрьской

политической стачки в стране, а его стачечная борьба в ноябре и Всероссийская стачка железнодорожников, начатая 8 декабря 1905 г., облегчили возможность проведения вооруженных восстаний в Москве, Луганске, Сормове и других городах страны. Борьба железнодорожного пролетариата была облегчена и Всероссийской забастовкой почтово-телеграфных работников. Эту стачку Ленин назвал великой стачкой, которая дезорганизовала действия правительства, о чем в свое время писал Витте, ибо она нанесла наибольший ущерб действиям правительства, мешала ему делать нужные распоряжения. Сложившееся положение заставило Николая II издать именной указ о борьбе со стачечниками и объявить положение чрезвычайной охраны на железной дороге.

Железнодорожники центральных губерний России на многих станциях захватили в свои руки управление железнодорожным движением и распоряжение железнодорожным хозяйством. В большинстве мест железнодорожная администрация была отстранена от власти. Были образованы комитеты по управлению железнодорожным движением. Московский комитет РСДРП создал единый железнодорожный район, руководимый большевиками и бывший основной организующей силой железнодорожной забастовки. Была создана сильная боевая дружина Московско-Казанской железной дороги, в которой большую роль сыграл машинист Ухтомский. Стачечное движение железнодорожников в декабре переросло в вооруженное восстание. Это произошло в Нижнем Новгороде, Твери, на станции Урочь Московско-Архангельской железной дороги, а также на станциях Вязьма, Няндома. Железнодорожники захватили власть на станциях Минеральные Воды, Морозовская, Лихая, Грозный. То же самое происходило в Челябинске, Екатеринбурге, Уфе, Перми.

Особенно выдающимся событием на железных дорогах Украины явился захват рабочими почти на 10 дней власти на Екатерининской железной дороге, ликвидированный посланной туда вооруженной силой. Особенно мощные комитеты, которые можно назвать Советами, были созданы в Александровске, Ясиноватой, Долгунове, Екатеринославе и других местах. В Закавказье начатая в Тифлисе забастовка рабочих железнодорожных мастерских была поддержана путейцами и движенцами и также превратилась в восстание. И эта дорога была объявлена на военном положении.

Почему именно на окраинах началась наиболее активная деятельность железнодорожных рабочих? Дело в том, что здесь деятельность других пролетарских отрядов была тогда ничтожной и железнодорожники, работавшие на самых крупных государственных или частных предприятиях, представляли наиболее сознательные и мощные отряды пролетариата. Это положение с особой рельефностью сказалось в Сибири, где крупное промышленное производство отсутствовало, а железнодорожный пролетариат, сконцентрированный в самом

крупном государственно-капиталистическом предприятии – Транссибирской магистрали в количестве около 70 тыс. человек (кроме мелких служащих и телеграфистов), являлся наиболее крупным и передовым отрядом рабочего класса края. Сибирь была ближайшим тылом русско-японской войны, и население этого края первым испытало на себе все военные тяготы. Именно здесь прошли первые мобилизации запасных на фронт, здесь были реквизированы для нужд войны лошади, повозки, фураж и продовольствие, что сразу подорвало производительные силы края, ускорило рост нищеты и бедствий трудящихся. Трагические последствия этой несправедливой войны с гибелью десятков тысяч людей также первыми испытали на себе рабочие и крестьяне Сибири.

Железнодорожные рабочие с самого начала имели здесь непосредственное и активное общение с солдатами, сначала ехавшими на фронт, а потом возвращавшимися оттуда калеками или больными. Это и обусловило своеобразие революционной борьбы железнодорожного пролетариата Сибири. Сибирские железнодорожники не могли включиться во Всероссийскую политическую стачку железнодорожников в декабре 1905 г. потому, что их задача заключалась не в нарушении работы этой магистрали, а как раз наоборот, в организации ускоренной перевозки на родину возможно большего количества демобилизованных солдат Манчжурской армии. Обозленные, измученные, голодные солдаты являлись настоящим горючим материалом, и надо было как можно быстрее влить эти массы солдат в ряды пролетариата и крестьянства, боровшегося против царизма. Вот почему железнодорожники Сибири не могли объявить забастовку. Остановка движения воинских поездов привела бы к кровавым столкновениям между ними и солдатами, которые рвались домой, а это нанесло бы серьезный ущерб союзу рабочего класса и крестьянства.

Однако объявленная в сентябре 1905 г. демобилизация Манчжурской армии нарочито задерживалась. Царское правительство и командование армии, в частности генерал Линевич и др., поняли, что использовать солдат Манчжурской армии для подавления революции нельзя, и решили прекратить их демобилизацию. Некоторые считают, что сибирские железнодорожники помогли царизму, организовав ускоренную перевозку демобилизованных солдат Манчжурской армии. Для того, чтобы показать ошибочность такого рода утверждений, достаточно напомнить слова Витте царю, что теперь революция идет не с Запада на Восток, а с Востока на Запад. К середине ноября вся сибирская магистраль была захвачена железнодорожными рабочими, и для руководства железнодорожным хозяйством и движением по дороге были созданы в ноябре-декабре 1905 г. так называемые смешанные комитеты. Одни считают их Советами рабочих депутатов, другие – просто забастовочными комитетами. К сожалению, специальных работ по этому вопросу у нас еще не написано. Я полагаю и убежден в том, что смешанные

комитеты не были забастовочными комитетами, поскольку вся сибирская магистраль была в руках железнодорожных рабочих. Они были полными ее хозяевами и не бастовали, а, наоборот, организовывали усиленные перевозки солдат на Запад. Поэтому я считаю, что смешанные комитеты являлись Советами своеобразной формы.

Поскольку Советы рабочих депутатов овладели дорогой более чем на полтора месяца, они, выполняя функции революционной власти, одновременно осуществляли и хозяйственно-административную работу. А поскольку железнодорожное хозяйство обладает исключительной сложностью, то рабочие Советы привлекли на службу инженерно-технические кадры, без которых дорога функционировать не могла. Поэтому комитеты и были смешанными и созданы буквально на всех железнодорожных станциях. Это парализовало действия царских властей. В донесениях в столицу начальник жандармского управления полковник Сыропятов сообщал, что военная охрана является фикцией, что солдаты присоединяются к революционерам и действуют по их указанию. Генерал-губернатор Сибири также доносил о том, что власти не имеют никакой силы. Железнодорожный пролетариат отстранил от власти всех губернаторов Сибири и городское начальство. И военные власти были совершенно беспомощны. А Витте писал, что длительное время дорогой управляло «самозванное сообщество». Поэтому Сибирская железная дорога была объявлена на военном положении.

По моему убеждению, восстания сибирских железнодорожников было восстанием всего сибирского железнодорожного пролетариата, захватившего власть в свои руки и совершившего настоящий подвиг. Вооружены были несколько десятков тысяч железнодорожников, а на каждой станции было столько сил, что они могли бы составить крупное армейское соединение. При этом борьба железнодорожного пролетариата Сибири в декабре 1905 г. имела не только общесибирское, но и общероссийское значение. Она помогла российскому пролетариату поднять революцию на высшую точку. И это было сделано без применения насилия и без кровопролития. Железнодорожники установили 8-часовой рабочий день, боролись с черносотенцами и т.д.

Николай II в гневной телеграмме генералу Линевичу 13 декабря 1905 г. писал: «Продолжающаяся смута и сопротивление законным властям служащих на сибирской магистрали ставят армию и государство в ненормальное положение». Царь обязал Линевича снарядить карательную экспедицию под начальством генерала Ренненкампа для «восстановления среди всех служащих на Забайкальской и Сибирской железных дорогах полного подчинения требованиям законных властей». Вызвав из Варшавы генерала Меллер-Закомельского, царь поручил ему двинуться в Сибирь во главе карательной экспедиции для «уничтожения

сопротивления железнодорожных служащих», расстреливая их без суда и следствия на протяжении всей сибирской магистрали.

Железнодорожники Сибири придерживались выжидательной тактики. Я не буду говорить о том, каких жертв стоило это железнодорожному пролетариату Сибири и что ошибка, которую он совершил, была обычной ошибкой, свойственной пролетариату и других районов России. Железнодорожный пролетариат Сибири в декабре 1905 г. совершил великий революционный подвиг, а факт установления рабочего контроля и рабочего управления на всей сибирской магистрали ставит его на одно из первых мест в авангарде революционной борьбы всего сибирского пролетариата и крестьянства.

Тарновский К.Н.: Переходим к обсуждению сообщений, заслушанных на нашей подсекции.

Петров П.И. (Пермь): Я ограничусь лишь одним кратким замечанием и другим – более развернутым.

Прежде всего, я хотел бы выразить свое отношение ко всем заслушанным здесь докладам. Я весьма удовлетворен тем, что присутствовал на заседании нашей подсекции, и присоединяюсь к мнению товарищей, которые сказали, что мы теперь будем в значительной степени более подкованными по интересующим нас проблемам истории Первой русской революции, чем были до сих пор.

Второе мое замечание более пространное. Я хочу выразить свое отношение к части сообщения тов. Белимова. Я присоединяюсь к мнению, которое разделяют, мне кажется, все присутствующие здесь товарищи. Тов. Белимов привлек наше внимание к той проблеме, которая, к сожалению, действительно слабее всех остальных затрагивалась в исследовательском плане даже применительно к революции 1905 – 1907 гг. Речь идет об изучении революционной деятельности такого большого отряда российского пролетариата, каким являлись железнодорожники.

Если мне память не изменяет, у тов. Рашина в его известной работе «Формирование рабочего класса России» железнодорожный пролетариат России насчитывал в 1905 г. более 600 тыс. человек. На более поздний период предельная цифра доходит до 800 тыс. человек (я эти цифры привожу по памяти). Слушая выступление Белимова, я вынес впечатление, что проделанная им работа дополняет те исследования, которые начаты в этой области. Вместе с тем я позволю себе сделать одно критическое замечание. Оно сводится к тому, что докладчик Белимов сослался на авторитетное многотомное издание документов «Высший подъем революции». Однако я должен сказать, что в учебной и исследовательской

литературе примерно 5-7-летней давности мы не найдем заявления о том, что в Перми, Екатеринбурге и Уфе на железной дороге были восстания.

Разрешите коротко пояснить свою мысль. Пермская железная дорога с центром в Перми присоединилась к всеобщей железнодорожной забастовке, но ее управляющий Митинский попытался запретить послать делегатов от нее в Москву на учредительный съезд. И в связи с этим была объявлена забастовка, которая распространилась по всей железной дороге, но никакого восстания при этом не было вплоть до восстания рабочих в Мотовилихе, причем железнодорожники, к сожалению, даже не поддержали должным образом это выступление. Что касается Уфы, там в железнодорожных мастерских под руководством Якутова имело место вооруженное сопротивление попытке отряда, подкрепленного казачьей полусотней, разогнать митинг. Было брошено несколько бомб, и этим дело кончилось. Примерно такого же характера выступления, даже еще слабее, имели место и в Чусовой. В этой связи я вспоминаю тов. П.З. Ермакова, одного из заметных работников большевистских организаций на Урале, который пытался, как он говорил, наряду с другими товарищами прийти на помощь мотовилихинцам, но один из ранее демобилизовавшихся солдат сказал: «Что вы хотите сделать со своими берданками и холодным оружием? Вас перестреляют, как куропаток, солдаты, стремящиеся вернуться на родину». И они этого так и не сделали. Отсюда (а все это основано на документах) следует, что тов. Белимову нужно более критически относиться к используемому им материалу.

Деренковский Г.М.: Товарищи! Я, как один из руководителей секции, не пытаюсь сейчас подводить итоги ее работы и не собираюсь говорить обо всех заслушанных докладах. Но меня как рядового участника этого научного заседания заинтересовал доклад тов. Добротвора, и я хотел бы высказать по нему несколько соображений. Доклад привлекает внимание к фабрично-заводским Советам, что очень хорошо, потому что сюжет этот не получил надлежащей разработки в нашей исторической литературе. Поэтому естественно надо исследовать этот сюжет, искать истину, доказывать и спорить. У наших историков и у читателей не существует достаточно ясного и отчетливого представления о том, что такое Советы рабочих депутатов. Не всегда задумываются и над тем, почему они возникли в массовом масштабе в определенное время – примерно в середине октября (13 октября возник Петербургский совет рабочих депутатов) и в первые дни ноября, т.е. в момент подъема русской революции 1905–1907 гг., в момент двух всеобщих стачек – ноябрьской и декабрьской, т.е. когда встал вопрос о перерастании Всероссийской политической стачки в вооруженное восстание.

С окончанием же Декабрьского вооруженного восстания в течение нескольких месяцев о Советах не было ни слуха, ни духа. И вдруг в июне 1906 г., в момент весенне-летнего подъема революционной волны эсеры выносят решение создать

Совет рабочих депутатов, причем их поддерживает из тюрьмы Г.С. Хрусталева-Носарь. Однако Петербургский комитет большевиков выступает против, рассматривая эту затею как несвоевременную и провокационную. Проходит еще несколько дней, происходит разгон I Государственной думы и возникает политический кризис, а революционные организации обсуждают вопрос, как реагировать на разгон Думы и как воспользоваться возникшим политическим кризисом.

Большевики – сторонники вооруженного восстания, но они чувствуют, что момент еще им не благоприятствует. Меньшевики и эсеры же ставят вопрос о том, что надо немедленно реагировать путем объявления всеобщей стачки. Возникает блок политических партий. Наконец, как вам известно, вспыхнули восстания на флоте в Кронштадте и Ревеле, и возникла совершенно новая ситуация. Тогда Ленин в брошюре «Роспуск Думы и задачи пролетариата» высказывает мысль о том, что в связи с изменившейся обстановкой можно и нужно призвать к созданию Советов рабочих депутатов, которые выступят организаторами всеобщей политической стачки и вооруженного восстания. Поэтому надо думать над вопросом о том, когда и при каких обстоятельствах можно создавать Советы рабочих депутатов.

Кстати говоря, II конгресс Коминтерна в 1920 г. с участием Ленина принял специальное решение, где на основе опыта Первой русской революции говорится, когда, при каких обстоятельствах и в какой обстановке возможно создание Советов рабочих депутатов. Для этого нужно, чтобы назрел вопрос о вооруженном восстании и народ сам ставит перед собой конкретную задачу захватить власть в руки рабочего класса.

Теперь обратимся к заводским Советам. Тут говорили о том, что они существовали в течение всего 1905 г., начиная с первых месяцев, и существовали, по-видимому, легально, потому что весь смысл их существования заключается именно в легальном их существовании. Так, Советы рабочих депутатов к осени 1905 г. выполняли профессиональные функции, и в полемике с Хрусталевым-Носарем Ленин об этом прямо говорил. Я не берусь утверждать, что знаю все материалы, но через мои руки, как одного из составителей многотомной серии документов по истории революции 1905 г., прошло довольно много материалов. И то, что мне известно о деятельности фабрично-заводских Советов в первой половине 1905 г., все же за пределы выполнения ими своих профессиональных функций не выходит. Они руководили стачечной борьбой, но руководство ею – это также их профессиональная функция.

В Москве в сентябре 1905 г. возник Совет по профессиям – Совет пяти профессий. Но разве этот Совет равнозначен тому Совету рабочих депутатов, который возник 21 ноября 1905 г.? Разница есть. Я думаю, что А.М. Панкратова права, когда еще в конце 1920-х и в начале 1930-х гг. доказывала, что это были

главным образом профессиональные организации. Или же возьмите Ивановский совет. Вот в течение прошлого и этого года меня буквально атаковали ивановские старые большевики, которые проведали, что я являюсь одним из авторов 2-го тома «Истории КПСС», и пристали ко мне с ножом к горлу: напишите Ивановский совет рабочих депутатов! Но я говорю им, что он тогда так не назывался, а назывался Депутатским собранием или Собранием уполномоченных депутатов и что так я и напишу, хотя функции он фактически выполнял Совета рабочих депутатов.

Я это говорю к тому, что распорядительные комитеты и смешанные комитеты на железных дорогах, функционировавшие с 1905 г., знали о Советах рабочих депутатов, что тогда уже выходил печатный орган Петербургского совета рабочих депутатов, но спрашивается, почему же они не называли себя Советами рабочих депутатов, а называли себя смешанными или распорядительными комитетами? Хотя анализ их деятельности показывает, что они выполняли фактически функции Советов рабочих депутатов. Поэтому есть формальная разница в их наименованиях, но существо их деятельности одно и то же. И все-таки было бы смешно переименовать название того или иного учреждения, раз оно называлось так, а не иначе. Но ведь предложение некоторых товарищей сводится именно к тому, чтобы сегодня исправлять факты прошлого, и мне кажется, что этого делать не следует, тем более что даже крупные большевики, видные деятели партии не сразу поняли, что это такое Совет рабочих депутатов.

В Москве Совет рабочих депутатов возник 21 ноября, т.е. спустя 5 недель после Петербургского совета рабочих депутатов. Случайно он так поздно возник? Нет, не случайно, а потому, что московские большевики, в частности В.Л. Шанцер-Марат, не сразу поняли что, собственно, такое Совет рабочих депутатов. Опубликован материал конференции северных комитетов РСДРП 24 ноября 1905 г. – несколько дней спустя после создания Московского совета рабочих депутатов. И какое же решение там принимается? Совсем не ленинское решение: там, где комитеты РСДРП слабые, надо создавать Советы, а там, где они сильные, там делить власть с эсерами и меньшевиками не следует и Советы создавать не надо. Большевик М. Васильев опубликовал свои мемуары, в которых рассказывает, что перед поездкой в Поволжье его инструктировал Шанцер-Марат и внушил ему эту мысль. И выходит, что представитель меньшевиков голосует за создание Совета рабочих депутатов в Нижнем Новгороде, а большевик М. Васильев возражает против этого. То же самое происходит и в Саратове, где меньшевик высказывается за создание Совета рабочих депутатов, а большевик опять выступает против.

В странном положении оказались даже видные большевики в результате их непонимания функций и задач Советов, и разъяснилось это лишь тогда, когда в «Новой жизни» проходила дискуссия и появлялись все новые и новые статьи Ленина. И наконец эта точка зрения о Совете рабочих депутатов как зародыше

советской власти, как органе народной власти утвердилась. Как видите, даже представители такой крупной партийной организации, как московская, не сразу поняли, что такое Советы рабочих депутатов.

Мы находимся в затруднении в связи с тем, что тот источник, на котором строилась вся наша концепция о Московском совете рабочих депутатов, – листовка «К борьбе» или «В борьбе» оказалась не большевистской, а меньшевистской. Что сделали публикаторы? М.Н. Покровский в 1925 г. ее опубликовал с подписью «Московская группа РСДРП» (т.е. она меньшевистская), а Елизаров, директор Института истории партии в 1930 г., отрезал конец и приклеил другой: «Московский комитет РСДРП». На основании чего он это сделал? Васильев-Южин в своих воспоминаниях обронил фразу, что, кажется, он написал эту листовку, и этого оказалось достаточно, чтобы довольствоваться его воспоминаниями. А новый директор Института истории партии Костомаров в 1955 г. снова переработал ее, поместив в сборник листовок «Московские большевики». И «Правда» на днях дала материал о Московском совете, причем первый документ, который они цитируют как свидетельство того, что большевики первыми сказали, что нужно создать Московский совет, – это меньшевистская листовка. Факт этот имеет уже всеобщую известность. Приезжают к нам профессора из Англии, Америки и внимательно следят за каждым словом в нашей науке. Они хорошо это знают. Хорошо это знает и меньшевик Николаевский, живущий в США. И они, конечно, злорадствуют по этому поводу. У нас же до сих пор нет вразумительного освещения этого вопроса, потому что нельзя было на одном документе строить концепцию создания Московского совета. Причем документ этот оказался меньшевистским. Поэтому я еще раз говорю, что нужно думать над вопросами, которые поставил тов. Добротвор, нужно их внимательно исследовать. Не нужно насиловать исторические факты, не нужно их искажать. Нужно дать правдивое освещение истории Советов в период революции 1905 г., в том числе и Советов фабрично-заводских.

**ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИИ № 1 НАУЧНОЙ СЕССИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 60-летию РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг. В РОССИИ**

16 декабря 1965 г.

Председатель К.Н. Тарновский

Кузнецов Н.В. (Москва). Возникновение профессиональных союзов в России.
(Доклад опубликован и не стенографируется).

Председатель: У кого имеются вопросы к докладчику?

Кондриков Б.В. (Омск): Когда возник первый профессиональный союз, где и какой процент рабочих профсоюзы охватывали в 1905 и в 1906–1907 гг.? Как оформлялись уставы профсоюзов и с какого момента они считались созданными – с момента решения собрания рабочих о создании союза или с момента принятия его устава?

Кузнецов Н.В.: Одним из первых профсоюзов было оргбюро печатников в Петербурге, которое возникло в апреле 1905 г., но его устав не был зарегистрирован и поэтому формально он не считается созданным. Депутатские советы, хотя они тоже не были оформлены, но по существу выполняли роль профсоюзов возникли у металлистов даже раньше, чем у печатников. При этом число профсоюзов менялось каждый год и даже каждый месяц. Одни профсоюзы возникали, а другие закрывались. К апрелю 1907 г. в России насчитывалось 652 профсоюза с количеством членов 245 385. Таковы сведения оргкомиссии по созыву I съезда профсоюзов, который так и не состоялся. По другим данным, была почти тысяча профсоюзов. Но следует иметь в виду, что иногда количество профсоюзов завышалось самими властями, чтобы показать, что в России рабочие тоже создают свои организации.

Закон от 4 марта 1906 г. касался не только рабочих профсоюзов, но и обществ и союзов мелких хозяев, например пекарей и т.д. Объединяли профсоюзы тогда всего 3,5% всех рабочих России.

Кондриков Б.В.: Как стоял вопрос в отношении оформления устава профсоюзов?

Кузнецов Н.В.: Зачастую устава еще не было, но все равно профсоюзы действовали. В 1905 г. они возникали явочным порядком. Мы не можем считать только те профсоюзы, которые были зарегистрированы. Когда начала действовать группа по созданию профсоюзов, это и считалось началом существования данного профсоюза. Позднее уже происходило его оформление, причем иногда власти отказывали в его регистрации. Такая регистрация начала проводиться только с 1906 г., а ведь профсоюзы возникли гораздо раньше. Поэтому время существования профсоюзов надо считать до их оформления.

Кондриков Б.В.: Считать ли началом деятельности профсоюзов момент собрания или момент принятия устава?

Кузнецов Н.В.: Трудно сказать, как будет более правильно. По существу еще до утверждения устава возникли профсоюзы, и как только появилась учредительная группа, сразу же надо считать, что они уже существуют. Не будет ошибки, если вы скажете, что профсоюзы уже возникли, а устав был принят позднее.

Гуськова Т.К.: В чем Вы видите особенности профсоюзов в 1905–1907 гг.?

Кузнецов Н.В.: Особенности профсоюзов этих годов отличались от западноевропейских. У нас партия влияла на организацию профсоюзов. Это первое. Вторая особенность состоит в том, что они возникли в самое горячее революционное время, и это наложило отпечаток на их деятельность и на их революционный характер. В-третьих, в большинстве случаев партия проводила линию на производственное построение профсоюзов, в отличие от других стран, где были даже цеховые союзы. Многие профсоюзы строились у нас по профессиям.

Ольховая Л.В. (Свердловск). Кооперативное движение в России в 1905–1907 гг.
(Доклад имеется в письменном виде и не стенографируется).

Председатель: Вопросы к докладчику имеются?

Хазиахметов Э.Ш.: Интересовались ли Вы деятельностью в кооперативах политических ссыльных? Как росло кооперативное движение в годы революции?

Кондрик Б.В.: Вы использовали материалы кооперативного движения в Сибири?

Вопрос: Насколько изучен вопрос о том, как большевики использовали кооперативы для своей легальной и нелегальной деятельности?

Ольховая Л.В.: Некоторые сведения о роли политических ссыльных в развитии кооперативного движения в Забайкалье и Сибири имеются.

Вопрос: Как росло кооперативное движение в годы Первой русской революции?

Ольховая Л.В.: Точных данных о количестве кооперативных организаций во всероссийском масштабе нет. Но по отдельным видам кооперации у меня имеются сведения. Если они интересуют товарища, задавшего вопрос, я могу ему об этом отдельно рассказать. У меня имеется специально составленная таблица, но зачитывать ее сейчас целиком было бы сложно. Там имеются данные о революционном движении и его росте в 1905–1907 гг.

Занималась ли я специально изучением кооперации в Сибири? В дореволюционной литературе хорошо изучена деятельность сельскохозяйственных обществ в Сибири. В частности, в работе С.Н. Прокоповича имеется об этом большой материал. Поэтому я специально здесь на этом не останавливалась. Как большевики использовали кооперативы других слоев населения, в частности приказчиков, для легальной и нелегальной деятельности? Я не располагаю этими данными.

Вопрос: Не располагаете ли Вы материалом, который бы говорил, что сельские кооперативы являлись органом зажиточной, кулацкой части крестьянства?

Ольховая Л.В.: Я в своем сообщении привела факты, когда сельские кооперативы выступали как демократические организации, ибо это наименее известный в литературе вопрос. Другая сторона проблемы – это то, что большинство сельских кооперативов находились под влиянием зажиточной части деревни. Это бесспорно. Относительно же силы развития кооперативного движения в разных районах сравнительно с Уралом точных данных у меня нет.

Калюшко Н.И. (Одесса). К вопросу об особенностях борьбы рабочих Правобережной Украины в годы Первой русской революции.
(Доклад имеется в письменном виде и не стенографируется).

Председатель: Какие будут вопросы к докладчику?

Вопросы: Каковы данные о стачечном движении, которые собрал докладчик? Какая продолжительность стачек и каковы результаты стачечной борьбы? Какие конкретные факты говорят об устранении Бунда от революционного движения? Особенности положения рабочих юго-западной части Украины заключаются в том, что они были связаны с землей. Как эта особенность сказалась на их требованиях? Каковы причины роста революционного движения на Правобережной Украине? Хотелось бы услышать также о разнице между аграрным рабочим классом и промышленным рабочим классом.

Калюжко Н.И.: Общие данные по Украине о количестве стачек имеются в литературе. Это 500 тыс. участников стачечного движения за 1905 г. Данные по Правобережной Украине – 79 тыс. стачечников. Эти данные я взяла из архива. В 1905 г. не более 20% стачек закончилось удовлетворением требований рабочих. В 1906 г. 65% общего количества стачек закончилось удовлетворением требований бастующих. На 20-40% они добились повышения зарплат.

В архивах мало встречается материалов о влиянии Бунда на рабочее движение, но мне попались воспоминания рабочих, которые со временем стали большевиками и принимали участие в профсоюзном движении Житомира, Ровно, Балты. Эти воспоминания свидетельствуют о том, что когда бундовцы пытались построить профсоюзы по национальному признаку и после погромов 1905 г., ряд рабочих заявили о желании вступить в нейтральные профсоюзы, построенные не по партийному принципу, но были и бундовцы, сблизившиеся с большевиками и участвовавшие в интернациональных стачках.

В 1905 г. мною учтено в Прикарпатских украинских губерниях 129 стачек, а в 1906 г. 110 стачек. По количеству стачечников 1906 г. опережал 1905 г. В 1905 г. в них принимали участие около 35% от общего количества стачечников, и около 65% приходится на второй период революции. Стачки происходят на крупных сахарных заводах в мае и летом, когда в них участвовала наиболее организованная часть рабочих сахарных заводов. Постоянные кадры принимают участие летом 1906 г. в стачечной борьбе. В литературе имеются данные о 44 стачках, а мне удалось в архиве собрать данные о 110 стачках.

Чубуков Я.А. (Ужгород). Отклики на русскую революцию 1905–1907 гг. в Закарпатье.

В связи с тем, что Закарпатский край в рассматриваемое нами время не входил в состав России, о его истории написано еще очень мало, особенно в дооктябрьский период, а то, что написано, – на украинском языке. Поэтому не все присутствующие могли ознакомиться с литературой, вышедшей по истории освободительного

движения в Закарпатье, необходимо дать характеристику той обстановке, которая сложилась к 1905 г. в Закарпатской Украине. В 1900 г. там было 550 тыс. жителей, из которых 440 тыс. украинцев, а остальные – венгры, румыны, евреи, словаки и др. 80% из них занимались сельским хозяйством, а остальные работали в промышленности и в торговле. Спецификой Закарпатья являлось то, что там сохранялось крупное помещичье землевладение, причем наиболее крупные влиятельные помещики – это немцы или венгры. Некоторое количество помещиков было украинской национальности, но они экономически и политически влияли на этот район слабо. В Закарпатье очень сильна была позиция римско-католической церкви и греко-католической церкви и монастырей, особенно вселенских, причем они выступали как крупные землевладельцы. При этом существовал даже специальный церковный налог, который взимался как натурой, так и в форме отработок. Что касается состава рабочих, то, по моим подсчетам, на всех предприятиях лесной, деревообделочной и легкой промышленности и в строительстве насчитывалось около 9 тыс. человек.

Закарпатская Украина находилась на положении колонии Венгрии, хотя венгерские историки это стараются отрицать. Политических прав население не имело. Что касается его экономического положения, особенно крестьянства и главным образом украинского крестьянства, то было до 74% безземельных или малоземельных крестьян, которые составляли армию батраков. В низинных районах лучшие земли были захвачены помещиками – немцами и мадьярами. Таким образом, эксплуататорские классы в большинстве своем были не украинцами.

Первая профсоюзная организация в Закарпатье возникла среди рабочих каменного карьера в 1903 г. в районе Мукачева. В июне она провела первую экономическую стачку с требованием установления 10,5-часового рабочего дня. В 1904 г. прошла небольшая стачка строительных рабочих в Ужгороде. Это были первые стачки, которые мы знаем в конце XIX и начале XX в. Но вот начались революционные события в России. Первые сообщения в газетах, доступные читающей публике, причем около 72% населения было неграмотным, не всегда правильно освещали события. Это относится и к социал-демократической будапештской газете «Нэп сабат». Затем началась оголтелая пропаганда церковников. События 9 января 1905 г. в Петербурге и выступления пролетариата в разных районах Польши, конечно, извращались, как это присуще всей реакционной и буржуазной печати. Лишь в марте появилось сообщение о революции в России в одной из местных ужгородских газет. Буржуазная «Унгвари кезлень» опубликовала статью, причем без подписи автора. В ней говорилось: «Вся Европа с особым вниманием следит за событиями в России. События в России напоминают баррикады Парижской Коммуны. Наступили столкновения между двумя смертельными врагами – между двумя историческими эпохами, между вольнолюбием и тиранией... Русская

революция началась не так, как революция во Франции в конце XVIII в. И ее результаты будут другими...»

Что же нового появилось в Закарпатье под влиянием революционных идей, идущих из России? Новым было, прежде всего, то, что стали возникать профессиональные организации буквально во всех отраслях промышленности, которые существовали в этом крае. Начиная с марта 1905 г. и кончая 1906 г., создается ряд профсоюзов. Они начали организовывать стачки, причем стачки не только по экономическим вопросам, но многие из солидарности с венгерскими или русскими рабочими. 1 мая 1906 г. на площади Кошуца состоялся первый в Закарпатье митинг. Ораторы выступали с разъяснениями классовых интересов рабочих. Были приняты требования всеобщего избирательного права, и прозвучала идея братской солидарности с русским народом. В мае и июне в Ужгороде, Мукачеве и других крупных городах Закарпатья впервые прошли демонстрации, которые, как правило, разгонялись полицией.

На строительстве железных дорог развернулось движение рабочих за свои права. Работали там в большинстве рабочие венгерской или польской национальности, причем их было до 10 тыс. человек. На подавление беспорядков были посланы солдаты.

Вступил в борьбу и сельскохозяйственный пролетариат. Это имело большое значение, так как сельскохозяйственный пролетариат численностью примерно до 50 тыс. человек. Об этом имеется очень много сообщений, включая и донесения священников в Ватикан и МВД. Сельскохозяйственные рабочие в 1906 г. перед уборкой хлеба объявили в самом сельскохозяйственном районе – Бережской жупе забастовку, причем агитаторами выступали представители Всевенгерского союза или Всеберегового союза.

Когда мы посмотрели материалы в архиве, то оказалось, что с 1906 г. в связи с разгромом Лодзинского и других открытых выступлений рабочих Польши и в связи с преследованиями в России и на Украине многие политические эмигранты переехали за границу. Оказывается, они оседали по городам и селам Закарпатья и там устанавливали контакты с крестьянами, стараясь распространять идеи революции. Правда, как правило, эти политические эмигранты выступали не под своей фамилией. Там оказалось даже несколько участников восстания на броненосце «Потемкин».

Горякина В.С. (Симферополь). Стаечная борьба рабочих Таврической губернии в 1905–1907 гг.

(Доклад имеется в письменном виде и не стенографируется).

Бирон А.К. (Рига). Историография революции 1905–1907 гг. в Латвии.

Остановлюсь на трех основных событиях революции 1905–1907 гг. в Латвии и на их освещении в буржуазной и советской историографии, а также на прибалтийско-немецкой историографии.

Прибалтийско-немецкая концепция изложена в целом ряде работ немецких балтийских историков, в частности в двухтомной работе, вышедшей в Берлине в 1907 г. анонимно с предисловием известного немецкого реакционного историка Т. Шимана. Эта работа принадлежит немецкому историку с латышскими корнями А. фон Транзее-Розенку, который считал нужным в то время остаться неизвестным. Согласно его концепции, до 1880 г. в остзейских провинциях все обстояло благополучно: крестьяне обрабатывали помещичьи земли, ходили в церковь и т.д. Но вот русское правительство взяло курс на русификацию остзейских провинций, на умаление немецкого влияния, и начались затруднения. В результате среди местного населения упал авторитет как помещиков, так и лютеранской церкви, что привело, в свою очередь, к революции. Это и было использовано латышами, а потом местной социал-демократией. Вот почему почву для революции подготовила якобы прежде всего политика царского правительства. Поэтому вся немецкая историография направлена против тех историков, которые ищут какие-нибудь социально-экономические корни революции или видят ее причины в аграрных отношениях, которые существовали в остзейских провинциях. Все сводится к тому, что немецкие бароны только то и делали, что пеклись о благополучии немецкого населения.

Немецко-прибалтийские историки позволяют себе критику деятельности царской администрации в период революции и допускают различные словесные упражнения по адресу «истинно русского» бюрократизма.

Автор «Die Lettische Revolution» (Латышская революция) (Т. 1-2. Берлин, 1906–1907) выступает против манифеста 17 октября 1905 г. и приветствует последующие карательные экспедиции. Он намекает, что только «голубые бароны» и немецкая буржуазия остались верны монархии Романовых в период революции. Таким образом, налицо подмена классово-борьбы латышей национальной враждой. Именно эта идея была взята на вооружение латышскими буржуазными историографами.

Своеобразным мостом между ними послужила вышедшая в 1930 г. книга «Сообщения священников о революции 1905 г.». Еще в период революции лютеранский пастор Биленштейн обратился к своим коллегам с просьбой прислать сведения о революционерах и революционных событиях 1905 г., причем подчеркивалась необходимость указания на активных участников революции. Достаточно сказать, что латышский историк, писатель и общественный деятель Арведс Швабе заметил, что едва ли можно предположить, будто их интересовала

чистая библиография, поскольку, по его мнению, тут был налицо фактор передачи сведений в полицейские участки. 1930 г. – это время экономического кризиса, год роста революционного движения во всех буржуазных странах, в том числе и в Латвии, и публикация такого реакционного источника явилась следствием этого. Курс, взятый царизмом на поддержку православной церкви с 40-х гг. XIX в., привел к падению роли лютеранской церкви в остзейских губерниях.

В этой книге описываются карательные экспедиции. Один священник писал: «Только в последний момент, в начале января 1906 г. пришло спасение. Карательные экспедиции вступили в округ, а карательные суды начали свою деятельность». Естественно, что вопреки воле авторов данная публикация содержит очень много материалов, свидетельствующих о панике, которая охватила господствующий лагерь, и о падении авторитета церковников. Поэтому она была использована и до сих пор иногда используется советскими историками. Из наиболее ярких примеров, которые приводились в этой книге, укажем на то, что один из священников проговаривается там, что у него всегда было при себе оружие, и в момент бегства из родного прихода он участвовал в перестрелке с революционерами. Есть и очень яркая зарисовка того, что большинство населения не ходило в церковь. «Как правило, мужчины стоят во время богослужения около церкви и разговаривают. Находятся даже люди, которые о своем пасторе рассказывают то, что он ночью видит во сне, потом рассказывает своим прихожанам...» Весьма характерно и письмо Биленштейна о пасторе, который ратует за то, чтобы на местный рыбозавод не принимались лица, участвующие в революционном движении. Правда, такая прямолинейная защита господствующего класса в истории лютеранской церкви в XX в. встречается не часто.

Что касается буржуазной латышской историографии, то в ней было три крыла. Первое – это правое крыло. Ярким представителем его является работа Штрассера и Бланка о революции 1905 г., вышедшей в Берлине в 1930 г. Книга носит ярко выраженный антиреволюционный характер, причем авторы исходят из того, что революция обычно происходит в тех странах, где правительство не пользуется авторитетом. Поэтому умное правительство своей политикой может спасти страну от революции. В этом отношении приводится пример Распутина, который сделал для революции куда больше, чем все революционные партии вместе взятые.

Центральное место в буржуазной историографии Латвии занимает А. Швабе. В его последней работе две главы посвящены непосредственно революционным событиям 1905–1907 гг. Здесь, прежде всего, бросается в глаза противоречие между постулированным принципом надклассовости и надпартийности автора и конкретным изложением его общей концепции. Швабе умалчивает о наличии противоречий внутри самого латышского народа, смешивает сознательно и не делает различия между такими формами революционной борьбы, как демонстрации,

стачки и вооруженные восстания и приравняет их к акциям буржуазных деятелей. Политическая цель такого подхода нам ясна, она состоит в том, чтобы возвеличить роль национальной буржуазии и представить ее лидером революционных событий, тогда как рабочий класс не был гегемоном революции, а решающей силой в революционных событиях 1905–1907 гг. было крестьянство и интеллигенция. Для Швабе характерна такая трактовка, что революция 1905–1907 гг. была интернациональной революцией, в которой принимали участие все латыши и она проходила под национальной идеей. Это характерно и для других историков. У Берзиньша, например, дается такое определение революционным событиям в Латвии: движение 1905 г. было народным движением, организованным социал-демократами. По его мнению, латыши в культурном отношении должны сравниться с другими народами Европы. Это характерно для всей буржуазной историографии.

К левому крылу примыкают работы местных меньшевиков Б. Кауне и Ф. Цилленса о революции 1905 г. Они выпячивают особенности революции и подчеркивают не то, что объединяло рабочих всей многонациональной России, а как раз те моменты, которые разъединяли их. Кроме принижения роли рабочего класса для этих историков было характерно указание на то, что Латвия является самой западной частью России, центром торговых путей и перекрестком, где скрещиваются идеи Запада и Востока, т.е. подчеркивалось, что западные идеи имели на Латвию большое влияние и были доминирующими в революции 1905 г. Цилленс определял революцию 1905 г. как восстание всех латышей по образцу восстаний западноевропейских народов против полуфеодальных остатков, за политическую национальную свободу и демократию. Таким образом, признавалось, что революционное движение в Латвии проходило под руководством социал-демократии, которая была очень близка к социал-демократическим партиям Запада, тогда как ленинские идеи не играли решающей роли в разработке тактики местных социал-демократов.

Против этих идей и была направлена вся работа советских историков. Еще в 1920–1930-е гг. силами латвийских революционеров – политических эмигрантов, которые находились в Советском Союзе, была проделана значительная работа по сбору фактического материала, а также сделаны первые попытки осмысления революционных событий 1905–1907 гг. Только что вышла интересная статья Е.И. Рипы, где она пишет о большевике П.И. Стучке. После окончания Великой отечественной войны стали появляться крупные исследования монографического характера, в том числе фундаментальное исследование академика Я.П. Крастина, за которое автору была присуждена Государственная премия. Кроме того, вышел ряд других монографий.

Каковы основные проблемы, которые разрабатываются сейчас советскими историками? Это проблема революционного движения в городе и деревне; борьба

РСДРП за боевое содружество с крестьянством и рабочим классом; революционное движение в воинских частях; деятельность отдельных организаций «боевиков», «лесные братья» и т.д. В меньшей степени разработана история революции 1905–1907 гг. и, в частности, совсем не разработана деятельность распорядительных комитетов, которые в Латвии являлись сельсоветами, проводившими очень значительную работу. В меньшей степени удалось выяснить позиции отдельных печатных органов и отдельных буржуазных группировок.

Духанова З.В. (Рига). III съезд РСДРП и латышская социал-демократия.

(Доклад имеется в письменном виде, тезисы опубликованы).

Председатель: Слово для ответа на вопросы предоставляется З.В. Духановой.

Духанова З.В.: Был вопрос, чем определяется высокий накал революционной борьбы латвийских городских и сельскохозяйственных рабочих? Нужно иметь в виду, что Латвия – один из наиболее развитых в капиталистическом отношении районов страны. По своему составу латвийский пролетариат был многонациональным – латышей 50%, русских – 15%, литовцев – 15%, поляки, евреи и др. – 20%. Общая численность рабочего класса Латвии 147 тыс. человек, причем 70% промышленности Латвии и такое же количество рабочего класса были сосредоточены в Риге. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» ставит Ригу по численности рабочего класса на первое место после Петербурга и Москвы. 32% фабрично-заводских рабочих были заняты в металлообрабатывающей промышленности.

Второй момент – это наличие революционной партии у латвийского пролетариата. Здесь важно иметь в виду ее деятельность еще до вхождения Латвийской социал-демократической партии как территориальной организации в состав РСДРП на ее IV съезде в 1906 г., т.к. еще к III съезду РСДРП в ней было 10 тыс. членов, а к концу 1905 г. ее численность возросла до 17 тыс. При этом 80% из них были рабочими. Ленин подчеркивал, что латышский пролетариат и латышские социал-демократы во время революции 1905–1907 гг. были в передовых рядах рабочего класса всей России.

Мне задали также вопрос, в чем сущность аграрного вопроса в Прибалтике, где отмена крепостного права произошла раньше, чем в России? Действительно отмена крепостного права в Прибалтике произошла в Курляндии в XVII в., а в Лифляндии в XIX в., причем, крестьяне были освобождены без земли, и это определяло путь развития сельского хозяйства Латвии. В то же время сохранились огромные пережитки крепостного права, которые являлись основой борьбы крестьян против

помещиков. 40% земель принадлежало помещикам плюс земли казны. Всего будут и все 60%. Это сказалось на положении крестьян, которые продолжали эксплуатироваться как крепостные. Оплата труда крестьян в большинстве случаев производилась натурой. 27% крестьян оплачивались мизерными участками земли. 80% крестьян оплачивалось или натурой или землей. Такое же положение было в Лифляндии. Кроме того, крепостничество сохранилось при заключении договоров на аренду земли. Кроме того, бароны владели хорошей пахотной землей и огромными лесными богатствами. Уничтожение феодальных латифундий в Латвии было поэтому требованием крестьян.

Говоря об особенностях аграрного вопроса в Латвии, недостаточно остановиться на характеристике помещичьего хозяйства, а следует остановиться и на крестьянском хозяйстве. Крестьяне владели 30,4% земли. Около 70% сельского населения земли не имели. В Латвии отсутствовало общинное земледелие, не было отрезков. Крестьяне жили на хуторах. 65% всех крестьянских земель принадлежали «серым баронам» – кулакам. Основной рабочей силой на селе являлась армия сельскохозяйственных рабочих. Она составляла около 300 тыс. человек. Все это дает представление о наличии в Латвии социальных сил, которые определяли многообразие и высокую степень развития революционной борьбы.

Ионане И.А. (Рига). Руководство социал-демократией Латышского края партизанским движением в революции 1905–1907 гг.

Для первой буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. характерно многообразие форм борьбы, к которым можно отнести и выступления партизан, имевшие место в Петербурге, на Урале, Кавказе, в Польше, а также в Прибалтике.

Руководствуясь решениями Латышской социал-демократической рабочей партии, возникшей в 1904 г. и в 1906 г. преобразованной в Социал-демократию Латышского края, латыши организовали отряды партизан «лесные братья» и дружины боевиков, которые имелись во всех крупных городах Латвии – Риге, Лиепае, Елгаве, Крустпилсе, Даугавпилсе и др. В Риге действовали 20 дружин, в том числе русских социал-демократов и Бунда. Всего в Латвии было около одной тысячи боевиков, а на селе в 40% волостей 5 тыс. «лесных братьев», которыми руководили латышские социал-демократы. При этом 55% партизан составляли рабочие, а 45% были членами Латышской социал-демократической рабочей партии.

Большое внимание социал-демократы уделяли вопросу о вооружении партизан и обучению их военному делу. Оружие приобреталось различными способами. ЦК Латышской социал-демократической партии неоднократно отправлял своих представителей за границу для закупки оружия. Поддерживали они и связь с

большевиком М.М. Литвиновым, который, находясь за границей, помогал латвийским социал-демократам. Порты Латвии были использованы для ввоза вооружения, хотя правительством был сформирован особый отряд, состоявший из 20 минных крейсеров и миноносцев для того, чтобы препятствовать ввозу в Россию оружия. На вооружение было выделено 8 тыс. руб., на агитацию – 2 тыс. руб., а на оказание помощи стачечникам – 1 тыс. руб. Вооруженные отряды применяли различные формы борьбы, например вооруженное нападение на Рижскую центральную тюрьму, а также на казаков, драгун и т.д. Партизаны поджигали усадьбы баронов, уничтожали технику и связь, повреждали железные дороги и т.д. Один из организаторов боевых групп РСДРП Н.Е. Буренин пишет о связи латвийских боевиков с боевиками Петербурга, которые помогали латвийским партизанам оружием и другими средствами борьбы. Статья Ленина «Партизанская война» была написана на материале партизанского движения в Латвии.

Председатель: Слово для ответов на вопросы предоставляется И.А. Ионане.

Ионане И.А.: Первый вопрос: каковы социальные корни широкого движения «лесных братьев» именно в Латвии? Социальные корни этого движения, которое возникло в Латвии, отражали высокий уровень развития капитализма и социальный состав населения. Широкие массы населения поддерживали активное партизанское движение. Остановлюсь на одном примере: сельский центр социал-демократической организации Мадонского округа даже разрабатывал обязательное правило для населения – как оно должно вести себя по отношению к партизанской борьбе.

Второй вопрос: каково участие эсеров в партизанском движении? На этот вопрос я могу ответить так: в Латвии эсеров не было и никакого влияния на партизанское движение они не имели.

Третий вопрос: Принимали ли партизаны Латвии участие в конференции военных и боевых организаций РСДРП? «Лесные братья» и боевики сами участия не принимали, потому что партизанское движение уже было подавлено царским правительством. Они были связаны, однако, с военными организациями из Латвии, которые довели до их сведения все, о чем шла речь на конференции.

Вилциньш Т.О. (Рига). Вооруженное восстание в Туккуме.

Своего кульминационного пункта Первая буржуазно-демократическая революция в России достигла в вооруженных восстаниях в декабре 1905 г. во многих местах Российской империи, в том числе и в Латвии, где она втянула в революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельскохозяйственный пролетариат и крестьянство. Одним из самых ярких

примеров самоотверженной вооруженной борьбы рабочих и крестьян Латвии против самодержавия и гнета прибалтийских баронов было вооруженное восстание в Туккуме.

Туккум в то время был уездным городом Курляндской губернии с 8 тыс. жителей и одновременно железнодорожный узел на скрещении Московско-Виндавской и Рига-Виндавской дорог. В городе не было крупных промышленных предприятий, а большинство рабочих составляли недавние выходцы из крестьян. В окрестностях Туккума, как и повсеместно в Латвии, крестьяне в своем большинстве были безземельными, тогда как 180 баронским семьям в Курляндии принадлежали 260 имений площадью свыше 1 тыс. десятин земли каждое. Поэтому острейшие революции было обращено в первую очередь непосредственно против баронов – потомков немецких завоевателей, которых охраняли царь, его драгуны и казаки с пушками. Оценка ситуации в Латвии летом 1905 г. дана в телеграмме курляндского губернского предводителя дворянства князя Ливена министру внутренних дел в Петербург 28 июля 1905 г.: «С 25 числа восстание усиливается в угрожающем размере. В Добленском, в частях Бауского, Фридрихштадтского, Туккумского, Гольдингенского, Виндавского, Газенпотского и Гробинского уездов вооруженные шайки запрещают полевые работы. Местами стреляют, поджигают, нападают на помещичьи усадьбы, пастораты и волостные дома... Уборка хлеба местами уже остановилась. Помещики массами покидают свои усадьбы. В скором времени вся губерния может очутиться во власти революции. Администрация, как и прежде, бессильна...» В заключение губернский предводитель «именем собравшихся предводителей курляндского дворянства» просил МВД о немедленной помощи. В ответ 6 августа 1905 г. в Курляндии было введено военное положение. Во всех уездных городах, а также во многих других населенных пунктах размещались войска. 30 октября прибыли первые войсковые части и в Туккум. К концу октября здесь были сосредоточены рота 180-го Виндавского пехотного полка и эскадрон Псковского драгунского полка.

В замок Дурбе близ Туккума, охранявшийся полуэскадрой драгун, что ни день являлась бежавшая от гнева народа баронская семья из окрестных имений. Между тем драгуны под командой начальника Туккумского уезда барона Радена разъезжали по городу и беспрестанно терроризировали население. Помещики Радены, Ганы, Фирксы, Рекке, Медемы и др. организовывались в отряды, чтобы в удобный момент приступить вкуче с войсковыми частями к кровавой расправе над населением. Баронесса имения Фридрихсберг Драханфельзе позднее бахвалилась в своем дневнике: «Я действительно хорошо стреляю и уже давно имею при себе револьвер, а теперь берусь и за ружье; также и наша дочь не расстается со своим ружьем». В ходе революции в Латвии быстро надвигалась неизбежная решающая схватка защитников самодержавного строя с силами революции, во главе которых

стоял латвийский пролетариат и Латвийская социал-демократическая рабочая партия.

Шлеев В.В. (Москва). Проблемы изучения изобразительного искусства народов России времен революции 1905–1907 гг.
(Доклад сопровождается демонстрацией диапозитивов. Не стенографировался).

Гришкунайте Э.В. (Вильнюс). К вопросу о Советах и вооруженном восстании в Латвии.
(Доклад имеется в письменном виде и не стенографируется).

Воронова А.И. (Минск). Борьба рабочих Белоруссии за единство своих рядов в революции 1905–1907 гг.

Я остановлюсь лишь на некоторых моментах. Борьба за единство рядов рабочего класса в 1905 г. имела большое значение особенно для национальных районов. Большевики Белоруссии выделяли задачу объединения с русским рабочим классом, и вся местная и центральная большевистская печать была полна призывами к борьбе совместно с русским пролетариатом. Главным же раскольником в Белоруссии был Бунд. Очень важную роль в борьбе с ним играл Ленин, который подчеркивал, что для объединения сил рабочего класса, для борьбы с расколом очень важны совместные выступления всех рабочих, и на это было обращено большое внимание местных партийных организаций – Полесской, Северо-Западной и Минской.

В нашей литературе по истории Белоруссии очень мало освещен вопрос о единстве действий рабочего класса. Бунд причисляли к контрреволюционным, реакционным организациям, либо замалчивали его влияние на массы, хотя оно было большим. Эти вопросы заслуживают внимания. После ряда теоретических статей Ленина в местных изданиях, подпольных листовках было проведено много практических мероприятий по объединению сил рабочего класса Белоруссии – железнодорожников, рабочих ремесленных мастерских, но решение этих задач встречало большие трудности. Бундовцы отказались от совместных действий. Они сорвали январскую стачку 1905 г., отказались выступить в июне, когда проводилась стачка солидарности с иваново-вознесенскими рабочими. Но рабочие «низы» были

против такого разъединения, и когда их призывали к стачке, они охотно шли на нее, и она заканчивалась победой.

К октябрю 1905 г. под влиянием печатной и устной агитации удалось объединить силы рабочих многих городов Белоруссии. И в октябре прошла очень удачная стачка, в которой приняли участие железнодорожники. Они первые забастовали, затем к ним присоединились ремесленники. Стачка была всеобщей. Это было очень показательно. Возникла такая организация, как Минский коалиционный совет и Гомельский революционный стачечный комитет. Я хочу сказать, что на основе моих исследований удалось установить, что в Минске и Гомеле в 1905 г. существовали организации типа Советов рабочих депутатов. До сих пор в литературе они не называются Советами, но на основе того, что мне удалось найти в последнее время, я хочу заявить, что Минский координационный совет, состоявший из выборных рабочих и из делегатов от партии рабочих, выполнял функции Совета и занимался подготовкой вооруженного восстания. Там изготавливали оружие, обучали стрельбе. Очень большое внимание уделялось приобретению оружия. Этот Совет заменил администрацию железной дороги новой администрацией, назначенной Советом. Работали комиссия взаимопомощи и суд чести, готовились «Известия» Минского совета. Рабочие заявляли: «Мы депутаты, которые избраны от рабочих». В Минске выделяется еще одна организация, где большую роль играли большевики, и эта организация очень похожа на наши Советы.

Титок В.А. Стачечная борьба железнодорожных рабочих в 1905–1907 гг.
(Доклад прилагается и не стенографируется).

Адамов В.В. (Свердловск). Рабочее движение на Урале в годы революции.

Формирование рабочего класса отсталого в своем социально-экономическом развитии Урала шло неравномерно по отраслям хозяйства и по самой территории этого региона. На Урале сложились три группы пролетариата. Фабрично-заводской и железнодорожный, а также мелкопромышленный пролетариат ничем не отличался от подобных групп в других районах страны. При этом железнодорожный пролетариат – это 70 тыс. рабочих, а горнозаводской, самый многочисленный на Урале, составлял более 260 тыс. человек. Добавим, что ко времени начала Первой русской революции условия для нее непосредственно на Урале еще не созрели и поэтому революционный подъем там не совпадал с пиком революции по стране в целом и падает не на конец 1905, а на 1906 г. При этом и в 1905 г. лидерство в

рабочем движении принадлежало железнодорожным, а не горнодобывающим и заводским рабочим. Но хотя и в 1906 г. на Урале было меньше стачек, чем в 1905 г., есть основание утверждать, что подъем рабочего движения падает на 1906 г., потому что в особых условиях Урала забастовки не только в 1906 г., но и в 1905 г. не являлись универсальным показателем революционных настроений пролетариата. В большинстве случаев забастовки на Урале были выгодны не рабочим, а предпринимателям, и рабочим часто приходилось отказываться от них как от метода борьбы, прибегая к партизанскому или профсоюзному движению. Говоря же о содержании рабочего движения, наша литература очень большой акцент делает на чисто рабочих требованиях, которые, как там утверждается, доминировали среди всех требований, называя при этом требования повышения зарплаты, сокращения рабочего дня и улучшения условий труда, тогда как другие требования были якобы признаком слабости рабочего движения, что не всегда верно.

В рабочем движении были требования о разрешении аграрного вопроса, ликвидации посессионного права, свободы промыслов. Очень сильно звучит и требование создания условий для просвещения и образования рабочих, в частности общего и технического образования. Я считаю, что выдвижение этих требований было не слабостью, а силой уральского рабочего движения и создавало условия для объединения вокруг пролетариата всех слоев населения.

Наиболее крупные выступления рабочих на Урале произошли в Алапаевском и Нижне-Тагильском округах. Выступление же в Мотовилихе, дошедшее до восстания, не получило достаточного размаха из-за слабой связи рабочих с демократическими слоями населения и их движением, хотя попытки установить такую связь и имели место, но закончились неудачей.

Гаврилов Д.А. Борьба пролетариата Урала за гегемонию в революции 1905–1907 гг.
(Доклад имеется в письменном виде и не стенографировался).

Хитров П.И. (Пермь). О вооруженном восстании на Урале в 1905 г.

Обстановка на Урале в плане подготовки к вооруженному восстанию была сложной, но и не безнадежной. Большевик В.Н. Лосев, получивший еще в феврале 1905 г. мандат на участие в III съезде РСДРП в Лондоне, занял там под влиянием члена ЦК Л.Б. Красина ошибочную, отличную от ленинской позицию в вопросе о подготовке к восстанию на Урале. Он ее отстаивал и по возвращении на родину, чем явно дезориентировал и многих своих товарищей.

Уральский комитет РСДРП еще весной был разгромлен полицией, а созданный вместо него Уральский союз партии долгое время не утверждался ЦК. Когда 14 мая в Перми состоялась демонстрация, причем многие рабочие пришли на нее вооруженными, выяснилось, что меньшевики заняли в местном комитете РСДРП доминирующую пролиберальную позицию и к восстанию больше не призывали, считая, что оно может произойти только в целях обороны и только в крайнем случае. Все это крайне дезориентировало уральских социал-демократов, включая и большевиков. Мешали подготовке к восстанию и трудности с транспортировкой закупленного на Ижевском заводе оружия в другие места, и срыв в декабре всеобщей железнодорожной забастовки на Урале. В итоге декабрьское восстание в Мотовилихе осталось одиноким, хотя там и был создан 9-14 декабря Совет рабочих депутатов.

Лишь в начале 1906 г. с приездом на Урал Я.М. Свердлова был создан большевистский Общеуральский комитет РСДРП и организационную неразбериху ликвидировали, что дало вскоре положительные результаты.

В период выборов и работы I и II Государственной думы уральские рабочие заняли ленинскую позицию и добились успеха: из пяти депутатов II Думы было два социал-демократа, причем большевики.

Кондриков Б.В. Рабочее движение и социал-демократия Западной Сибири.
(Тезисы опубликованы, доклад не стенографируется).

Лебедик Н.И. (Армавир). Проблема расстановки классовых сил и рабочее движение на Северном Кавказе в годы Первой русской революции.
(Тезисы опубликованы, доклад не стенографируется).

Ромашова В.И. (Новгород). Рабочие Новгорода и Пскова во время революции 1905–1907 гг.

Революционная борьба рабочих Новгородской и Псковской губерний не являлась предметом специального научного исследования. Мы имеем отдельные статьи о революционной борьбе пролетариата Великих Лук. В 1956 г. была опубликована статья Борисова на эту тему, касающаяся борьбы железнодорожников в Великих Луках в 1905 г. Кроме того, имеется статья Ткаченко, помещенная в

сборнике, посвященном 1100-летию Новгорода. Рабочие этих двух губерний царской России были наиболее отсталым отрядом промышленного пролетариата страны. В этих губерниях не наблюдалось стачечной борьбы, т.к. они не славились развитием фабрично-заводской промышленности. В Новгородской губернии было 83 промышленных предприятий, а в Псковской – 57 фабрик и заводов. На них работали соответственно 13 тыс. и не более 3 тыс. рабочих. Но в 1905 г. они неожиданно дали большой процент стачечников.

Первая причина этого заключается в том, что в Новгородской губ. существовали отдельные крупные предприятия: 8 из них насчитывали свыше 500 рабочих (на писчебумажной фабрике их было 900, а на заводе огнеупорных изделий Вахтерова – до 800), что обеспечивало в 1905 г. быстрое включение рабочих губернии в общероссийскую революционную борьбу. В Псковской губ. стачечная борьба промышленного пролетариата была очень слаба, но зато у них было много железнодорожников. В Пскове их насчитывалось 1 тыс. из 30 тыс. горожан, а в Великих Луках – 3 тыс. из 10 тыс. жителей. Вторая причина – это близость Петербурга.

События 1905 г. в столице нашли быстрый отклик в Новгородской и в Псковской губ. В январе 1905 г. губернатор отдал приказ о подавлении забастовок. Особенно большую опасность представлял для властей Чудовский район. И действительно эти опасения губернатора были не напрасны. Прошла волна забастовок на заводе Кузнецова. Все архивные материалы, которые удалось просмотреть, не дают нам права назвать эти выступления передовых рабочих Чудовского завода стачкой, хотя там повсюду это квалифицируется именно так. Рабочие Чудовского завода ставили вопрос перед администрацией о создании выборной рабочей организации, которая могла бы совместно с предпринимателем решать вопрос о расценках. Когда рабочие убедились, что администрация не хочет им помочь и не обращает внимания на их бедственное положение, то решили послать в Петербург делегацию для подачи петиции царю.

Эта нерешительность рабочих привела к тому, что они не сумели добиться удовлетворения своих требований. Чудовские рабочие в феврале вновь продолжили борьбу, но она опять не привела ни к чему. Выступления новгородских рабочих явились первым крупным революционным событием в городе. Больше того, это выступление было непосредственным откликом на события 9 января 1905 г. Под влиянием петербургских событий тем же духом протеста прониклись и рабочие Покровского стекольного завода. Заявляя свои требования хозяину, они говорили, что если он не выполнит их, то они сделают так, как в Петербурге. Рабочие действовали организованно, проводили сходки, совещания, даже взяли на себя функции полиции, и их борьба продолжалась с 26 января по 2 февраля.

В Псковской губ. в феврале-марте произошли более 10 выступлений рабочих. Среди них преобладали стачки, в которые включились железнодорожники Великих Лук, Новосокольников и ст. Дно. Подготовка к последней забастовке, которая явилась прямым продолжением мирной демонстрации 9 января, началась еще в январе. Авангардной силой в борьбе выступили великолукские рабочие. Стачка проходила с 31 января по 8 февраля. Железнодорожный узел Великие Луки обрел стачечный комитет путем выбора представителя от каждого цеха. Рабочие присоединились к требованиям железнодорожников об установлении 8-часового рабочего дня, признании права рабочих на забастовки, проведение собраний. Они потребовали выплаты зарплаты и за забастовочные дни. 4 февраля к ним присоединились рабочие Новосокольнического депо, а рабочие ст. Дно пытались закрыть движение на своем участке железной дороги. Их борьба началась на ст. Дно 10 февраля и закончилась 18 февраля, будучи подавлена с помощью войск. К этой стачке присоединились железнодорожники ст. Медведево.

В феврале-марте в стачечную борьбу стали втягиваться рабочие крупнейших предприятий Новгородской губ., а летом 1905 г. борьба рабочих крупных промышленных предприятий продолжалась. В это время в Псковской губ. под влиянием социал-демократов начались митинги. Они проходили 17 и 19 июля в Великих Луках в железнодорожных мастерских в знак протеста против расстрела рабочих в Лодзи. Митинг был проведен и в Новгородской губ. Но особенно широкое распространение митинги и стачки получили в октябре и ноябре 1905 г. В выступлениях рабочих участвовали 25 тыс. человек. Интересно, что в октябре во всеобщей политической забастовке приняли активное участие железнодорожники Псковской губ. Она непосредственно совпала по времени с забастовками в Москве, Петербурге и других промышленных губерниях.

В 1905 г. стали создаваться и первые рабочие профсоюзы. В ноябре был создан профсоюз печатников в Новгороде, взявший устав печатников Петербурга. В 1906 г. начинается спад революционной активности рабочего класса. Число участников революционных боев резко сокращается. Если в 1905 г. было свыше 32 тыс. рабочих, участвовавших в революционной борьбе, то в 1906 г. – 8,5 тыс. Стачечная борьба рабочих продолжалась, тем не менее, до конца 1907 г. В период революции в стачечную борьбу стали вливаться рабочие кустарных мастерских.

Васильев Б.Н. Изменения в составе и размещении рабочих в период Первой российской революции.

У меня несколько отличная тема от того, о чем вчера и сегодня говорили на нашей сессии. Я не буду говорить о событиях 1905 г., а возьму только вопрос об

особенностях развития пролетариата в канун Первой русской революции и постараюсь раскрыть известное положение Ленина о том, что само развитие крупной промышленности создавало современный пролетариат. Речь пойдет о том, что постоянное перебрасывание рабочих с фабрики на фабрику приучало их сравнивать свою жизнь на разных предприятиях и убеждаться в одинаковости эксплуатации. Это позволяло разным отрядам пролетариата заимствовать опыт соседей в столкновениях с капиталистами и добиваться сплоченности и солидарности всего пролетариата.

По очень многим материалам, подвижность рабочих фабричных центральных промышленных районов была чрезвычайно высока и колебалась в пределах от 90 до 20%. Очень много примеров того, что за одно пятилетие сменялось 90% рабочих того или иного предприятия. И здесь очень важно, что это не был уход рабочих в деревню и возвращение из деревни в город, а их перемещение с одного предприятия на другое и из одного промышленного района в другой. Можно в качестве примера сослаться на состав рабочих суконной фабрики Лыжиных с. Ивантеевка, где за 7 лет постоянно работающих рабочих осталось лишь 9%, тогда как все остальные за это время сменились.

Если в 1895 г. в Ивантеевке работали 80% ее жителей, то в 1898 г. – лишь около 100 рабочих, а в 1901 г. около 70 рабочих, т.е. всего около 9% тех, кто постоянно там работал. Все остальные рабочие из села ушли на другие фабрики, а в Ивантеевку приехали рабочие из Москвы и других уездов Московской губ., а также из Рязанской и Владимирской губ. Если проследить историю их прихода в Ивантеевку, то оказывается, что это были потомственные рабочие с большим производственным стажем. Причин их территориального перемещения было несколько. Увольняемость рабочих была связана с их участием в стачках и носила массовый характер. Другая важная причина – это перемещение рабочих с маленьких сельских фабрик на крупные и возвращение рабочих из городов на фабрики, построенные в сельских местностях. В города уходили рабочие, которые уже порвали связь с сельским хозяйством, а на новые фабрики в сельских районах возвращались рабочие, которые ее не порывали.

Очень много примеров, когда увольнение рабочих за участие в стачке, приводит к тому, что они являются на новую фабрику и становятся здесь инициаторами стачечного движения. Были такие фабриканты, которые старались не принимать на работу ни одного рабочего из других фабричных районов. Например, в Кинешемском районе было очень мало рабочих из других фабричных районов. Это перемещение рабочих с фабрики на фабрику, из района в район очень интересно, но, к сожалению, в литературе очень мало об этом написано.

Панкратова М.Г. (Москва). Американская буржуазная историография о революции 1905–1907 гг. в России.

Я начну с того, на чем мы сходимся с нашими противниками из буржуазного лагеря. К сожалению, в Америке имеются только историки, стоящие на буржуазной платформе. Единственное, в чем мы с ними сходимся, – это признание значения революции 1905–1907 гг. как пролога будущей революции и установления нового строя в России. Все остальные выводы и методологические подходы диаметрально противоположны. Американских историков интересуют буржуазные партии, роль буржуазии в развитии революции и все, связанные с этим вопросы. Прежде всего, ими показывается, что революцию делала буржуазия, ибо она якобы была больше всего заинтересована в революции, и не буржуазия шла за пролетариатом, а пролетариат шел за буржуазией. Отсюда большой интерес к возникновению ряда буржуазных партий и отдельным деталям, в частности, большой интерес вызывают кадеты П.Н. Милюков и В.А. Маклаков.

Основная причина революции, по мнению американских историков, – это неумная политика самодержавия. Отсюда большой интерес к особенностям характера царя и царицы и к Витте, который мог бы спасти царизм, если бы Николай II оценил его заслуги. Естественно, что при таком подходе и выпячивании роли буржуазии принижается роль рабочего класса. Стачечное движение освещается мимоходом. В работах последнего времени с большим интересом авторы обращаются к истории «зубатовщины» и «гапоновщины». Аграрному вопросу в революции уделяется мало внимания, причем крестьянская война выглядит ненужным и противозаконным насилием. По возможности смазывается острота противоречий между крестьянами и помещиками, осуждается идея раздела помещичьих земель как вредная и ненужная для экономического развития страны.

Расстрел 9 января 1905 г. подается в приукрашенном виде. Это факт, который широко известен в дореволюционной литературе, тем не менее, налицо особое выпячивание тех событий, которые, может быть, играли какую-то роль, но она была значительно меньше, чем расстрел 9 января. Налицо перемещение центра внимания историков США на Булыгинскую думу и очень мало внимания всем остальным проблемам революции.

Такой же подход к роли Советов. Единственное, что об этом пишут в США, – это история Петербургского совета на основании воспоминаний Г.С. Хрусталева-Носаря. Есть, правда, работа о восстании на «Потемкине», написанная занимательно и рассчитанная на широкого читателя, причем все факты излагаются более или менее правильно. Но вдруг оказывается, что восстание произошло неизвестно из-за чего, что червивое мясо не так страшно кушать и т.д. Очень много внимания уделяется Всероссийской октябрьской политической стачке, но явно занижена при

этом роль рабочего класса и преувеличена роль буржуазии. В соответствии с этим манифест 17 октября изображается как завоевание одной только буржуазии. Декабрьское восстание 1905 г. освещается как ненужная авантюра. С этим же связано и резко отрицательное отношение к большевистской партии и Ленину. Их роль в революции всячески принижается, деятельность или замалчивается, или освещается в детективно-клеветническом плане. Например, подробно пересказывается работа В.Е. Бибинеишвили (1934 г.) о С.А. Петросяне (Камо), где под пером буржуазного автора самоотверженный борец за революцию превращается в бандита из гангстерского фильма и те же самые известные факты даются в совершенно новой интерпретации.

Что касается роли меньшевиков в революции, то она подается более положительно. Представители меньшевистской эмигрантской историографии пытаются оправдать их деятельность, но более правые из них считают, что и они тоже были виноваты в том, что в России произошла революция. При этом даются советы, что должна была сделать буржуазия, чтобы революция не произошла. Большинство современных американских историков считают, что то, что произошло в России, было совершенно не обязательно для исторического развития нашей страны и является результатом ошибок самих русских государственных деятелей. Лишь иногда эта точка зрения опровергается самими же буржуазными историками, ибо в последнее время количество фактов, накопленное советскими историками, настолько велико, что они просто не укладываются в принятые прежде рамки.

Наиболее характерна работа (1963 г.) Т. фон Лауэ – историка немецкого происхождения, который живет в Америке. Он доказывает детерминированность русской истории и революции 1905 г. особенностями России, которая вынуждена была индустриализироваться во что бы то ни стало за счет народа. Работа фон Лауэ посвящена специально Витте и ставит своей задачей доказать невозможность предотвратить революцию с точки зрения буржуазного отрицания революции. Идеализируя Витте, отмечая его заслуги перед буржуазией, Лауэ говорит, что он должен был найти новый базис, на котором можно было бы стабилизировать положение русского правительства, но это была сверхчеловеческая задача. По мнению Лауэ, ни один западный государственный деятель и ни один народ на Западе не встречались в Новое время с проблемами такой сложности, какие стояли перед Россией. Таким образом, он считает, что революция 1905 г. была неизбежна и предотвратить ее было невозможно. При этом Лауэ проводит аналогию между Россией начала XX в. и современными слаборазвитыми странами и считает, что нынешнему американскому правительству следует обратить больше внимания на слаборазвитые страны и помогать им, дабы избежать трудностей индустриализации, а значит, и революции. Я считаю, что взгляды фон Лауэ выпадают из общей картины современной западной историографии, которая сводится к тому, что революция в

России была случайной и ее можно было бы предотвратить более умной политикой царизма. Революция, которая произошла в России, и ее социалистический путь развития отнюдь не обязательны для современного капитализма, считает он.

**ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИИ № 2 НАУЧНОЙ СЕССИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 60-летию РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг. В РОССИИ**

15 декабря 1965 г.
Председатель П.Г. Галузо

Дубровский С.М. (Москва). Аграрный вопрос в России в советской историографии.

За годы советской власти изучение аграрного вопроса в 1906–1907 гг. у нас превратилось в довольно важную часть наших знаний и нашей работы в области исторической науки. Ученых, работавших в этой области, примерно 250-300 человек – это из 17 тыс. научных работников вузов и научно-исследовательских институтов. По-моему, это неплохо. Но дело не только в их количестве, но и в качестве, т.к. изучение аграрно-крестьянского вопроса превратилось у нас в подлинную науку. Это объяснялось, прежде всего, большим расширением источниковой базы. После Октябрьской революции люди пошли работать в архивы и стали публиковать архивные материалы. В частности, в связи с годовщиной революции 1905–1907 гг. вышли в 1925 г. первые публикации, а в связи с ее 40-летием и 50-летием вышли целые тома, причем даже по отдельным районам, например по Саратовской губ. А сейчас в связи с 60-летием будет, наверное, сделано еще больше. Это значит, что идет серьезная работа по стране в целом – по Украине, Белоруссии, Прибалтике, Поволжью, Кавказу, Сибири и т.д. Успешно осваивается и ленинское идейное наследие. Нам нужно изучать и предпосылки первого, социал-демократического этапа революции, и предпосылки второй социальной войны, которая при соответствующих благоприятных условиях создает условия для перенесения пролетарской социалистической революции из города в деревню.

В советской историографии сделан шаг вперед для превращения аграрно-крестьянского вопроса в более точную науку, используя и статистику. Известно, сколько было крестьянских выступлений по годам, по месяцам и против кого – против помещиков, кулаков, духовенства, полиции, войск, какие у крестьян были

требования и т.д. Это дает нам возможность еще выше поднять нашу историческую науку.

Шмыгин И.П. (Новосибирск). Освещение крестьянского движения в 1905–1907 гг. в советской историографии.

Достаточно отметить, что только с 1954 по 1957 г., т.е. за время подготовки и проведения 50-летнего юбилея Первой русской революции, на темы о ней было опубликовано около 3 тыс. работ, а к 60-летию революции ее историографическая база еще больше выросла. При этом в изучении крестьянского движения в этот период можно выделить два периода: это середина 1920-х гг., когда отмечалось 20-летие революции 1905–1907 гг., и середина 1950-х гг., когда отмечалось ее 50-летие.

В середине 1920-х гг. о революции 1905–1907 гг. было опубликовано свыше тысячи работ, в том числе до 100 работ были посвящены крестьянскому движению и деятельности большевиков в деревне. Основной мотив публикаций этого периода объяснялся тем, что это были в основном воспоминания. В те годы оставались в живых еще много активных участников революции и большевистского подполья, и они правильно поступили, когда считали своим долгом познакомить народ, главным образом молодежь, с боевыми революционными традициями 1905 г., рассказать им о формах и методах революционной борьбы крестьянских масс с помещиками, чиновниками и полицейскими. Вместе с тем следует отметить, что прошедшие с момента революции 20 лет значительно сгладили в памяти людей многие важные детали революционной борьбы. Поэтому многие публикации оказались слишком обедненными конкретными фактами. С другой стороны, многие воспоминания оказались слишком перегруженными частными эпизодами, чаще всего связанными с деятельностью тех или иных лиц. В этой части публикаций нет даже и попытки обобщений, стремления нарисовать общую картину борьбы масс. В этом состоит основной недостаток мемуарной литературы.

Однако в этот первый период вышли в свет и многие достаточно содержательные в научном плане работы, освещающие крестьянское движение в годы Первой русской революции. Так, в 1926 г. была опубликована книга А.В. Шестакова «Крестьянская революция 1905–1907 гг. в России», а несколько позднее, в 1930 г. им же была опубликована работа под названием «Крестьянство в революции 1905 г.». В этот же период появляются в свет содержательные публикации С.М. Дубровского «Очерки русской революции», «Аграрное движение 1905–1907 гг. в Московской области» и др. Им же совместно с Б.Б. Граве был подготовлен и по постановлению юбилейной комиссии ЦИК СССР и Истпарта при

ЦК ВКП(б) опубликован фундаментальный сборник документов о крестьянском движении в годы Первой русской революции. В нем были введены в научный оборот многие сотни ценнейших документов, значительно обогативших историографическую базу нашей советской исторической науки. В 1926 г. вышла в свет книга Е.А. Мороховца «Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху Первой русской революции», а ведущим историком того времени академиком М.Н. Покровским были опубликованы в 1925 г. книга «Русская история в самом сжатом очерке» и в 1927 г. «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.», где широко освещается и ход крестьянского движения в годы Первой русской революции. Несмотря на высокую оценку его трудов в целом, следует, однако, отметить, что Покровский допускал и значительный отход от ленинской оценки роли крестьянских масс в революции. Так, в «Очерках по истории революционного движения в России XIX и XX вв.» он писал, что наиболее сознательной частью крестьянства были в период революции 1905 г. не батраки и бедняки, а кулаки. По его убеждению, кулак «шел в революции в первых рядах и вел за собой остальную массу крестьянства» (с. 95).

Второй период освещения крестьянского движения был связан с пятидесятилетним юбилеем революции, когда научная разработка истории крестьянского движения шла не только вширь, но и вглубь. При этом наибольшее количество работ по крестьянскому движению было связано с подготовкой и защитой кандидатских диссертаций. К середине 1950-х гг. на темы крестьянского движения в отдельных районах России было защищено 17 кандидатских диссертаций. До десятка кандидатских диссертаций было защищено на тему аграрной программы большевиков в революции 1905–1907 гг. и несколько диссертаций на тему союза рабочего класса и крестьянства в тот период. К наиболее значительным публикациям на темы крестьянского движения следует отнести, прежде всего, книгу С.М. Дубровского «Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг.», опубликованную Институтом истории АН СССР в 1956 г. Ее научная значимость состоит в том, что автор, руководствуясь марксистско-ленинским учением по аграрно-крестьянскому вопросу, дал убедительную характеристику предпосылок крестьянской революции в России, ярко представил содержание отдельных периодов крестьянского движения, широко показал различные его формы, дал научно обоснованную статистику выступлений крестьян по месяцам и годам, правильно подчеркнул значение союза рабочего класса и крестьянства для победы революций и, наконец, коротко раскрыл основные формы работы большевистской партии в деревне. Несомненный научный интерес представляют статьи В.И. Попова «Крестьянское движение в Рязанской губернии в революции 1905–1907 гг.», А.Г. Михайлюка «Крестьянское движение на Левобережной Украине в 1905–1907 гг.», Д.Е. Шемякова «Революционное движение в Молдавии в 1905–

1907 гг.». Они были опубликованы в сборнике, подготовленном в Институте истории АН СССР. Много содержательных статей на эти темы было опубликовано в эти годы и в ученых записках высших учебных заведений. Так, в 1955 г. в Саратове вышла в свет весьма содержательная статья В.М. Гохлернер «Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы Первой русской революции». Несколько позднее, в 1957 г. в Иркутске была опубликована книга В.И. Дулова «Крестьянство Восточной Сибири в годы Первой русской революции», а в Куйбышеве книга Ф.Я. Водоватова «Крестьянское движение в Самарской губернии в период революции 1905–1907 гг.». Тема крестьянской борьбы убедительно прозвучала почти в 20 публикациях академика А.М. Панкратовой, а также в увидевшем свет в 1955 г. сборнике статей о революции 1905–1907 гг. в национальных районах России. В нем были опубликованы статьи Л.М. Иванова об Украине, Г.В. Хачапуридзе о Грузии, А.В. Пяковского о Туркестане, М.К. Ветошкина о Сибири и Дальнем Востоке и др. За период 1955–1957 гг. местными издательствами были выпущены в свет около 40 сборников документов о революции 1905 г. Отдельные сборники документов, например ульяновский, были при этом целиком посвящены крестьянскому движению.

Анализируя литературу о крестьянском движении в годы Первой русской революции, наряду с положительной в целом ее оценкой, необходимо сделать и некоторые критические замечания. Во-первых, несмотря на огромное количество публикаций на эту тему, советская историография до сих пор не имеет в своем арсенале капитального монографического (может быть, даже многотомного) труда о крестьянском движении в годы революции. Во-вторых, многие вопросы, имевшие очень важное значение для характеристики крестьянского движения в годы революции, оказались почти совершенно не разработанными. Мы до сих пор, например, не имеем монографических исследований о деятельности революционных крестьянских комитетов как разновидности Советов рабочих депутатов. Нет работ и о деятельности большевистской партии в организациях Всероссийского крестьянского союза, сыгравшего огромную роль в развитии крестьянского движения в 1905 г. Нет обобщающей работы в масштабах всей страны и о борьбе большевистской партии за крестьянские массы как союзника пролетариата в революции. В-третьих, осуществляя научную разработку истории крестьянского движения в годы Первой русской революции, некоторые исследователи пришли к выводу о том, что высшая точка в развитии крестьянского движения была в 1906 г. Так, например, утверждают З.И. Ибрагимов, И.И. Фирстов, Х. Хасанов, А. Кузьмин и некоторые другие историки. Эту же точку зрения по существу отражают и авторы учебника по истории КПСС (М., 1962). На с. 120 они отмечают, что «самые крупные революционные выступления крестьян прошли тогда, когда царизм уже подавил основные очаги революции в промышленных центрах

страны», т.е. надо понимать это так, что крестьянское движение развернулось главным образом после поражения Декабрьских вооруженных восстаний пролетариата в 1905 г., хотя это противоречит исторической правде.

Известно, что Ленин, разделяя ход Первой русской революции на два периода: подъем 1905 г., или «антиконституционный» период, и спад 1906–1907 гг., или «конституционный», кадетский период. Первый период Ленин характеризовал завоеванием и осуществлением народной свободы без полицейского (монархического) конституционализма, а второй – угнетением и подавлением народной свободы посредством монархической «конституции». Эта ленинская периодизация революции относится не только к рабочему, но и к крестьянскому движению.

Чтобы убедительнее представить себе полосу подъема 1905 г. и полосу спада 1906–1907 гг. крестьянской революции, рассмотрим ее ход в одном из центров крестьянского движения – в Поволжье. Если на 1905 г. в Саратовской губ. приходится 854 зарегистрированных крестьянских выступления, то в 1906 г. их было только 535. В Самарской губернии в 1905 г. было отмечено 495 крестьянских выступлений, а в 1906 г. – лишь 310 (данные В.М. Гохлернер и Ф.Я. Водоватова). Подобную же картину представляют данные о ходе крестьянских выступлений в Симбирской, Казанской и Нижегородской губерниях. Эти данные свидетельствуют о том, что не 1906, а 1905 г. был годом наивысшего подъема крестьянского движения в Поволжье. 1905 г. и особенно вторая половина октября и ноябрь этого года были характерны там, как отмечали губернаторы, «проявлением буйного своевластия революционной толпы и разгрома землевладельческих усадеб». И на самом деле в Саратовской губ. только за октябрь и ноябрь 1905 г. было разгромлено более 300 помещичьих имений, в Самарской – 67, в Симбирской – 104. По данным МВД, убытки помещиков от крестьянских погромов составили в 1905 г. в Саратовской губ. 14 557 082 руб. Это составляет одну треть всех убытков, причиненных в 1905 г. помещикам по 18 губерниям Европейской России. В Самарской губернии эти убытки составили 8 915 012 руб., а в Симбирской – 1 016 750 руб. (Данные из кн.: Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1910 г., т. II, ч. 2, стр. 261–262).

В конце 1905 г. крестьяне нанесли классу помещиков и царизму свои самые мощные удары. Во второй половине октября 1905 г. крестьяне волостного центра – села Николаевский городок Саратовского уезда под влиянием большевистской пропаганды подняли вооруженное восстание, свергли царскую администрацию и установили народную власть в лице волостного революционного крестьянского комитета. Эта новая революционная власть осуществила на территории волости конфискацию помещичьей земли, хлеба, скота и рабочего инвентаря. Еще более значительное событие произошло в Старо-Буянской волости Самарского уезда.

Здесь крестьяне под влиянием работников аграрной группы Самарского комитета РСДРП 13 ноября 1905 г. собрали волостной съезд крестьян, который уволил всю царскую администрацию и установил на территории волости власть народа. Съезд выработал «Временный закон» по Старо-Буянскому народному самоуправлению. В общей части «Временного закона» говорилось, что народный съезд Старо-Буянской волости больше не признает царского правительства и с его законами не считается. Съезд осуществил конфискацию помещичьих земель, избрал волостной революционный крестьянский комитет, образовал народный суд, создал народную милицию и вооруженный отряд дружинников. Старо-Буянская «республика» просуществовала 13 дней и была разгромлена царскими войсками и полицией (см.: Революция 1905–1907 гг. в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1955. С. 217-222).

Внимательное изучение публикаций по крестьянскому движению в годы Первой русской революции на Кавказе, Украине, в Белоруссии, Прибалтике и губерниях Центральной России приводит нас к выводу, что борьба крестьян за землю и волю шла там точно в таком же плане, что и в Поволжье. Во всех этих районах вторая половина октября и ноябрь 1905 г. были высшей точкой в развитии крестьянской революции. Именно в это время крестьяне совершили самые мощные революционные выступления за весь период революции 1905–1907 гг.

Г.В. Хачапуридзе в статье «Революция 1905–1907 гг. в Грузии» (в сборнике статей «Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России». М., 1955) приводит факты, убедительно свидетельствующие о том, что крестьянское движение там совпало с рабочим движением еще весной 1905 г., а осенью 1905 г. оно достигло своей высшей точки. Л.М. Иванов в статье «Революция 1905–1907 гг. на Украине» в том же сборнике указывает, что в ноябре 1905 г. крестьянское движение достигло своего высшего подъема и что в 1906 г. оно уже не было там столь массовым, как в 1905 г. Г.И. Мосберг в статье «Революция 1905–1907 гг. в Эстонии» пишет, что декабрь 1905 г. был там периодом высшего подъема крестьянского движения. В северных районах Эстонии только за 8 дней декабря (с 12 по 20) крестьяне разгромили до 120 помещичьих имений. В 35 волостях были созданы революционные крестьянские комитеты. Я.П. Крастынь в статье «Революция 1905–1907 гг. в Латвии» указывает, что осенью 1905 г. революционное движение рабочих и крестьян в Латвии достигло своего наибольшего подъема. Точно такая же обстановка сложилась в Литве и Белоруссии, в Ростовской, Пензенской и Рязанской губерниях. В Сибири конец 1905 г. также был наивысшей точкой в развитии как рабочего, так и крестьянского движения. Здесь особенно большую роль в развитии революционного движения в городах, на железной дороге и в деревнях сыграли солдаты 500-тысячной Манчжурской армии. Крестьяне, переодетые в солдатские шинели, во многом помогли рабочим таких городов, как Чита и Красноярск, поднять

революционный народ на вооруженное восстание в декабре 1905 г. Таким образом, попытки некоторых историков «доказать», что высшая точка в развитии крестьянского движения была не в 1905, а в 1906 г. построены на легенде.

Архивные документы убедительно свидетельствуют о том, что 1906 г. был годом не подъема, а спада крестьянской революции. Об этом не раз говорил и Ленин. Ошибка некоторых историков состоит в том, что они о массовости крестьянских выступлений судят не по их количеству в той или иной местности, а по количеству уездов, охваченных крестьянскими выступлениями. Для такого метода подсчета совершенно безразлично, сколько было в данном уезде крестьянских выступлений – одно или сотня.

Итак, высшая точка в развитии крестьянского движения в период Первой русской революции была не летом 1906 г., а осенью 1905 г. 1906 г. был характерен арьергардными боями не только рабочих, но и крестьян. Большинство крестьян еще верило в «царя-батюшку», не хотело идти вместе с рабочими на свержение царского самодержавия, верило, что землю можно получить мирным путем, с помощью царской Государственной думы.

Симонова М.С. (Москва). Аграрно-крестьянская политика самодержавия в 1905 г.

Проблема аграрной политики царизма в 1905 г. еще не исследована в достаточной степени. Причина, почему долгое время недостаточно разрабатывалась эта тема, заключается в недоступности ведомственных архивов. В настоящее время это стало возможным. В развитии аграрной политики самодержавия в 1905 г. надо выделить три основных этапа, которые связаны с развитием крестьянского революционного движения. Первый этап – это начало самой революции, связанное с деятельностью Особого совещания по вопросам сельскохозяйственной промышленности под председательством Витте.

Его деятельность можно охарактеризовать в целом как попытку нащупать пути для перехода к новому курсу в аграрно-крестьянском вопросе. Витте и поддерживавшее его большинство указанного Особого совещания высказались против общины, причем намечаемый ими курс очень походил на столыпинский аграрный курс с той разницей, что Столыпин рассчитывал на быстрое разрушение общины, а Витте не осмеливался на крутые меры и рассчитывал на длительный срок. Было выдвинуто требование об уравнивании крестьян в правах с другими сословиями. Если это требование распространить на крестьянство, то это означало признание за крестьянами права частной собственности на землю, как и за другими сословиями, т.е. перестройку крестьянского надельного землевладения на буржуазный лад. Это был расчет на зажиточную крестьянскую верхушку.

В начале 1905 г. совещание Витте было закрыто. Как объясняет это сам Витте и показывают наши исследования, это было вызвано требованиями со стороны камарильи Д.Ф. Трепова, которая заявила царю, что совещание неблагонадежно. Причины эти, конечно, были более глубокими. Это было связано с началом революции 1905 г., вызвавшим резкую размежевку в правящих классах. Те слои общества, которые не выражали резко своего отношения к оппозиционной программе Витте и поддерживали лозунг уравнивания крестьян в правах со всеми сословиями, в начале 1905 г. резко отмежевались и четко сформулировали свою программу. Это было в феврале, а в апреле на съезде земских деятелей ими была предложена программа дополнительного наделения крестьян землей путем отчуждения ее у помещиков. Таким образом, земельные нужды крестьян оказались в центре всей борьбы по аграрному вопросу, и правительство, как бы оно к нему ни относилось, также должно было перестроиться в этом отношении.

Рескриптом от 30 марта Особое совещание было закрыто и открыто горемыкинское совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения. Во главу угла всей политики была поставлена задача упрочения земельного строя крестьян. Помещики так расценивали этот рескрипт: неважно, что правительство что-то сделает для крестьян, а важно то, что оно намерено заняться этим вопросом. Но сама перестройка проводилась путем чисто бюрократическим, и уход Витте привел к власти более реакционную группировку Булыгина и Трепова. Уход Витте и передача горемыкинскому совещанию основ аграрной политики свидетельствовали, что правительство прислушивается к наиболее реакционной дворянской группировке.

Вся разработка аграрной политики постоянного оппонента Витте И.Л. Горемыкина проходила под знаком максимального воплощения в жизнь основной мысли помещиков-полукрепостников о сохранении старого аграрного курса и закабалении крестьянства. Прежде всего, была провозглашена неприкосновенность помещичьего землевладения, что закрывало путь к широкой перестройке. Ни о каком дополнительном наделении крестьян землей не было и речи. Вопрос о расширении крестьянского землевладения с самого начала был поставлен в очень узкие рамки, т.е. Горемыкин признавал только то, что оправдывалось его собственными интересами. Поэтому оставались старые методы и, прежде всего, переселение крестьян, аренда им казенных земель и деятельность Крестьянского поземельного банка. Основные задачи, которые были выполнены сразу, – это перестройка самого управления аграрной политикой и создание комитета по земельным делам под председательством царя. Было создано Главное управление землеустройства и земледелия, узкие задачи которого сводились к тому, чтобы выработать наказ ему и выработать инструкцию Крестьянскому поземельному банку.

Для того чтобы определить позицию горемыкинского совещания, нужно проанализировать основной вопрос – как относилось правительство к общине и судьбе крестьянского общинного землевладения, который сбивает с толку многих исследователей. Появляется мнение, что горемыкинское совещание и его программа – это своего рода реакционный зигзаг, но на самом деле это действительно был шаг назад от той программы, которую выдвигало Совещание Витте. В своем всеподданнейшем докладе на имя царя Горемыкин излагал свою аграрную программу и прямо сказал, что одной из его задач является разработка мер по облегчению выделения крестьян из общины. И Николай II тоже подчеркнул, что именно это и есть главная задача Совещания.

Горемыкинское совещание целиком и полностью стояло на почве программы, разработанной в свое время Клевером, а созданная комиссия под председательством Тушинского была закреплена таким документом, как манифест и закон о переселениях от 6 июня, провозглашавший незыблемость общинного строя и предоставлявший возможность выхода из общины только отдельным крестьянам, причем община уже обязана была дать некоторое вознаграждение за надел, который ей оставался. Далее был сделан еще небольшой шаг вперед, признав выход из общины на хутора явлением положительным. Предполагалось отказаться от надельной земли, получить от общины некоторое вознаграждение и затем переселиться на хутор. Такой путь не подрывал общину изнутри и давал какой-то выход только наиболее зажиточной части крестьян, а беднота, конечно, ничего не получила от этого, ибо община не могла дать ей такое вознаграждение, чтобы она могла наладить свое хозяйство.

Н.А. Хомяков писал Горемыкину паническое письмо, требовал разъяснения аграрной политики. Ответ же Горемыкина очень показателен, ибо он прямо заявил, что ни выход, ни выдел из общины не подрывают общину и что вся аграрная политика направлена на сохранение общинного землевладения.

В доказательство, что это действительно так, я могу сослаться на материалы Петергофского, а позднее Царскосельского совещаний.

Прогресс в решении крестьянского вопроса связан с высшим подъемом революции, и в нашей литературе он характеризуется тем, что появились планы принудительного отчуждения помещичьей земли. Это было последнее слово старого аграрного курса, когда правительство как бы снова выступило в тоге своей попечительской политики. Я хотела бы подчеркнуть несколько моментов: идея принудительного отчуждения земель раньше всего была изложена (как правильно подчеркнула ленинградская исследовательница Богачева) в записке Витте, где он говорил, что правительство не использовало еще такие средства, как возможность предоставления крестьянам казенных земель и возможность выкупа известной части ренты, которая получается от помещичьей земли.

Тут мы имеем те же идеи, которые были изложены в проекте П.П. Мигулина. Они завоевали большую популярность в правительственных сферах, и Совет министров стал центром по выработке новой аграрной политики. Но что касается самого Горемыкина, то при выработке инструкции крестьянским поземельным банкам все эти внутренние противоречия в правящем лагере проявились исключительно откровенно. Если до сих пор эта внутренняя борьба шла подспудно, то здесь Трепов, А.И. Путилов и В.И. Гурко шли открыто и заявили о своих расхождениях с Горемыкиным. Их план предвосхищал столыпинский план, т.к. они требовали прямо перейти к поддержке зажиточных слоев крестьянства и деятельность банков строить так, чтобы создать в России слои мелких и средних собственников, которые должны были стать опорой власти. Таким заявлением закончилось горемыкинское совещание, и оно было закрыто по представлению Витте.

Последний момент, на котором я остановлюсь, – это любопытная эволюция позиции самого Витте. Мне приходилось работать по исследованию аграрной политики правительства в предреволюционный период, и Витте можно считать сторонником буржуазной частной крестьянской собственности. Но план Витте был тогда рассчитан на длительный период. В 1905 г. он поддержал уже план принудительного отчуждения земли. Правда, он сочетался с развитием частной крестьянской собственности на землю. В своем всеподданнейшем докладе Витте требовал, чтобы была установлена частная собственность и, кроме того, после указа от 3 ноября 1905 г. об отмене выкупных платежей считал, что тем самым созданы все условия для того, чтобы на крестьянскую надельную землю распространить модель буржуазного частного землевладения. Однако этот план был быстро похоронен, и как только схлынула первая волна движения и помещики воспрянули духом, они немедленно потребовали отставки Витте и коренного изменения этого направления правительственного курса. Таким образом, в 1905 г. старый аграрный курс опоры на все крестьянство изжил себя и назрела потребность к 1906 г. перехода к столыпинской аграрной политике.

Лещенко Н.Н. (Киев). Борьба большевиков Украины за крестьянство в Первой русской революции.

В тексте моего доклада говорится о характере революции, ее движущих силах и объективных предпосылках, но я остановлюсь главным образом на работе большевистских организаций Украины в деревне после III съезда РСДРП. В целях ее усиления революционные социал-демократы создавали специальные организации или аграрные группы РСДРП, которые проводили агитационную и массово-

политическую работу среди крестьян. В частности, в Херсоне был создан губернский комитет сельских организаций РСДРП, который осуществлял руководство социал-демократической работой в 10 уездах Херсонской, Бессарабской и Таврической губерний. В Екатеринославе для руководства сельскими организациями, в которых насчитывалось около 500 членов, было создано бюро провинциальных организаций РСДРП. В Киеве существовало Бюро Киевской провинции, в Полтаве, Кременчуге, Луганске и некоторых других городах – аграрные группы. В ряде сел были созданы социал-демократические кружки или группы. По далеко не полным данным, такие организации существовали в селах Качкаровка, Дубчаны, Большая Александровка Одесского уезда, Новозбурьевск Днепропетровского уезда, Большая Лепетиха Мелитопольского уезда, Байковка и Писаревка Винницкого уезда, Балаклея Черкасского уезда и в ряде других.

Создание сельских социал-демократических организаций наиболее успешно проходило в Елисаветградском уезде. Здесь было проведено две конференции, установлены связи со всеми волостями, организован ряд социал-демократических кружков. Такие кружки численностью от 2 до 6 человек, в частности, существовали в каждом селе Добровеличковской волости Елисаветградского уезда. При некоторых кружках работали пропагандистские группы, которые объединяли до 50-60 передовых крестьян. Социал-демократические кружки в 1905 г. были созданы также в селах Завадовка, Березовка, Колосовка, Градовка и некоторых других населенных пунктах Одесского уезда. Мы не располагаем исчерпывающими данными о количестве социал-демократических организаций, существовавших в период Первой русской революции в селах Украины. В целом их было немного, к тому же они были значительно слабее городских и объединяли всего несколько тысяч передовых сознательных крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Однако они проводили значительную работу среди крестьянских масс, направленную на внесение в стихийное крестьянское движение организованности и политического сознания, на объединение его с революционной борьбой городского пролетариата.

Социал-демократические организации Украины придавали огромное значение распространению работ Ленина «К деревенской бедноте» и «Аграрная программа социал-демократии в Первой русской революции 1905–1907 годов», где, как известно, были изложены требования большевиков по аграрному вопросу, их программа национализации, которая обеспечивала бесплатную передачу крестьянам всей помещичьей земли. Работа Ленина «К деревенской бедноте» распространялась в ряде населенных пунктов: в селах Большие Сорочинцы Миргородского уезда, Диканька Полтавского уезда, Людавка Винницкого уезда, в местечке Козятин Киевского уезда, окраинах Севастополя, в селах Дмитриевка, Золотой Колодыз и Довгенький Изюмского уезда, в Полковой Никитовке Богодуховского уезда, в местечке Окны Балтского уезда, Смеле Черкасского уезда и ряде других мест.

В селе Романовка Сквирского уезда была обнаружена работа Ленина «Аграрная программа социал-демократии в Первой русской революции 1905–1907 годов», на хуторе Свитском Суражского уезда Черниговской губ. получила распространение статья Ленина «Падение Порт-Артура», а в с. Тарасовке Ушицкого уезда Подольской губернии – произведения Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии» и «Классовая борьба во Франции». Важно отметить, что созданные большевистские организации на селе проводили разъяснительную работу не только среди крестьян, но и среди рабочих, что не везде подчеркивается.

Как свидетельствуют архивные документы, упомянутый выше труд Ленина «К деревенской бедноте» распространялся на шахте № 1 Орлово-Еленевского рудника, в Харькове, Николаеве, Лубнах, Луцке, Кобеляках, Прилуках и Константинограде, в Полтавской губернии, Могилеве, Подольской губернии, Изюме, Харьковской губернии и в некоторых других городах Украины. А в селах Марковка Волчанского уезда, Богородичное Изюмского уезда, Людавка Винницкого уезда, Ташлык Черкасского уезда и ряде других распространялась программа РСДРП. Распространение на Украине получили также изданные ЦК РСДРП листовки «Новые царские милости» и «Кровавый царь», в которых разоблачалась антинародная сущность царизма и неизбежность его гибели. В первой из названных листовок говорилось: «Когда всесильный царь – защитник ваш, откуда же ваша нужда, ваше безземелье, ваше рабство, ваши слезы, ваши стоны?» И оканчивалась она призывом к крестьянам: «Поддерживайте городских рабочих, объединяйтесь с ними для борьбы с народным бесправием. Поднимайтесь, крестьяне. Пора. Городские рабочие зовут вас к бою».

С призывами к крестьянам обращались также Екатеринославский, Николаевский, Луганский, Одесский и многие другие социал-демократические комитеты. В них большевики звали крестьян к совместной с пролетариатом борьбе против самодержавного строя. Так, Одесский комитет РСДРП в листовке от 19 февраля 1905 г. писал: «Восстаньте вы, рабочие и крестьяне, мужчины и женщины, юноши и девушки, собирайтесь в одну рабочую партию, вставляйте под наше красное знамя революции, готовьтесь уничтожить самодержавное правительство, пусть гибнет самодержавный строй». С подобными призывами обращались к крестьянам Екатеринославский и целый ряд других комитетов большевиков. Много социал-демократических листовок распространялось на Черниговщине, Киевщине, Полтавщине.

Но, к сожалению, в нашей историко-партийной литературе слабо освещена агитационно-пропагандистская деятельность социал-демократических организаций среди городского и особенно сельского населения. Вместо раскрытия ее содержания анализ размаха революционной деятельности часто заменяют данными о пудах разной литературы. Вряд ли следует доказывать, что это не раскрывает всей

многогранной деятельности нашей партии, направленной на развитие революции. Отсутствие данных о количестве листовок, распространенных среди рабочих и крестьян, обусловило необходимость исследования каждого факта в отдельности. Исследователь, берясь за эту задачу, встречается с огромными трудностями. Во-первых, материалы о работе большевистских организаций среди крестьян разбросаны во многих источниках и для того, чтобы нарисовать более или менее полную картину, надо изучить очень большой архивный материал. Все вы знаете, что материалы об агитационно-пропагандистской деятельности содержатся в архивных материалах Департамента полиции, Министерства иностранных дел, Прокуратуры, Министерства юстиции. В местных архивах имеются материалы царской охраны, секретного отдела канцелярии губернатора и целый ряд других.

В связи с тем, что в материалах не всегда указываются даты, исследователям трудно отличить новый фактический материал от дублированного и не всегда удается установить, от какой партии распространялись листовки. В силу этого наши материалы не претендуют на точность, хотя и дают представление о распространении листовок и прокламаций. Из приведенных данных видно, что наибольшее количество революционной литературы распространялось в селах Украины организациями РСДРП.

Наряду с распространением листовок и прокламаций, большевистские организации посылали в села своих агитаторов, которые содействовали развитию крестьянского движения под лозунгами «Долой самодержавие, да здравствует демократическая революция!».

Дальше в моем докладе рассказывается, в частности, о проведении бойкота I Думы большевиками и борьбе, которая велась вокруг аграрного вопроса во II Думе. Выступления там трудовиков и их проект ликвидации частной собственности на землю встретили широкий отклик среди крестьян Украины. В частности, характерно их отношение к этому вопросу в с. Стрижановке Киевской губ., где была принята резолюция: «Мы, крестьяне, собрались на сходе, говорили о Государственной думе. Мы выразили полное доверие большевистской группе и послали ей горячий привет и требование, чтобы она боролась за право на землю и волю». Крестьяне требовали отставки царского и немедленного создания нового демократического правительства, протестовали против жестокого, варварского подавления крестьянских волнений, требовали ликвидации царских судов, отмены смертной казни, освобождения всех арестованных за политические и религиозные убеждения.

В ряде мест крестьяне отказывались выполнять распоряжения царской власти, признавая только решения, принятые социал-демократами, в частности в с. Михайловка Екатеринославской губ. Особенно остро такие выступления крестьян проходили в с. Кирилловка и ряде других. В борьбе за освобождение принимали

участие около тысячи крестьян, которые вступали в вооруженные схватки с войсками.

В ходе борьбы с помещиками, полицией и войсками крестьяне убеждались в необходимости создания своей собственной организации. Например, крестьяне всех губерний Украины по примеру крестьян Московской губернии создали Крестьянские союзы. Они проводили большую работу. Наряду с этим большевики призывали крестьян к созданию революционных крестьянских комитетов и конфискации помещичьих земель. Крестьянские комитеты были созданы в ряде пунктов Черкасского, Мелитопольского и ряде других уездов. В ряде мест крестьянские комитеты действовали как форменные органы власти. Были созданы комитеты в Сорочинцах, Миргородском уезде, а также Бахмачском уезде, где была прекращена уплата податей.

Агитационно-пропагандистская деятельность, борьба вокруг аграрного вопроса в I и II Государственной думе – все это содействовало пробуждению политического сознания крестьянства. Начавшееся в феврале 1905 г. в селах Орловской и Курской губ. крестьянское движение перекинулось в Екатеринославскую и другие губернии Украины. Только в Правобережной Украине произошло свыше 2,6 тыс. крестьянских волнений, которыми было охвачено свыше 3 тыс. сел. В селах Левобережной Украины произошло почти 1,5 тыс. крестьянских выступлений и на юге Украины – 300-350 волнений.

Таким образом, в годы Первой русской революции, по данным нашей литературы, на Украине произошло около 4,4 тыс. крестьянских волнений, которыми были охвачены свыше 5 тыс. сел с населением не менее 3 млн человек. В действительности же, как свидетельствуют документы, крестьянских выступлений было значительно больше. Для того чтобы установить более полную картину крестьянского движения, необходимо поднять все архивные материалы и подсчитать все выступления крестьян. Для этого необходимо устранить целый ряд недостатков, которые существуют в методике изучения крестьянского движения. У нас до сих пор существует полный разнобой в этом деле, одни исследователи для характеристики размаха крестьянского движения подсчитывают губернии, им охваченные, другие – уезды, охваченные крестьянским движением, третьи – села, четвертые пытаются установить количество фактов выступлений крестьян и т.д., причем здесь также нет единой методики: некоторые различают простые выступления крестьян, т.е. такие, где применялась одна форма борьбы, учитывают отдельно более сложные выступления, т.е. в которых соединялись несколько форм борьбы, но есть и такие историки, которые расчленяют движение по формам борьбы и подсчитывают их отдельно, тем самым часто искусственно увеличивая количество крестьянских выступлений.

Есть у нас и недостатки другого рода. Одним из них является то, что исследователи почти не учитывают население, охваченное движением. При изучении стачек сельскохозяйственных рабочих и крестьян называют их в одних случаях сельскохозяйственными стачками, а в других выделяют стачки крестьян и стачки сельскохозяйственных рабочих. Причем в последнее время в нашей литературе появилось снова разделение стачек на две группы: стачки, когда крестьяне или сельскохозяйственные рабочие просто отказывались от работы у помещиков и прекращали работы, и отдельно выделяют уже не в графе стачек принудительное снятие рабочих с работы. Мне кажется, что это несколько искусственное деление и следует и в этом вопросе договориться о каком-то едином мнении.

Мне думается, что для более успешного изучения проблемы крестьянского движения и борьбы большевистских организаций за крестьянство необходимо перейти к выявлению фактов распространения социал-демократической литературы на селе, поднимая тот архивный материал, который у нас имеется. И второе: для характеристики крестьянского движения необходимо уточнить ту методику, которая у нас есть, и строго придерживаться ее, чтобы дать более точную, на основе документов, количественную характеристику того огромного движения, которое происходило в период революции 1905 г. в нашей стране.

Председатель: Вопросы к докладчику.

Сулейменов Б.С. (Казахстан): Как ведется подсчет населения? Всего населения, считая с детского возраста и до преклонного? Скажем, в деревне произошла стачка, в которую входят только группы. Резонно ли брать в этом случае все население? Если говорить об Украине, то там село может быть на тысячу дворов, а в стачке участвует одно помещичье имение. Как делать подсчет?

Лещенко Н.Н.: Я должен сказать, что надо подсчитывать, по-моему, и одно, и другое. Надо подсчитывать количество населения в селах, охваченного революционным движением, и количество крестьян и сельскохозяйственных рабочих, принимавших участие в революционном движении.

Вопрос: В отношении учета движения по разным формам борьбы автор упоминает, что так делают, а какова позиция самого автора в этом вопросе?

Вопрос: Я хотел бы несколько продолжить вопрос относительно форм движения. Что здесь докладчик внес нового в ту литературу, которая имеется? И такого же характера вопрос относительно количества выступлений. Мне не ясен ответ. Каковы выводы автора по этому вопросу, каково количество выступлений и что нового в решении этого вопроса он внес? И еще один вопрос: как автор

относится к большевистским газетам 1905 г., что они дают, особенно там, где речь идет о пропаганде большевистских взглядов по крестьянскому вопросу?

Симонова М.С.: Как Вы считаете: кроме листовок, какими еще материалами можно решать вопрос о влиянии тех или иных партий среди крестьянства? Можно ли только базироваться на листовках? Вы сказали, что, кроме Киевской губернии, у Вас имеются данные и по другим губерниям. Можно ли сказать в каких районах участие крестьян в выступлениях было больше? Как объяснить различия в выступлениях на Правобережной Украине, Левобережной Украине и на юге Украины?

Вопрос: Какое движение Вы имеете в виду под стачкой крестьян?

Вопрос: Каково Ваше отношение к высказанному неоднократно в печати мнению о нецелесообразности специальных подсчетов числа крестьянских выступлений, подавленных силами карательных войск?

Лещенко Н.Н.: Моя лично позиция состоит в том, что все же более правильно подсчитывать отдельные выступления крестьян и выделять отдельно выступления крестьян в смешанных формах борьбы. Я думаю, так будет труднее не учитывать деление по формам борьбы, т.к. иначе мы можем насчитать в одном селе 3-4 выступления. (*Реплика с места:* Одно выступление может иметь 10 форм). Да, может иметь 10 форм.

Что нового в литературу я внес? Опираясь на свою монографию по Правобережью Украины, на работу Л.М. Иванова, на кандидатские диссертации ряда авторов по отдельным губерниям, я впервые привел здесь цифры количества крестьянских выступлений на Украине и сел, охваченных волнениями. Я буду продолжать дальше работать.

Конечно, в целом большевистские газеты – это достоверные источники. Иногда бывают некоторые неточности о размахе движения. Я устанавливал, что в сравнении с теми материалами, которые имелись в архивах, иногда бывало, что авторы заметок, очевидно, не совсем хорошо были информированы. В таких случаях приходилось уточнять. Но вообще большевистские газеты являлись одним из достоверных источников.

Следующий вопрос о развитии движения в цифрах. Я что-то не совсем его понял. Это, видимо, зависит от полноты или неполноты источников, с одной стороны. С другой стороны, имели значение определенные социально-экономические условия. Например, если взять проведение реформы 1905 г., то количество волнений на Украине было меньше, т.к. там условия для крестьян были лучше. На юге Украины большинство крестьян было государственными, и удельный вес помещиков там был небольшой. На юге также шла острая борьба и происходили волнения, которые сопровождались разгромом целого ряда помещичьих имений.

Далее о стачках крестьян. У нас, например, на Правобережье Украины в районах развития сахарной промышленности в качестве поденных рабочих часто участвовали в волнениях не только сельскохозяйственные рабочие и крестьянская беднота, но и середняки, т.к. в целом ряде имений многие нанимались в экономии, например, для возки сахарной свеклы и т.д. Зажиточные крестьяне иногда тоже участвовали в стачках. Поэтому они и называются стачками крестьян.

О нецелесообразности подсчета волнений, которые подавлялись при содействии войск, мне думается, что подсчитывать такие выступления следует, так как это дает возможность более обстоятельно представить размах и остроту классовой борьбы на селе. Мне кажется, что такие факты следует учитывать.

Футорянский Л.И. (Оренбург). Революционные выступления казачества в 1905–1907 гг.

Казачество в отдельных работах довольно упрощенно представляется как сплошная контрреволюционная масса. Следует отметить, что вопрос о казачестве в период революции 1905–1907 гг. в масштабе всей страны не получил еще достаточного освещения. Только недавно вопрос об изучении этой проблемы был поставлен в статье А.П. Пронштейна и К.А. Хмелевского «Донское казачество в советской историографии» (Вопросы истории. 1965. № 1). Сделана также попытка дать ответ на него в монографии В.А. Петрова «Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г.». В какой степени на Украине были революционные выступления среди казачьих войск в 1905 г., – это пробел в историографии русской революции, восполнить который, мне кажется, невозможно без монографического изучения роли казачества в 1905–1907 гг.

В казачьих районах проживало 7 млн. человек, из них 3,5 млн. казаков, причем эти районы имели еще и свои особенности. При этом привлечение на сторону рабочего класса наиболее отсталых, забитых, опутанных сословными предрассудками масс казачества представляло значительные трудности. Говоря о казачестве, Ленин отмечал, что оно не представляет собой однородного сословия, а разделено формами землевладения. Земли казачьих генералов и офицеров мало чем отличались от помещичьих. Обычно они превышали 3 тыс. десятин. Что касается рядовых казаков, то в среднем они имели на мужскую душу по 30 десятин земли. Однако к началу революции этот пай сократился на Дону в 3 раза и особенно в Кубанском войске, где рядовые казаки отдельных станиц стали испытывать на себе тяготы малоземелья. Однако в целом у казаков в среднем на двор приходилось земли в несколько раз больше, чем у крестьян. При этом следует отметить, что земли рядовое казачество получало за военную службу и должно было обеспечить за этот

счет свое обмундирование, снаряжение и боевого коня, а это, по подсчетам различных специалистов, составляло 250-300 руб. Поэтому к началу XX в. служба стала непосильным бременем для основной части казаков.

Развитие капитализма еще больше усиливало недовольство казачества. Возникали новые классовые противоречия в его среде, выделялась зажиточная верхушка. Больше всего выступлений было среди Донского казачества. В обстановке русско-японской войны, а затем в связи с революцией в результате повторных мобилизаций казачьи станицы оставались почти без взрослого мужского населения, казачьи семьи голодали и впадали в долги. В итоге у основной массы казачества было достаточно причин для недовольства существующим строем. Не случайно Ленин еще в 1903 г., анализируя листовку, выпущенную социал-демократической организацией на Дону, писал о необходимости разъяснения казакам необходимости борьбы с самодержавием, а в период Первой русской революции были сделаны первые шаги по развертыванию агитационной работы среди казачества и для этого в ряде социал-демократических организаций создавались особые казачьи группы. Значительную роль в пробуждении сознания казачьих масс играла большевистская печать: газеты и листовки, которые выпускались отдельными организациями большевистской партии, где находились казачьи части. О масштабах этой агитационной работы свидетельствует то, что только на Дону было охвачено большевистской агитацией свыше 50 станиц. И если в первые месяцы революции казачество выполняло роль палача свободы, то постепенно, разгоняя демонстрантов и слушая их выступления, казаки начали колебаться, появились случаи их отказа стрелять в рабочих.

Удельный вес казачества в революционном движении был не так уж мал. По данным, приводимым Петровым в его монографии, из 195 солдатских выступлений в период высшего подъема революции 17 были казачьими (8,7%). Брожение охватило не только казачьи части, но и станицы. В годы революции революционным движением на Кубани были охвачены 40 станиц, а на Дону – 17 станиц, волнения охватили и другие казачьи районы. Следует сказать, что в целом вопрос о количестве станиц, охваченных революционным движением по всей стране, – это задача, которую еще предстоит решить. В ходе выступлений казаки отказывались от полицейской службы, требовали вернуть их по домам и относиться к казачьей военной службе наравне с другими. В ходе революции 1905–1907 гг. складывался не только союз рабочего класса с крестьянством, но и начинают обнаруживаться тенденции к присоединению к этому союзу со стороны части казачества.

Недовольство основной массы казачества проявлялось и в Государственной думе. Были станицы, поддерживавшие большевистскую тактику в Государственной думе. Казачье население избрало во II Думу представителей оппозиции. В I и II Государственной думе в наказах казаков звучали требования об отмене

полицейской службы для казаков, говорилось об отмене смертной казни и военно-полевых судов. Разогнав II Думу, правительство издало закон, обеспечивавший в III Думе безраздельное господство помещиков и крупной буржуазии. Закон этот сокращал представительство казачьих войск в Думе: кубанские казаки могли посылать одного депутата вместо трех, оренбургские казаки – $\frac{2}{3}$ от прежнего количества, а число депутатов от Области войска Донского было сокращено на $\frac{3}{4}$.

Развитию процесса раскола казачества на меньшинство и большинство способствовал процесс дифференциации казачества, ускоренный Первой мировой войной. Исследование данной тенденции представляет, на наш взгляд, основной предмет исследования истории казачества.

Отдельные авторы односторонне толкуют отношение Ленина к вопросу о возможности превращения казачьих районов в районы революции. Они цитируют его слова, что казачество можно рассматривать как социально-экономический мост для русской Вандеи. Но Ленин отрицает для всего казачества эту возможность, говоря, что исторически доказана крайняя слабость казачьего движения в пользу буржуазной революции и что большинство бедноты более склонно к социалистической революции.

Футорянский Л.И.: Первый вопрос: каковы особенности революционных выступлений казачества? Отвечая на него, можно сказать о специфических формах, которые получили распространение и присущи казачьему движению: 1. Бегство от периодических лагерных сборов. 2. Дезертирство. 3. Выступления отдельных казачьих частей с самими разными требованиями, начиная с протеста против службы в качестве денщиков и кончая отказом от полицейской службы при сохранении верности царю. Следует отметить, что ряд восстаний казаков не изучен. К ним относится, например, восстание в 14-м Оренбургском казачьем полку под руководством Чеверева. Затем он организовал освобождение Оренбургской губ. от атамана Дутова и одним из первых был награжден орденом Красного знамени.

Хочется сказать, что нужно провести громадную работу для того, чтобы выявить все восстания. Царизм стремился особенно тщательно скрывать всякий случай волнений среди солдат и особенно среди казаков. Царизму было выгодно то настроение, которое было среди крестьян и части рабочих – презрение в отношении казачества как полицейских, и царизм стремился поддерживать эти настроения. Какие были требования? Требования были различные, например, о выдаче пособий семьям казаков, которые погибли в русско-японской войне при исполнении служебных обязанностей. Были высказывания, выражавшие гнев против начальства, чиновников, засилья войскового начальства. Это тяжелым бременем ложилось на казачью массу. Все средства в основном шли на содержание начальства, генералов и офицеров. Эти требования также играли заметную роль в ходе выступлений казаков.

Чаще всего в своих выступлениях казаки сохраняли верность царю. Выступая против начальников, отказываясь от полицейской службы, они сохраняли веру в царя-батюшку и верили, что он может удовлетворить их требования. Это заметно во многих материалах. Надо сказать, что депутаты от казаков в Государственной думе не ставили вопрос о том, виноват ли сам царь, но говорили, что правительство виновато в той роли, которую играет казачество в революции.

И еще было несколько вопросов: какова связь Крестьянского союза и казачьего движения? У меня в тезисах вскользь говорится об этом. Учредительный съезд казачьего и Крестьянского союза Донской области в обращении к своим депутатам настаивал, чтобы они совместно с левым блоком крепко стояли за интересы трудящихся людей. Это не значит, что в тезисах эта тема получила свое развитие; этот вопрос чрезвычайно интересен, и он заслуживает дальнейшего серьезного и обстоятельного изучения и анализа.

Далее был задан вопрос о национальном составе казачества. Он был, например, в Оренбургском казачьем войске многонациональным (русские, украинцы, белорусы, казахи, башкиры, татары), причем также и в религиозном отношении. Мне довелось читать тексты присяги Оренбургских казачьих войск, где были мусульмане, православные, исламисты. Эта деталь не учитывалась многими исследователями не только в Оренбургском, но и в других районах страны, в частности в Донском казачьем войске и в Калмыкии.

В какой-то степени верно, что казачье офицерство и генералы принимали участие в проведении колониальной политики, как и зажиточная верхушка, появившаяся в казачестве.

Вопрос: В Вашем содержательном докладе почему-то историография начинается со статьи Пронштейна, а не с более обстоятельных работ хотя бы И.Ф. Мужева и П.К. Перепеченко, но в докладе они даже не упоминаются.

Футорянский Л.И.: С этими работами я знаком, но речь идет о том, что в первоначальных тезисах была более подробная историографическая характеристика, поэтому я остановился на самой последней статье. Принципиальные соображения и несогласие у меня есть. Обычно, раз появилась статья в журнале «Вопросы истории», все историки воспринимают ее как последнее достижение в области науки. С этой точки зрения я и подходил, хотя материалы моих тезисов при внимательном чтении той статьи показывают наши принципиальные расхождения во взглядах на эти вопросы.

Сулейменов Б.С.: Вы прослеживали наказания казачества своим депутатам в Государственную думу? И влияние каких политических партий было в казачьей среде? Члены Государственной думы были очень смелыми. Депутат Сидельников даже выступал против царя в 1905 г. Второй вопрос: Вы попытались в своем поиске

выяснить влияние отдельных политических партий в казачьей среде? У нас есть общая беда – мы говорим только о большевиках, а остальных нет. А влияние каких-то еще партий было в казачьей среде?

Футорянский Л.И.: Прослеживал ли я указы в Государственную думу и, в частности, Сидельникова? Несомненно, и очень тщательно.

В этом отношении мне хочется сказать о Сидельникове. Это оренбургский казак. Никто из наших исследователей не говорит, что он казак, ни в одной монографии мы этого не найдем. Социал-демократическая газета большевистского направления, выходившая в Оренбурге, считала Сидельникова своим корреспондентом. Вначале он был назван в первом списке кадетом, затем левым трудовиком, а по существу Сидельников работал в Наркомземе. Он в 1918 г. вступил в ряды большевистской партии. Указы Сидельникову как депутату Государственной думы представляют большой интерес. Прежде всего, в указе от казаков ставился вопрос об их отказе от полицейской службы. Деятельность Сидельникова и других депутатов, которые отстаивали интересы трудового казачества, встречали противодействие среди зажиточной верхушки Оренбургского войска и среди середняков, а в 1907 г. была даже организована кампания, чтобы исключить Сидельникова из казачьего сословия.

Деятельность Сидельникова повлияла на судьбу Николая и Ивана Кашириных – героев гражданской войны. Выступления Сидельникова среди казаков, когда его избирали в Государственную думу, оказали на Кашириных большое воздействие. Поэтому, когда началась Октябрьская революция Николай Каширин стал видным борцом за установление советской власти на Урале.

Далее вопрос о степени влияния политических партий на казачество. Мне известен охват и широта деятельности большевистской партии, но какой была активность других партий, я не изучал.

Егунов Н.П. (Улан-Удэ). Забайкальское казачество в 1905–1906 гг.

Моя задача очень скромная – показать экономические и социально-политические предпосылки революционной борьбы забайкальского казачества в годы Первой русской революции. Дело в том, что вопрос о роли казачества и о революционных выступлениях казачьих частей в Красноярске и Чите были освещены в работах Дулова, Ветошкина и др. Я же хочу, прежде всего, остановить ваше внимание на факторах, повлиявших на революционное движение среди части казачества в 1905 г. Экономическое положение забайкальского казачества базировалось на скотоводстве и земледелии. У него было четыре военных отдела, из

них в двух казаки в основном занимались скотоводством, а в двух других преобладающее значение имело земледелие. По своему составу забайкальское казачество было разрознено: там были коренные русские казаки, бурятские казаки, эвенкийские казаки и казаки более позднего происхождения, т.е. те крестьяне, которые в свое время жили в Нерчинских рудниках.

За 10 лет перед революцией экономическое положение забайкальского казачества резко ухудшилось. Посевная площадь казачьего войска увеличилась, но сбор урожая понизился за 10 лет перед революцией более чем на 35%. Само начальство Забайкальского казачьего войска объясняло это частыми неурожаями, засухой, низкими знаниями казаков, примитивностью земледелия и т.д. На первый план при этом начальство войска выдвигало отсутствие у казачества прочного землевладения. В связи с этим к 1905 г. втрое увеличилось недоимки и ссуды, взятые казаками у государства, а поголовье же их скота за 10 лет перед 1904 г., наоборот, уменьшилось на 11,5%. В связи с проведением Забайкальской железной дороги упал и извозный промысел, которым занято было 20% казачества.

На деле у забайкальского казачества по сравнению с другими казачьими войсками было гораздо больше земли. К 1901 г. общая площадь земли забайкальского казачества насчитывала 8-9 млн. десятин. На одну мужскую душу земли приходилось 82 десятины, в том числе удобных земель – 46 десятин, леса – 21 десятина, а в других казачьих войсках земли приходилось на одну мужскую душу 19 десятин, в том числе удобной – 11,7 десятин. Как видите, по сравнению с другими войсками забайкальские казаки были хорошо обеспечены землей, но, конечно, в качественном отношении земли Забайкалья значительно уступают донским и оренбургским землям.

Главная причина, почему казачьи хозяйства переживали такой кризис, – это развитие буржуазно-капиталистических отношений, разложившее казачество. Это вопрос очень сложный, крупный, потому что нет статистического материала, на основании которого можно было бы показать, как шло разложение казачества. В 1907 г. комиссия А.Н. Куломзина провела обследование Забайкалья и в том числе казачьих хозяйств. В записке комиссии эти материалы отсутствуют, поэтому из 16 выпусков материалов, которые выпустила комиссия, невозможно показать процесс разложения казачества, тем не менее, данные комиссии показали, что 9% русских коренных казаков постоянно отсутствовали в станицах. Следовательно, 9% казачьих хозяйств потеряли возможность обработки земли, а земля – это жизненная основа казачьих войск. Они ушли в города, на строительство железных дорог и т.д. Свыше 18% хозяйств не имели мягкой пашни. Свыше 31% хозяйств отпускались на заработки. Даже эти скудные данные говорят, что происходило разложение казачьих хозяйств, их разорение, уход казаков на заработки и т.д., а на

другом полюсе – образование верхушки казачьих войск. В ленинградском архиве сохранились эти карточки обследования 1907 г.

Конечно, находясь в Улан-Удэ, без соответствующего аппарата провести обработку всех материалов невозможно, но частичная обработка материалов наиболее типичных казачьих селений показала, что казачья верхушка составляла 1/5 всего населения, сосредоточивая в своих руках 50% земель, 63% рогатого скота, 60% лошадей, 85% овец и коз. И если взять эти группы, то более 80% таких хозяйств привлекали рядовых работников. Эти данные говорят о том, что единое казачье сословие разбивалось на различные классовые группы. Поэтому мы видим непрерывное распределение пахотных и других угодий казачества. И не случайно забайкальское казачество по всем правилам должно было иметь паи. Но ничего этого не было, там существовали захватные формы землевладения. Например, такие важнейшие земельные угодья у казаков, как пашни, находились в захватном владении. Все это говорит о том, что, вопреки этой казачьей муниципализации, это разрушение казачьего хозяйства привело к тому, что большая часть казачества не в состоянии была нести военную обязанность.

Третий момент, на котором я хотел бы остановиться, – это обострение земельного вопроса. В начале XX в. землей забайкальское казачество было, как будто бы, обеспечено хорошо. В 1899 г. был издан указ о границах Нерчинского округа. По этому указу все Восточное Забайкалье было объявлено собственностью Кабинета Его Императорского Величества. В связи с этим Кабинет усилил свою активность в Восточном Забайкалье, захватывая земли казаков и русских, бурятских и эвенкийских крестьян. На этой почве обостряются земельные отношения между казаками, русскими крестьянами и бурятскими крестьянами, с одной стороны, и Кабинетом – с другой. В 1902 г. для отграничения земель казачьего войска от Кабинета была создана комиссия, которая была подчинена центральной власти. Председатель комиссии был назначен высочайшей властью, и никаким местным органам она не подчинялась.

У меня имеется большое количество документов и материалов, которые говорят, в каком положении находилось казачество. Отграничивая земли забайкальского казачества от Кабинета, комиссия выступала на стороне последнего, отдавая ему казачьи земли. Вот был такой поселок Аркинской станицы – Усть-Стрелочный. Отграничивая земли казачества в поселке Усть-Стрелочном от земель Кабинета, комиссия вынуждена была вызвать 50 свидетелей. Казаки настойчиво добивались, чтобы те земли, которыми они пользовались, были оставлены за ними. В конечном счете все споры должны были решаться в правительственном Сенате. Поэтому шла непрерывная тяжба между представителями Кабинета и казаками. В 1905 г., по мере развития революционного движения, происходило антикабинетское движение в Забайкалье среди казаков и бурятских крестьян.

Эти условия накануне революции 1905 г. очень хорошо использовала забайкальская социал-демократическая большевистская организация. Читинский комитет РСДРП (И.В. Бабушкин, В.К. Курнатовский, А.А. Костюшко-Валюжанич) очень хорошо работал среди забайкальского казачества, и казаки считали большевиков своими и обращались по всем вопросам в читинскую организацию. И не случайно Совет солдатских депутатов был сформирован Читинским комитетом. Казаки признали руководящую роль большевиков в этом деле. Поэтому я не согласен с тем товарищем, который здесь выступал, что там в революционном движении имели большое значение войска, а не рабочий класс. Ничего подобного! Проведение Великой сибирской железной дороги, создание читинских мастерских, где работало 5 тыс. рабочих и железнодорожные батальоны из рабочих, которые прошли хорошую революционную школу борьбы, – все это привело к тому, что читинская организация сумела поставить работу среди гарнизона, и Читинский гарнизон встал на сторону революции. Поэтому такое утверждение неправильно. На самом деле рабочие читинских мастерских сыграли исключительно большую роль в развитии революционного движения среди войск и среди крестьян.

Годючко А.И. (Армавир). Борьба сельскохозяйственных рабочих Предкавказья в 1905–1907 гг.

В Предкавказье, куда входили Кубань и Ставропольская и Черноморская губернии, были районы, где было значительное количество сельскохозяйственных рабочих. По предварительным подсчетам, их было до 550 тыс. человек. Следует отметить и тот факт, что по сравнению с центральными губерниями России формирование сельскохозяйственных рабочих в данном районе имело определенную специфику. Так, в частности, формирование сельскохозяйственного пролетариата здесь проходило не только за счет местного крестьянства, но также, с другой стороны, за счет пришлых отходников из центральных губерний России, Украины и т.д.

И еще следует отметить, что формирование кадров сельскохозяйственного пролетариата проходило не только за счет крестьянства, но и за счет казачества. Это накладывало определенный отпечаток на революционное движение сельскохозяйственного пролетариата, на рост его сознания и т.д.

Следует отметить, что в конце 1905–1906 гг. на Кубани в отдельных станицах и населенных пунктах возникали социал-демократические кружки. Например, в станице Бесскорбной, которая находилась недалеко от центра Лабинского отдела Армавира, была создана социал-демократическая группа, куда вошли представители местной интеллигенции и целый ряд батраков. Она занималась изучением

программы РСДРП, принятой на II съезде партии. В ходе революции 1905–1907 гг. деятельность станичных организаций приняла более широкий размах. В частности, состоялось заседание 18 июля в Екатеринодаре Кубанского комитета РСДРП, на котором присутствовали представители многих групп. На этом заседании присутствовала специальная группа от кубанских казаков.

В группе кубанских казаков в это время были меньшевики, отсюда в резолюции было указание, что Комитет всецело присоединяется к Женевской платформе меньшевиков, однако обойти такой вопрос, как сельскохозяйственный пролетариат, меньшевикам не удалось, и они были вынуждены поставить вопрос о союзе с ним. Однако четкого положительного постановления не было принято. Большевики же проводили решения III съезда РСДРП, создавали кружки, в частности, в станицах Отрадной, Кубанской экономии барона Штейнберга и др.

В ходе революции Армавирская и Ейская группы кубанской организации выпустили листовки, призывавшие сельскохозяйственных рабочих к борьбе, а также ряд материалов, где были сформулированы задачи сельскохозяйственного пролетариата в революционной борьбе. В частности, в листовке, изданной Армавирским комитетом РСДРП, говорилось о задачах сельскохозяйственного пролетариата, но беда в том, что в этой листовке нашел отражение меньшевистский налет, отсюда задачи сельскохозяйственного пролетариата были ограничены чисто экономической борьбой. Что касается борьбы против помещиков, против помещичьих экономий, то эта листовка советовала не трогать и не уничтожать их. Что касается Ейской социал-демократической группы, во главе которой стояли большевики, то она заняла более правильную позицию в этом отношении. Так, например, в листовке, выпущенной этой группой, сельскохозяйственный пролетариат прямо призывался присоединиться к фабрично-заводскому пролетариату для борьбы против царского самодержавия, подобно тому, как он это сделал в Северо-Западном крае и в Польше.

Я уже говорил о том, что формирование сельскохозяйственного пролетариата в рассматриваемом районе имело некоторую специфику. Местные сельскохозяйственные рабочие были в основном из числа иногородних, поселившихся в данном районе, надеявшихся, что мирным путем можно будет урегулировать вопрос о наделении их землей. Однако, по мере развития революции эти иллюзии отходили на второй план.

Во время забастовки сельскохозяйственных рабочих в Черноморской губернии забастовщики выбрасывали красный флаг, а их ораторы призывали к свержению царского правительства. Нужно сказать, что сезонные пришлые рабочие, которые приходили в Предкавказье, нередко были участниками политических манифестаций в ряде пунктов, которые происходили в Кубанской области. Например, в Ейске 2 мая 1905 г. сотни батраков участвовали в стачке. Благодаря поддержке городской

бедноты и сельскохозяйственных рабочих двухнедельная майская стачка в Ейске стала принимать характер народного движения. Со 2 по 16 мая сельскохозяйственные рабочие и мелкие арендаторы были фактически хозяевами в городе. Со своей стороны сельскохозяйственные рабочие оказывали поддержку промышленным рабочим.

Из всего сказанного видно, что в Предкавказье в годы Первой русской революции складывался союз между промышленными и сельскохозяйственными рабочими и крестьянством, которые оказывали в борьбе против царского самодержавия и против помещиков определенную помощь и поддержку друг другу.

По мере роста революционной борьбы в данном районе среди сельскохозяйственных рабочих выделялись агитаторы, вожаки, связанные с социал-демократическими организациями, Хорошо зная условия жизни крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата, их нужды, чаяния, запросы, они проводили весьма умелую пропаганду как среди сельскохозяйственных пролетариев, так и среди крестьян. Такие агитаторы были и в Ставропольской губернии, и в Кубанской области, и в Черноморской губернии. В Кубанской губ. следует отметить целый ряд организаций, в которые входили батраки, а в отдельных случаях представители сельскохозяйственных рабочих даже стояли во главе социал-демократических кружков. В частности, следует отметить в Кубанской области сельскохозяйственного рабочего Жукова, а в Черноморской губернии значительным кружком руководил пасечник Автарадзе, под руководством которого удалось провести несколько забастовок сельскохозяйственного пролетариата.

Однако следует отметить, что, несмотря на определенную связь между промышленным и сельскохозяйственным пролетариатом, требования сельскохозяйственных рабочих Предкавказья еще отставали по сравнению с Прибалтикой и Польшей. В целом требования сельскохозяйственных рабочих Предкавказья оставались на уровне экономических (установление 8-часового рабочего дня, улучшение питания и жилищных условий, повышение заработной платы, применение машин для уборки урожая, наделение землей).

Однако, хотя это были более распространенные экономические требования, все же следует отметить, что в 1905–1907 гг. в результате работы социал-демократических организаций, в результате той помощи в борьбе, которую оказывали промышленные рабочие данного района, самосознание сельскохозяйственных пролетариев в значительной степени повысилось, и факты, приведенные в материалах архивов, позволяют сделать вывод, что уже в 1905–1907 гг. сельскохозяйственные пролетарии играли определенную роль в революционном движении и показали, что они могут стать определенной силой в революционном движении.

Вопрос: Какие еще партии работали среди сельскохозяйственных рабочих в Предкавказье?

Годючко А.И.: Нужно сказать, что, кроме социал-демократов, в Предкавказье была еще серьезная эсеровская партия, особенно в Ставропольской губ., но она старалась не выделять сельскохозяйственных пролетариев из общей среды крестьян, а рассматривала их в целом. Таких источников, которые бы свидетельствовали, что эсеры вели активную работу среди сельскохозяйственных рабочих, я не нашел. Правда, нашел статью «Сельскохозяйственный пролетариат», где говорилось, что сельскохозяйственный пролетариат должен бороться за наделение землей и добиться получения земли, и следовало разъяснение, что если они получают землю, они перестанут пополнять ряды промышленных рабочих и тогда положение промышленного пролетариата улучшится.

Что касается деятельности эсеров, то наиболее широкую агитацию и пропаганду они вели в то время, когда произошел арест представителей трудовиков в Думе. Все Ставрополье было охвачено восстанием сельскохозяйственных крестьян. Что касается сельскохозяйственных рабочих, то найти документы, которые подтверждали бы эту работу, не удалось. По-видимому, надо еще посмотреть.

Вопрос: На какие годы более всего падает размах батрацкого движения в Ставрополье?

Годючко А.И.: Наибольший размах падает на 1906 г. В частности, тогда в Кубанской области во время весенне-летних работ участвовало 80 тыс. сельскохозяйственных рабочих по 100 экономиям (Это Усть-Лабинский, Баталпащинский, Майкопский районы. В 1905 г. цифра была меньше). В 1905 г. движением сельскохозяйственных рабочих было охвачено 36 экономий с количеством 30 тыс. человек.

Сулейменов Б.С.: Тема, изложенная тов. Годючко, очень интересна. Надо сказать, что история сельскохозяйственного пролетариата по всей стране не затронута. Первый вопрос у меня такой: какова примерно численность сельскохозяйственного пролетариата Предкавказья к 1905 г.? Второй вопрос, связанный с этим: Как прослеживается классовая общность сельскохозяйственного пролетариата по национальным районам? Каково соотношение?

Годючко А.И.: Что касается первого вопроса, то я говорил в самом начале: 550 тыс. человек, по предварительным подсчетам. Из них наибольшая концентрация наблюдалась в Кубанской области. По второму вопросу могу сказать, что я специально им не занимался и брал только Кубанскую область, Ставропольскую и Черноморскую губернии. В Баталпащинском районе сельскохозяйственный пролетариат состоял, в основном, из черкесов и карачаевцев, в Майкопском районе

были иногородние рабочие, батраки, там жили казаки и представители горцев, адыгейцы, но процентное соотношение этих национальных групп сельскохозяйственных рабочих было невелико.

Сулейменов Б.С.: Мы прослушали очень интересные доклады о казачестве. Бросается в глаза, что авторы основательно работали и продолжают свой творческий поиск, изучая эту очень интересную, но вместе с тем и очень сложную проблему – проблему истории участия трудовых слоев казачества в революции 1905–1907 гг. В этом отношении надо приветствовать докладчиков, но вместе с тем есть другой уклон и другая опасность у многих товарищей, особенно у молодых. Желательно, чтобы они не перебарщивали и не забывали, что все же казачество было рупором царизма.

Теперь второе. Тут есть еще другая тенденция, тоже неправильная. Я должен оказать, что, к сожалению, я не доволен сегодняшними двумя докладами, которые мы заслушали на утреннем пленарном заседании. Очень многого можно было бы ожидать от них, но ничего нового я не получил. Были высказаны общие ленинские фразы, необходимость изучать только большевизм. Большевизм против кого боролся? Все же были партии гораздо более сильные, чем большевистская партия, если революция 1905–1907 гг. окончилась поражением. Нужно противника ценить. Отсюда понятно, что нельзя сбрасывать со счетов расстановку классовых сил и политических партий. Надо сказать, что крестьянские партии, в том числе эсеры и трудовики, играли решающую роль среди крестьянства. У них тактика была неправильная, но они были ярыми врагами царизма. Ленин поэтому пошел на блок с ними.

Мне кажется, что влияние октябристов, кадетов и отчасти трудовиков и эсеров было гораздо сильнее, чем социал-демократов в революцию 1905–1907 гг. У меня пожелание – осветить расстановку классовых сил, влияние отдельных политических партий среди казачества и крестьянства, связь крестьянства с казачеством – низами и верхами. Если подойти с этой позиции, то было бы внесено много нового в советскую историографию.

Мужев И.Ф. (Нальчик): У меня есть одно замечание по докладу о казачестве. Тема эта весьма обширна. Если взять Забайкальское, Уральское, Донское, Терское, Кубанское казачество, то каждая из этих областей имеет свои особенности. Но докладчик построил свое сообщение в отрыве от конкретной исторической обстановки в каждой из этих областей. Одно дело выступления на Дону – этом крупном рабочем центре, что оказало большое влияние на революционизирование

казачества. Другое дело – выступления казачества на Кубани, где было сильно влияние иногородних, или на Тереке, где было еще и движение горцев.

Далее, мне кажется, что на примере казачества как нельзя более можно проследить два социальных влияния: если взять казачество в целом, то по отдельным вопросам оно шло в союзе с крестьянскими массами на Кубани, на Тереке, на Дону. (*Реплика*: А также и в Забайкалье). И другое дело бедняцкая часть казачества, которой ближе был пролетариат. И это надо учесть на будущее.

Замечания по докладу тов. Годючко.

Тема эта совершенно новая, но я хочу обратить внимание на следующее: сельскохозяйственный пролетариат Ставрополя и на Кубани формировался главным образом за счет сезонных рабочих, и цифры, которые Вы называли (550 тыс. человек), – это, главным образом, пришлые рабочие, т.е. те же самые крестьяне, которые сюда приехали на срок уборки хлеба (отходничество), и незначительная доля местного батрачества среди иногородних и еще меньше среди казачества. Одно дело требования этих пришлых крестьян, и другое дело аграрные выступления и стачки со стороны местных батраков. Это тоже надо оттенить.

Тов. Лещенко говорит, что надо пересмотреть вопрос о периодизации крестьянских движений, которая у нас установилась в работах по крестьянскому движению. Но здесь то же, что и по рабочему движению. Есть период высшего подъема и период спада – эту схему здесь нельзя, видимо, подвести. Конкретно по Кавказу (недаром я задавал тов. Годючко вопрос, на какие годы приходится больше всего выступлений на Кубани, в Ставропольской и Терской областях) наибольший размах крестьянского движения падает на 1906–1907 гг. А острота требований, формы движения, к какому времени они больше подходят – к 1905 или 1906 гг.? По материалам, которые я имею, по остроте выступлений, по требованиям и по формам следует отметить, что они падают на период высшего подъема. (*Реплика тов. Лещенко*: Насчет периодизации говорил тов. Шмыгин).

Лещенко Н.Н.: Я хотел бы выступить по докладу тов. Шмыгина. Мне кажется, что он имел все основания поставить вопрос о пересмотре оценок размаха крестьянского движения в 1905–1906 гг. Окончательно этот вопрос можно будет решить только тогда, когда будут сделаны подсчеты количества крестьянских волнений по всей России в 1905, 1906 и 1907 гг. А по тем предварительным данным, которые мы имеем, в частности по Украине, еще не следует делать окончательных выводов. Ведь в 1906 г. размах крестьянского движения кажется шире, а острота натиска крестьян – значительно слабее. Отчего это происходит? Чем объясняется такое впечатление? Тем, что у нас до сих пор многие исследователи пользуются подсчетами по уездам и эти поуездные итоги дают для 1906 г. показатели бóльшие, чем для 1905 г.

Второе обстоятельство – это формы движения, которые тоже играют весьма важную роль. Например, на Украине в 1905 г. было выступлений, связанных с разгромом помещичьих имений, около 400, тогда как в 1906 г. – лишь два-три десятка. Да и стачечное движение в 1905 г. было шире, чем в 1906 г. Что растет в 1906 г. по сравнению с 1905 г., так это количество столкновений крестьян с полицией и войсками. Это объясняется тем, что в 1906 г. царизм имел большие возможности душить крестьянское движение и поэтому по всякому поводу, даже туда, где волнения не приобретали широкого размаха, посылались войска. Поэтому количество волнений, подавленных войсками, и количество случаев применения оружия при подавлении крестьянских восстаний в 1906 г. было немного больше, чем в 1905 г. Но эти данные не дают еще оснований делать окончательные выводы, как это делают некоторые исследователи, в частности по Украине, исходя из имеющихся материалов. Вот почему я поддерживаю мнение тов. Шмыгина.

Перепеченко П.К. (Вологда): На меня произвели очень хорошее впечатление выступления товарищей по вопросу о казачестве. Очень хорошо, что, наконец, и эта тема начинает разрабатываться. Известно, что архивы по этим вопросам вообще даже не тронуты, один-два человека за все время существования наших архивов просматривали их материалы. Поэтому интерес к этой теме, бесспорно, очень положительное явление.

Мне очень понравилось заявление одного товарища, когда он говорит, что ставит перед собой задачу изучить историю казачества, начиная с 1905 до 1917 г. Это очень похвально, потому что этого вопроса еще никто не касался.

В различных областях в годы Первой русской революции события развивались очень бурно. Там были выступления рабочих, выступления сельскохозяйственных рабочих, были крупные выступления в армии. Большие выступления были среди казачества. Я советовал товарищам посмотреть дела, посвященные вопросам порубок лесов, принадлежащих Кабинету.

Какие я делаю замечания по докладу тов. Футорянского? Известно, что все выступления казачества имели двойственный характер. Восстание, которое было в войске, продолжалось более двух месяцев и было подавлено силой оружия. Что делалось в это время в станицах? Известно, что атаман войска предложил осудить поведение этих казаков, и тут началась настоящая классовая борьба, которая показала, с одной стороны, революционные шаги казачества, а с другой – их реакционность и что самое интересное – в станицах, где происходило обсуждение поведения казаков, которые оставили военную службу, почти ни один станичный двор не высказался за или против.

Футорянский Л.И.: Я старался показать, что наряду с широким использованием казачьих войск для подавления революции в 1905 г. появилась в зародыше и

тенденция к союзу трудового казачества с рабочим классом, которая в полной мере развернулась только в 1920 г. Важно подчеркнуть, что на Дону треть казаков были зажиточными и составляли питательную среду для контрреволюционных настроений. В других казачьих войсках ситуация отличалась от ситуации на Дону в сторону меньшего консерватизма и равнять всех казаков с донскими нельзя. Мне, кажется, удалось первому показать, что на Дону было больше всего зажиточного казачества. На Дону оно составляло 36-37%. По другим районам Кубани данные противоречивы: Перепеченко приводит 10%, другие приводят 20%. Дальнейшую работу по углубленному изучению этого надо проводить. Оказалось, что наибольшая консервативность сохранилась на Дону. Деформация среди уральских казаков была поменьше. Нигде не было сказано, что Донское казачество было наиболее благополучно, наиболее благоприятной была почва для контрреволюции, а взгляд на Донское казачество был потом перенесен и на другие казачьи войска.

Шмыгин И.П.: Чем я руководствовался, утверждая, что крестьянское движение по своему характеру, размаху, напору, революционному резонансу было ярче в 1905 г., а в 1906 г. в деревне было уже больше обращений в Государственную думу и суд, чем стремления явочным порядком забирать земли у помещиков. Почему говорят, что в 1906 г. было больше столкновений крестьянских масс с войсками? Да потому, что тогда почти все губернии были переведены на положение усиленной военной охраны. Сельская местность была наводнена войсками, и малейшее выступление против помещиков оборачивалось немедленным вызовом карательных отрядов. Мы говорим, что декабрь 1905 г. – высшая, кульминационная точка революции. Но не для каждой местности. Например, в Саратове и Самаре высшая точка революции – не декабрь.

Годючко А.И.: Здесь были высказаны в мой адрес два замечания. В частности, говорилось, что нужно поставить вопрос по поводу борьбы местных и пришлых рабочих. В отношении Кубани и Ставрополя у меня нет данных о столкновениях между пришлыми и местными рабочими. Наоборот, например, в Усть-Лабинском районе местные пролетарии пытались ознакомить пришлых со своими требованиями, призывали их к совместным выступлениям. В материалах о стачках указано, что участвовали и местные, и пришлые пролетарии с едиными целями. Нужно ставить вопрос не о борьбе пришлых и местных рабочих, а о борьбе постоянных и поденных рабочих. Что же касается пришлых и местных рабочих, то в 1880-е годы основной контингент рабочих приходился на пришлых, но на рубеже XIX и XX в. уже наблюдалась тенденция к сокращению числа пришлых рабочих и формированию местного сельскохозяйственного пролетариата.

А.П. Ярошенко прямо заявляет, исследуя этот вопрос, что из числа иногородних в Кубанской области в это время 86% потеряли всякую связь с местами своей

приписки. В отношении пришлых рабочих начальник Кубанской области сообщает, что на Кубань в начале XX в. приходило 100 тыс. рабочих. Ярошенко указывает, что «машина косит того же косаря».

Симонова М.С.: Я должна написать проект заключения о работе данной секции и наши пожелания. Мои замечания следующие. Что касается доклада С.М. Дубровского, то я понимаю затруднения докладчика, который берется за такую тему как «Историография аграрного вопроса». Поэтому в известной мере оправдано, что он сосредоточил свое внимание на советской историографии. Он сказал, что одно из ее достоинств состоит в том, что успешно разрабатывается вопрос о предпосылках буржуазно-демократической и социалистической революций. И дальше говорит, что скоро у нас будут отрицать наличие в нашей стране предпосылок к буржуазной революции. Хотел он или не хотел, но заканчивает он так, что в нашей стране изучаются предпосылки социалистической революции, а предпосылки буржуазной уже разработаны.

Но опыт показывает, что здесь есть большие пробелы. На этот процесс воздействует развитие капитализма в сельском хозяйстве России, с одной стороны, а с другой – крепостничество. От того, насколько глубоко исследован этот вопрос, зависит оценка роли крестьянства в революции и особенно в революции крестьянской, происходящей уже в XX в. В этом отношении сделан большой шаг вперед именно после XX съезда КПСС. Теперь целая группа исследователей занимается серьезно этими вопросами и исследуется вопрос, что представляли собой крупнейшие помещичьи хозяйства в России. Об этом нужно было сказать и Сергею Митрофановичу.

Каждый вопрос, связанный с развитием крестьянского движения в революции, требует глубокого анализа. Вот тов. Годючко отвечал, и вы чувствуете, что у него нет четкого мнения, потому что нет данных, что представлял собой сельскохозяйственный пролетариат. Он сказал, что, может быть, стоит посмотреть борьбу между поденными и постоянными рабочими. Я работала с составителями докладов, видела материалы по Предзакавказью. Таких материалов, которые показывали бы борьбу между поденными и постоянными рабочими, нет. А вот между пришлыми и местными? Мысль моя ясна: вопрос о социально-экономических предпосылках революции должен быть изучен всеми исследователями.

Теперь по поводу доклада тов. Шмыгина. Он был более историографичным, чем доклад Сергея Митрофановича, и здесь была попытка периодизировать эту борьбу, показать недостатки ее освещения. Это тоже одна из задач историографии – наметить какие-то итоги и задачи на будущее. С этой точки зрения, доклад тов.

Шмыгина выигрывает, Но есть и возражения. Мне кажется, нельзя свести периодизацию к 20-летию и 50-летию революции 1905 г. (*Тов. Шмыгин*: Это основные этапы). Даже как основные не следует. Может быть, следовало бы проанализировать историографию более детально и, кроме того, дать характеристику этих основных этапов. Мы можем замалчивать этот факт, но его сущность не изменится. Что представляла собой историография 1930-х – 1940-х гг., какие объективные и субъективные трудности в ней были, которые не могли не наложить свой отпечаток на характер конкретных работ? Ведь если документы по крестьянскому движению были засекречены и исследователь не имел доступа к ним, как он мог давать объективную картину развития движения? Видимо, при доработке доклада тов. Шмыгина нужно стремиться к максимальной объективности, к максимальной правдивости, ибо мы имеем возможность сейчас прямо и четко говорить о тех недостатках, которые были.

Достижения советской историографии огромны, но не нужно говорить, что все у нас очень хорошо. Конечно, трудно сравнивать источниковую базу в 1920-х гг., когда исследователи в лучшем случае имели материалы центрального архива, но даже нельзя было прямо говорить о том, чтобы поднять материалы провинциальных архивов, и сейчас, когда мы имеем огромный материал и усовершенствование самого метода работы.

Доклад Н.Н. Лещенко вызвал много выступлений. Я не первый раз его слушала. Вопросы, которые он поднимал и здесь, и на аграрном симпозиуме, очень ценные. Назрел вопрос, что необходимо выработать какой-то общий метод исследования крестьянского движения, ибо иначе получается кустарщина. Каждый исследователь тратит колоссальные силы и колоссальное время, а в результате получают данные, которые мы не можем сравнить и в лучшем случае используем их как иллюстрацию. Встает, в частности, и вопрос о создании научной хроники крестьянского движения. Каждым исследователем выявлена масса материалов, и если бы была такая хроника, каждый мог бы проверить свои выводы. Большая часть этого материала уже обработана.

Заметьте, что почти всем докладчикам задавался почти один и тот же вопрос: «Почему только большевики? А как же другие социалистические партии?» Этот вопрос мы только начинаем разрабатывать.

Теперь об идеологии крестьянского движения. Это тоже совершенно забытая тема. У нас появилось пренебрежение к ряду источников, которые свидетельствуют об определенном настроении крестьянских масс. Большой интерес представляет вопрос о психологических сдвигах среди крестьянства, об отношении крестьян к Государственной думе, к царизму. Нужно разыскивать новые источники, анализировать их, потому что эта проблема забыта.

Мы стремились показать, прежде всего, сильные стороны крестьянского движения. У нас возник интерес к истории казачества, но этот вопрос очень труден, т.к. за эту тему мы не брались. Если мы показываем, прежде всего, сильные стороны крестьянского движения и не показываем слабые, тогда неясны трудности большевистской работы. Если мы вольно или невольно стремимся доказать, что социал-демократические партии охватывали своим влиянием большую массу крестьян, то это расходится с действительностью. На эти стороны тоже надо обращать внимание.

Наконец, в истории революции 1905 г. очень важно показать персональный состав участников крестьянского движения. Мы должны найти фигуры его вожаков, мы их не видим. Это очень важно и ценно. История революции не должна быть безликой. Вот возьмем украинского крестьянина Антона Щербака. Что это за фигура? Это сложная, противоречивая фигура. Мы пишем о рабочих Советах и о тех, в которых меньшевики действовали наряду с большевиками, а о крестьянских Советах мы вообще не пишем. Люди не показаны (*Тов. Сулейменов*: Потому, что запрет был). А теперь? (*Тов. Сулейменов*: И теперь запрет).

Все зависит от инициативы самого исследователя. Часто уходят от острых вопросов, потому что исследователь не может их объяснить.

Сулейменов Б.С.: Сейчас стало труднее получить сведения о деятелях политических партий.

Симонова М.С.: Мы использовали все фонды с полной ссылкой на архивы.

Из выступлений ряда товарищей наметился такой подход, согласно которому нужно выработать принципиальную схему и анализировать крестьянское движение не по одному признаку, а по их совокупности: скажем, движение оборонительное или наступательное, против основного врага или против помещика? При выступлении некоторые товарищи говорили, что надо посмотреть на размах движения, но с точки зрения размаха судить о движении – это одно, а с точки зрения интенсивности – это другое. Я согласна, что не обязательно во всех районах высшей точкой подъема будут октябрь-ноябрь 1905 г. В тех районах, где борьба сельскохозяйственных рабочих выдвигалась на первый план, очевидно, что эта борьба была сильнее в 1906 г., а если взять вообще крестьянскую борьбу за землю, а именно она определяла успех революции, то она ярче всего была в 1905 г.

**ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИИ № 2 НАУЧНОЙ СЕССИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 60-летию РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг. В РОССИИ**

16 декабря 1965 г.
Председатель П.Г. Галузо

Воробей П.И. (Одесса). Национальный вопрос и национально-освободительное движение на Украине в 1905–1907 гг.

Если по аграрному вопросу и о крестьянском движении на Украине есть в советской литературе свыше 100 работ, то по вопросу о национально-освободительном движении на Украине трудно назвать какие-либо солидные работы. Движущие силы национально-освободительного движения, характер участия в нем отдельных классов, социальных групп и различных политических партий, особенности этого движения – все эти вопросы очень слабо изучены, и делаются только первые шаги в их изучении. Главным в национально-освободительном движении была судьба национального развития украинского народа. Если взять всех рабочих Украины, то свыше половины из них – это украинцы, а что касается крестьян, то украинцы составляют подавляющее их большинство. При этом национальный вопрос не исчерпывался только украинским вопросом, т.к. было и национальное движение других угнетенных на Украине национальностей – польское движение, еврейское движение. Очень важен также вопрос о взаимоотношениях русского населения, которое жило на Украине, с угнетенными национальностями. Здесь сталкивались две тенденции: с одной стороны, вековые связи украинского и русского народов, славные традиции революционной борьбы, культурные, политические и другие связи. Известна национально-освободительная война XVII в., которая в конечном итоге сменилась добровольным вхождением Украины в Россию, что создало предпосылки для связи между всеми этими народами. Но в то же время была и другая тенденция. Царское правительство ликвидировало широкую автономию украинского народа и Запорожской сечи, которая была тем центром,

который всегда отличался стремлением к свободе и созданию своего государства. Законы 1890-х гг. фактически лишали украинцев возможности развития своего родного языка и культуры. Это затормозило национальное развитие Украины, хотя прогрессивные силы русского общества выступали против этого. К тому же вам известны события 1930–1940-х гг., когда национальным вопросом вообще на Украине не интересовались.

Конечно, в таком небольшом выступлении нельзя остановиться на всех вопросах, и я хочу остановиться только на некоторых из них. Прежде всего, надо отметить, что национально-освободительное движение на Украине развернулось в самом конце 1905 г. и вылилось в создание прессы на украинском языке и различных культурно-просветительных организаций – «просвитов». А в I Думе в 1906 г. буржуазия Украины сделала попытку создать свою парламентскую фракцию. Что такое «просвиты»? Это культурно-просветительные организации, которые были еще в середине XIX в. и за пределами Украины. Но на Украине они имели определенные специфические особенности. «Просвиты» занимались различными вопросами – библиотеками, читальнями, школами на украинском языке, изданием книг и т.д. Но их создание натолкнулось на резкое противодействие местных властей, и буржуазия особенно старалась повернуть эти организации в сторону от революционного движения. Интеллигенция играла очень большую роль в создании «просвитов», но это очень колеблющаяся прослойка, и, с одной стороны, была революционная, демократическая ее часть – М.М. Коцюбинский, Леся Украинка и др., а с другой – либералы. Скажем, первая «Просвита» была создана в Одессе. Она оформилась с 7 октября по 25 ноября 1905 г. нелегально, самочинно и только 25 ноября была утверждена. И вот что интересно в отношении этой «Просвиты». Инициаторами ее создания были критик и издатель Комаров и Смоленский – деятели демократического направления. Состав «Просвиты» был многонациональный: большинство составляли украинцы, затем были греки, евреи, поляки, был даже один армянин. Были организованы два митинга – 23 ноября и в начале декабря, направленные против национального притеснения, и эти митинги стали настоящим политическим событием на Украине. Там выступали и социал-демократы, были и революционные речи, что оставило след в политической жизни Одессы.

Надо сказать, что либеральные деятели, пользуясь тем, что местные власти установили за каждым шагом «Просвиты» слежку, пытались перевести эту организацию на умеренные позиции. К 25 ноября в ней было до 500 человек. Правда, собиралось гораздо меньше половины из них, но заседания проходили в обстановке дискуссий. В них принимали участие местные докладчики, представители других партий, в том числе эсеры. Но в 1906 г. «просвиты» переходят на более умеренные позиции. Аресты, обыски, контроль – все это приводит к тому,

что демократические слои населения отходят от этой «Просвиты». Но сам факт развертывания событий очень интересен. Возьмите еще Киевскую и Черниговскую «просвиты». Киевскую основали Леся Украинка и В.К. Виниченко, а Черниговскую в конце 1906 г. – Коцюбинский. В результате «просвиты» стали сворачивать свою деятельность. Трое «просвит» вообще были закрыты – это в Полтаве, Харькове и в Лубнах. Точных сведений, сколько было «просвит» на Украине, нет. Но я могу сказать, что по крайней мере 16 «просвит» на Украине были, а за ее пределами – в Краснодаре, в Белоруссии, Новочеркасске и в других местах.

Я скажу еще вот о каком интересном моменте: до 1904 г. не было на Украине ни одной газеты, ни одного журнала на украинском языке. Лишь менее полупроцента книжной продукции составляли книги, выпущенные на украинском языке в 1904 г. А вот за 1905–1907 гг. вышел 31 (по моим подсчетам) печатный орган – газеты и журналы на украинском языке, причем 26 из них – это литература прогрессивного направления. Назову такие имена, как писатель Гринченко, Смоленский, Комаров, К. Салус и др. Надо прямо сказать, что ряд историков боятся заниматься этими вопросами, в которых много путаницы. И я еще раз повторяю, что хотелось бы, чтобы большее количество людей занимались этим. Думаю, что эта конференция даст толчок всему этому.

Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа в 1905–1907 гг.

Если национально-освободительное движение отдельных народов Северного Кавказа, например Ингушетии, Чечни и Дагестана, в какой-то степени нашло отражение в таких работах, как «История Дагестана» и в очерках революционного движения в Кабардино-Балкарии, то хуже обстоит дело с ингушами, чеченцами и др. Так, в капитальном труде «Крестьянское движение в России в 1905 г.», в сборнике статей о революционном движении в национальных районах эта тема даже не упоминается. Северный Кавказ – это своеобразный самый многонациональный уголок нашей страны, и я думаю, что, пожалуй, мы не найдем другого такого места на всей ее территории. Пестрота наций здесь особенно бросается в глаза. Достаточно сказать, что в Дагестане насчитывалось больше 30 национальностей. В Терской области живут ингуши, чеченцы, осетины, кабардино-балкарцы, а на Кубани – черкесы, многочисленные племена адыгейского происхождения и др.

Такая пестрота усложняет исследование вопроса о национально-освободительном движении на Северном Кавказе. Не меньшая пестрота была и в уровне социально-экономического развития отдельных народов. С одной стороны, имелись крупные очаги промышленного капитализма: Грозный – центр нефтяной

промышленности, Северная Осетия – центр цветной металлургии, а с другой – имелись также и самые отсталые формы социально-экономического развития. И в целом можно сказать, что Северный Кавказ ни ко времени революции, ни после нее еще не прошел стадии капитализма, и здесь можно найти многоукладность, включая даже патриархально-родовые отношения (например, в Дагестане сохранились даже феодально-крепостнические отношения).

Поскольку Северный Кавказ был в основном сельскохозяйственным районом, промышленность здесь была слабо развита и, главным образом, была насаждена сверху в виде акционерных компаний смешанного типа, например русско-бельгийских. Поэтому здесь не могло сложиться ни своего национального пролетариата, ни своей национальной буржуазии. Это необходимо иметь в виду, когда мы говорим об общем характере национально-освободительного движения, которое пошло, прежде всего, по линии крестьянского освободительного движения. При этом земельный вопрос и земельные отношения имели здесь свою особенность. Монополия владения землей принадлежала царскому правительству. Ему принадлежало значительное число земельных угодий, пастбищ, сенокосов, лесов, а мы знаем, какое значение они имеют для Северного Кавказа, поскольку скотоводство в Карачае, Балкарии и других районах играло решающую роль. В итоге важнейшим фактором в деле порабощения горского крестьянства являлась колониальная политика царизма в области земельного вопроса. Достаточно сказать, что в Дагестане почти все общинные земли принадлежали царской казне. Не лучше обстояло дело и в других национальных районах и округах.

Расхищение общинных земель горцев происходило также путем массовой раздачи их ханам, князьям, местной знати. И делалось это в целях мирного завоевания Северного Кавказа. Так, например, князь Черкасский получил 90 тыс. десятин земли в дар за свою службу. Значительная часть горских земель была передана царским правительством под казачьи поселения. Таким образом, земельный вопрос имел свои отличительные особенности от постановки этого вопроса в других национальных районах, тем более в русских. Следовательно, аграрное движение горцев в 1905 г. было направлено, главным образом, на ликвидацию казенных земель, которые были отобраны у них царским правительством. Горцы же имели наделы размером от 0,5 до 0,25 десятины. Такое явление было обычным, особенно в Осетии, Балкарии, Карачае и других местах.

Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа определялось не только своеобразными аграрными отношениями, но и всей системой колониальной политики царизма, прежде всего политикой в области сбора налогов. Налоги для горцев Северного Кавказа были введены вскоре после отмены крепостного права. Налоги довлели как над русским населением, так и над горским, но в отношении горцев была определенная дискриминация, так как ставки налогов

для горских округов были выше, чем в округах с русским населением. Были и натуральные повинности, многие из которых связаны с родовыми обычаями горцев, на которых я не имею возможности остановиться, но которые довлели над горцами Северного Кавказа.

Или возьмем политику царизма в области здравоохранения. По официальным данным, один врач в областях, где жили русские, приходился на 23 800 человек, а там, где жило горское население, – на 66 589 человек. И неудивительно поэтому, что была очень высокая смертность среди горского населения.

Формы национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа были очень разнообразны, начиная от порубочного движения, которое охватило почти все районы Северного Кавказа, населенные горцами, до солидных антиправительственных выступлений, сопровождавшихся погромами правительственных учреждений, административных лиц и открытыми вооруженными восстаниями и захватом в свои руки органов управления.

Это движение особенно большую роль играло в Осетии, где охватило огромные районы, а затем перекинулось в уезды. В Чечне и Ингушетии борьба крестьян за ликвидацию военно-бюрократической колониальной системы управления, вылилась в особую форму – абречество. В нашей исторической литературе до сих пор это движение мало исследовано. Дореволюционные историки изображали абреков не иначе, как разбойниками, считая, что разбой вообще присущи горцам по натуре. И абречество толковалось именно с таких позиций. Неправильный подход к абречеству имел место и в советской историографии. Так, Н. Еуркин, например, считает, что оно возникло на почве мести и только.

Абречество – явление давнишнее в жизни горцев. В разное время оно принимало разную окраску. Оно было протестом против социального гнета своих эксплуататоров и национально-колониального угнетения со стороны царской администрации. На этой почве возникли не одиночки абреки, как было прежде, а целые отряды народных мстителей, имевшие большую поддержку среди трудящихся масс. Абречество имело свои социально-политические корни. Оно было порождено острым безземельем горцев, лучшие земли которых были отобраны в казну, либо отданы казачеству. Даже сама царская администрация признавала, что безземелье ингушей и чеченцев толкало их на путь разбоев. Абречество было направлено на экспроприацию эксплуататорских классов и носило также антиколониальный характер, так как объектом «разбоя» были правительственные учреждения и представители царской администрации, непосредственно осуществлявшие колониальную политику на Кавказе.

Основной причиной появления абреков, как правильно отмечал А. Шарапов, была «преступная администрация Кавказа и общая политика притеснения». Начальник Терской области, перечисляя «разбой» абреков на подвластной ему

территории, также признает, что они были направлены на повальное пленение зажиточных обывателей и систематическое уничтожение верных своему долгу чиновников Терской нагорной администрации.

В начале XX в., когда обострились аграрные отношения и усилился национально-колониальный гнет, в Чечне и Ингушетии заметно возросло абреческое движение. В годы революции деятельность абреков Зелимхана усилилась. Участились нападения на правительственные учреждения, банки, купеческие и помещичьи дома. Царское правительство принимало жесткие меры против абречества: выселяло жителей селений, заподозренных в укрывательстве абреков, облагало их высокими штрафами, устраивало экзекуции и прочее. Царские власти бросали специальные отряды для ликвидации абреческого движения, которое, по признанию местной администрации, «периодически вспыхивало, как какой-то стихийный пожар». Деятельность абреков приняла настолько широкий размах, что это вызвало большую озабоченность местной администрации, так как, по донесению с мест, «Чечено-Ингушетия стала сплошь абречная». Пора все-таки подойти вплотную к решению этого вопроса и сказать, в конце концов, какое социальное значение и какой политический характер имеет это движение для того, чтобы все виды этого национально-освободительного движения для нас были бы ясными.

Смиян П.К. (Луцк). Влияние Первой русской революции на развитие национально-освободительного движения в Закарпатье.

Развитие капитализма привело к окончательному разорению трудящихся масс Закарпатья. Этот процесс еще сильнее толкал их к единению со всем украинским народом и к укреплению дружбы с Россией. Из боязни потерять богатые земли и бесплатные рабочие руки венгерские завоеватели бросили все силы на их мадьяризацию. Добиваясь этого, они усилили преследование украинского языка и обычаев. На территории Закарпатья полностью закрывались украинские и насаждались венгерские школы. Все органы административного управления и предприятия очутились в руках оккупантов или тех, кто омадьяризовался и принимал католицизм. Но это еще больше усиливало национально-освободительную борьбу трудящихся Закарпатья, которая выражалась в выступлениях против венгерских чиновников, их ставленников на выборах, в отказе принять унию, переходах в православную веру и т.д.

Народная революция в России и на Украине 1905–1907 гг. оказала большое влияние на развитие революционной и национально-освободительной борьбы трудящихся Закарпатья. Этот важный вопрос до настоящего времени еще не нашел своего освещения в литературе. Закарпатье было составной частью еще древнего

Киевского государства. В XIII в. оно было захвачено Венгрией, потом стало колонией Австро-Венгерской империи. Поэтому национально-освободительная борьба закарпатцев шла, прежде всего, за национальную независимость и воссоединение с остальными украинскими землями. В этой национальной борьбе было две линии – одна демократическая, народная, а другая – буржуазная, националистическая. Остановимся только на демократической линии.

Первая русская революция усилила тяготение закарпатцев к воссоединению со своими единокровными братьями на востоке. Они начали с этого времени более решительно выступать против ненавистных чиновников, назначаемых венгерскими властями на разные административные должности. Особенно большой остроты национально-освободительная борьба достигала во время выборов старосты в с. Ильница Иршавского округа, которые происходили в январе 1906 г. Старостой этого села был венгерский ставленник Тейтельбаум, но жители села категорически запротестовали против его избрания. Собравшись в центре села, они требовали избрать старостой своего односельчанина Ивана Палаша. Магьярские оккупанты прислали в с. Ильницу отряд жандармов под командой известного в то время жестокого палача Бузынкая. Последний заявил, что он прибыл в село провести выборы так, как подобает благородным людям. Зачитав решение венгерского правительства о необходимости вновь избрать старостой Тейтельбаума, Бузынкай начал угрожать населению жестоким преследованием, если оно не согласится с решением правительства. Однако запугивание их венгерским чиновником вызвало новую волну негодования среди крестьян. Венгерские власти вынуждены были пойти на некоторые уступки, но немного погодя арестовали большое количество крестьян за их настойчивое требование дать политические права всему населению.

Более убедительным примером венгерского своеволия в Закарпатье были выборы старосты в с. Билки. Старостой этого села был венгерский кулак Шандор Орбан. На протяжении 12 лет оккупанты принуждали крестьян отдавать за него свои голоса. 15 января 1906 г. истек срок его последнего «избрания». Собравшись на квартире Шандора Орбана, они приняли решение снова оставить его старостой. Против этого решительно выступили крестьяне, хотевшие иметь старостой украинца. Дело дошло до расстрела крестьян жандармами: 13 человек были убиты, до 30 ранены, 13 брошены в тюрьму. Аналогичные «выборы» в том же году прошли и в Заречье, Ботфалве, Радванке Угочанской жупы, Грушево Тячевского округа и других селах.

Еще одной из форм национально-освободительной борьбы, достигшей в Закарпатье под влиянием Первой русской революции большого развития, была борьба против униатской и католической церкви и переход в православие, что расценивалось венгерскими властями как бунт, продолжавшийся и в 1908–1913 гг.

Нафигов Р.И. (Казань). К характеристике национально-освободительного движения татар Поволжья в дооктябрьский период.

Во-первых, хотелось бы сказать о том, что при характеристике национально-освободительного движения в Поволжье (я беру только Поволжье) нужно несколько по-новому подойти к изучению источников и их характеристике. Нужно сказать, что даже численность татарского населения Поволжья приводится в официальных источниках неправильно. Нельзя даже согласиться с данными переписи 1897 г., потому что там татары разбиты по нескольким категориям, и из них исключены, например, тептяри, включенные в особую рубрику мещеряков. К чему это приводит, можно судить уже по тому, что иногда неправильно приводятся количественные данные и, может быть, связанные с этим проблемы владения землей. Это одна сторона вопроса. Вместе с тем нужно сказать, что вообще очень специфично расселение самой татарской нации. Татары ни в одной поволжской губернии не составляли большинства, и в свете этого положения возникает проблема изучения их складывания в нацию.

Второе положение связано с источниками. Многие исследователи совершенно исключают некоторые архивные источники, не нашедшие отражения в литературе и печати. Многие страницы архивных документов Москвы и Ленинграда не вошли в оборот. Многие статьи, монографии, брошюры социально-экономического, философского и политического содержания в свое время не увидели света, а их нужно использовать для окончательного решения многих проблем. Ни в одной работе до последнего времени эти документы не использовались.

Надо учесть, что татары жили в тесном общении с русскими в ряде районов царской России. Это наложило отпечаток на характер национально-освободительного движения в Татарии Поволжья. Классовые противоречия и влияние русского рабочего класса были очень сильными. И поэтому можно говорить о том, что классовые противоречия в этих районах выступали, может быть, сильнее и в каком-то отношении быстрее, чем в некоторых других районах – Средней Азии и Казахстане. Вместе с тем интересным является сам процесс формирования татарских рабочих. Следует сказать, что в самом Поволжье, например в Казанской губернии, промышленных рабочих насчитывалось не больше 5 тысяч. Гораздо больше их было в Симбирской, Саратовской и других губерниях. Много было рабочих в Орехово-Зуеве, в Баку, а также в Донбассе. В итоге количество татарских рабочих было в других местах больше, чем в самой Татарии. При этом они были в единых партийных организациях вместе с русскими рабочими.

Следующий момент, связанный с рабочим движением, – это то, что часть рабочих татар и башкир эмигрировала за границу. Вербовка шла на такие

предприятия во Францию, например, где местные рабочие отказывались работать на урановых рудниках. То же самое было и в Аргентине. Вместе с тем хотелось бы сказать, что крестьянское движение (по этому вопросу были споры в кулуарах) шло под влиянием общего крестьянского движения. В Поволжье выставлялись общие аграрные требования. Этот момент тоже надо учесть, и имеются многочисленные факты совместных выступлений татар, чувашей, мордвы и т.д., т.е. слияние натиска на самодержавие со стороны многонационального крестьянского движения.

Говоря о татарах, надо сказать, что татарская буржуазия успешно пыталась взять руководство начинающимся национальным самосознанием крестьян под свою эгиду. С этой целью в 1905–1906 гг. был организован Мусульманский союз, который в районах Поволжья выступал как контрреволюционная сила. Это нужно отметить для того, чтобы не было ненужных обвинений и путаницы в изложении этой очень интересной проблемы, связанной с национально-освободительным движением. Это особенно касается роли в нем татарской демократии. Это были преимущественно учащаяся молодежь, писатели, учителя и демократическая интеллигенция. В период 1905–1907 гг. издавались 9 органов демократической печати – 9 газет и, кроме того, 4 журнала демократического направления. Причем нужно заметить, что настолько сильна была революционная демократия, что побивала в идеологической борьбе органы буржуазной печати. Этот момент я бы хотел особенно выделить.

И теперь вопрос о панисламизме и пантюркизме. Контрреволюционеры Татарии и духовенство были связаны с границей и пытались отравить этим ядом трудящиеся массы. Но надо отметить, что панисламизм и пантюркизм почему-то приписывались целым народам, что неверно.

Сулейменов Б.С. Национально-освободительное движение в Казахстане в годы Первой русской революции.

В период буржуазно-демократических революций в России аграрный и национальный вопросы на ее колониальных окраинах, в том числе и в Казахстане, был основой национально-освободительного движения. Обострилась классовая борьба в казахском колониальном ауле вокруг аграрного вопроса. Об этом обследовавший в 1907 г. колониальный аул чиновник Переселенческого управления Чиркин писал: «Экономические интересы 80% киргизского народа, имевших до десяти единиц скота, настолько противоречили остальным 20% киргизских богачей, что на каждом шагу встречаются проявления более или менее явной, открытой борьбы между ними за землю. Тогда как богачи настаивают на общинном, нераздельном пользовании зимними пастбищами и пахотными землями, стараясь в то же время всеми правдами и неправдами прибрать к рукам в свое исключительное

распоряжение возможно большую площадь сенокосных угодий, – продолжает он, – бедняки хотят, чтобы все общинные земли были разделены поровну между всеми общинниками».

К началу XX в. в Казахстане на предприятиях и железных дорогах работали немало русских рабочих, авангардная роль которых ярко проявлялась в 1905–1907 гг. В этот период складывался и укреплялся союз русских рабочих с формирующимся казахским национальным пролетариатом, переселенческой бедноты из России с беднотой из казахского аула. В национальном движении в Казахстане в годы Первой русской революции выделялись два направления: народно-революционное и феодально-байское, колебавшееся между царизмом и русской либеральной буржуазией. В национальном движении в Казахстане имела и известная общенациональная общность интересов и вместе с тем – непримиримое расхождение, обусловленное классовыми противоречиями. В итоге национально-освободительное движение казахских крестьян развивалось в годы Первой русской революции в условиях, когда баи-феодалы и мусульманское духовенство по существу стремились увести трудящиеся массы от революционной борьбы. С этой целью они открыли петиционную кампанию, например, на Куяндинской ярмарке (25 июля 1905 г.), в гор. Аулие-Ата и т.д. В этих петициях главное место занимали вопросы вероисповедания, то есть организации особого мусульманского духовного управления в Казахстане, строительства мечетей, открытия духовных школ, выдачи заграничных паспортов для хаджа в Мекку и т.п.

Слабость национально-освободительного движения в Казахстане объясняется целым рядом обстоятельств: отсутствием помещичьего землевладения, удаленностью края от промышленных центров страны, слабым развитием капиталистической промышленности и в связи с этим – малочисленностью пролетариата. Возникшие в городах и на больших железнодорожных станциях местные группы и кружки РСДРП не смогли развернуть революционную работу среди трудящихся масс аула. Сельскохозяйственный пролетариат, как и бедняцкие и середняцкие слои местного крестьянства, был отсталым и забытым, причем их сознание было опутано пережитками средневековья и проповедями мусульманского духовенства.

Национально-освободительное движение казахских крестьян развивалось в форме подачи жалоб, заявлений, прошений, петиций в правительственные органы, протестов против невыносимого налогового бремени, произвола, злоупотреблений и вымогательств со стороны царских чиновников. Нередко казахские крестьяне оказывали прямое сопротивление проведению колонизаторской политики царизма, изъятию земель и созданию местного переселенческого фонда, выступали против захватов земель мелких производителей крупными баями-феодалами, против

национальной дискриминации, ограничения политических прав, против политики натравливания одних народов на другие и т.д.

Казахские крестьяне писали обращение к русскому народу под названием «От киргиз – русским». «Обращаясь к правительству, – писали они, – мы много потратили сил, денег и времени, но все бесполезно. Теперь же мы обращаемся к другому, самому великому властелину на земле – это ко всей трудящейся России». Они жаловались на грабительский характер колонизаторской политики самодержавия, насильственно сгонявшего с занятых ими испокон веков земель в бесплодные пустыни. Казахские крестьяне жаловались русскому народу: «Граждане! О, если бы видели, что творится у нас в степи летом чинами переселенческой партии! Мало того, что они пользуются бесплатно услугами аксакалов, рассыльных, они творят от своего ума всякие правительственные страхи, грозят тюрьмой и протоколом, пугают Сибирью и каторгой, карательными отрядами, казаками и солдатами». «Киргизскому народу, в особенности беднякам, – подчеркивалось в обращении, – от того произвола живется страшно тяжело». Поэтому казахские крестьяне заявляли, что право пользования землею «принадлежит лишь тому, кто обрабатывает ее своим трудом. Мы, киргизы, присоединяем свой голос к великому голосу всех трудящихся масс России, чтобы все земли были изъяты из владения отдельных лиц или группы лиц по всей России, были бы обращены в общенародное достояние». Обращаясь к русскому народу, казахские крестьяне писали, что они готовы поделиться с русскими и просили их начать «дележ сначала у себя дома», т.е. конфисковать помещичьи земли. Они далее заявляли о том, что «пусть все земли перейдут к общинно-уравнительному трудовому достоянию всего народа и тогда мы от вас не отстанем».

Это обращение было опубликовано на русском языке в 1906–1907 гг. в местных газетах «Оренбургский край», «Уральский дневник» и др. В редакционной статье большевистская газета «Русский Туркестан» в 1905 г. писала: «Глубоко заблуждаются те, кто полагает, что туземное население Туркестанского края совершенно безучастно относится к революционному движению в России и не понимает поставленных этим движением ближайших целей. Мы имели возможность неоднократно убеждаться в том, что интерес к революционному движению в России и его проявления у нас в Туркестане в туземной среде вырастает с каждым днем и что отдельные, довольно многочисленные представители этой среды, несмотря на недостойные попытки дискредитировать в их глазах это движение, выработали вполне правильный взгляд на события последнего времени».

Известно, что казахские крестьяне оказывали и прямое сопротивление царской администрации в Уральском, Актюбинском, Иргизском уездах (нападение на баев, убийства и избиение волостных управителей, сопротивления чинам межевых партий и снятие межевых знаков). В Акмолинском, Атбасарском, Павлодарском, Копальском,

Верненском уездах были отмечены нападения на стражников, баев и волостных управителей. Более тысячи верховых казахских джигитов совместно с переселенческой беднотой выступили 15 ноября 1905 г. в Каркаралинском уезде. К ним присоединились рабочие, ремесленники, солдаты местной команды. В одних рядах шли казахи, русские, украинцы, татары и другие угнетенные национальности. С пением революционных песен и криками «ура» демонстранты шли по улицам уездного города Каркаралинска. Они несли красные флаги, окружили уездное управление, выкрикивали: «Долой полицию! Долой крестьянских начальников! Землю и волю!» Выступлением руководил адвокат Якуп Акпаев и помощник лесничего Глебов. Демонстранты не раз слушали зажигательные революционные речи. Каркаралинский уездный начальник телеграфировал Степному генерал-губернатору о том, что развернулось национальное движение, которым руководит и направляет революционный комитет. «Эти беспорядки, вызванные некоторыми злонамеренными лицами, имеют столь огромное моральное значение для всего вверенного мне Каркаралинского уезда, – доносил уездный начальник Оссовский, – что я считаю необходимым по долгу службы и присяги доносить о них как о первом звуке грома приближающейся грозы. В настоящее время... степь возбуждена до крайней степени».

Во второй половине ноября 1905 г. казахские крестьяне Омского уезда Акмолинской области на многолюдном собрании, обсудив свои насущные нужды, политическое и правовое положение, решили ехать массовым «походом» в административный центр области и всего Степного края город Омск и демонстративно выставить свои требования военному губернатору. Громадная масса верховых казахских джигитов отправилась в Омск. В течение двух дней – 24 и 25 ноября они собирались против здания областного управления на центральной площади города, окружали здание областного правления и квартиру военного губернатора области. Немного спустя, 15 декабря 1905 г. газета «Сибирская жизнь», выходящая в Омске, поместила специальную корреспонденцию, где сообщалось, что «на площади против областного управления и квартиры губернатора 24 и 25 ноября наблюдалось громадное скопление киргиз, по временам доходившее до 1 000 человек». «Толпа эта собралась и открыто протестовала против незаконных действий крестьянского начальника Омского уезда Вологодского, – сообщалось дальше в упомянутой корреспонденции, – обвиняя его в целом ряде вымогательств и получении взяток с разных лиц и требуя немедленного смещения с должности». Таким образом, национально-освободительное движение в колониальном Казахстане, происходившее под влиянием мощного рабочего и аграрного движения в центре страны, явилось составной частью Первой народной революции в России.

Турсунов Х.Т. (Ташкент). О национально-освободительном движении в Туркестане в 1905–1907 гг.

Мне кажется, что в национально-освободительном движении 1905–1907 гг. в Туркестане участвовало все местное население. (*С места: правильно, правильно*). Конечно, основными движущимися силами в данном случае были крестьяне и городская беднота, причем совершенно правильно здесь говорили, что первой и решающей силой были крестьяне. Тем не менее, рабочий местной национальности – одна из важных фигур в национальном движении, и из 40% рабочих половина была местной национальности. Но они подвергались двойному гнету – использовались на менее квалифицированных, черных работах, меньше получали. Поэтому они выступали не только как борцы за социальное освобождение, но и как борцы за национальное освобождение. Этот водораздел надо различать, хотя национальная борьба и социальная борьба шли одновременно, и китайской стены между ними нет. Третьей важной революционной силой в демократическом движении является революционная демократическая интеллигенция – писатели, преподаватели, адвокаты и т.д. Они являлись большой революционной силой. Среди них были выходцы и из буржуазных слоев, но по своим устремлениям они были с народом, боролись против социального и национального гнета, и из этой среды были такие, которые ратовали за союз с Россией. И, наконец, о самой национальной буржуазии, которая в лучшем случае выступала только с национальными требованиями.

Каримов Г. Национально-освободительное движение в Таджикистане в период революции 1905–1907 гг.

Таджики в период Первой русской революции не имели еще единой территории, т.к. были искусственно разобщены. Так, северные районы современного Таджикистана и Памира входили в состав Туркестанского генерал-губернаторства, а юго-центральные районы – в состав Бухарского ханства, являвшегося типичной колонией царской России. Поэтому о самостоятельных революционных выступлениях на территории Таджикистана в этот период ввиду крайней отсталости его населения и разобщенности территории не могло быть и речи. Но отправной их точкой было присоединение Средней Азии к России со всеми ее отрицательными и положительными сторонами. Суть движения трудящихся Таджикистана в 1905–1907 гг. составлял аграрный вопрос, решить который таджикам можно было не иначе, как в союзе с русским пролетариатом.

Решающую роль здесь сыграли русские рабочие, которые создавали социал-демократические организации и группы и распространяли революционную литературу, причем первая социал-демократическая организация в Таджикистане была создана в 1905 г. в городе Ходженте, а ее ячейки в городе Ура-Тюбе на железнодорожной станции Драгомирово. Социал-демократы в Ура-Тюбе распространяли прокламацию о необходимости союза рабочих и солдат. В ней напоминалось о переходе на сторону революционных сил солдат 2-го Закаспийского батальона г. Самарканда, о восстании матросов на Балтийском и Черном морях, о волнениях солдат во Владивостоке, Петербурге и Сызрани. Листовка призывала солдат поворачивать штыки против душителей народа и заканчивалась словами: «Долой самодержавие! Долой убийц! Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!» (ЦГА Таджикской ССР, ф. 22, оп. 1, д. 90, л. 17-18).

Начальник Ура-Тюбинского гарнизона доносил полицейскому приставу, что «учитель русско-туземской школы гр. В. Вигандт, кроме пропаганды среди жителей Ура-Тюбы, стал пропагандировать среди низших чинов вверенного мне гарнизона революционные идеи». На ротном празднике в октябре 1905 г. врач Пальм открыто призывал солдат не стрелять в народ в случае волнений (там же, л. 30).

Национально-освободительное движение трудящихся Таджикистана проходило в различных формах (неповиновении администрации, неуплата податей, захват земель и т.д.). Аграрные волнения летом 1905 г. происходили в Туркестане повсеместно. Царское правительство стало направлять против дехкан карательные экспедиции. 26 августа 1905 г. с прибытием военного поезда на станцию Драгомирово нижних чинов призывали не выполнять присягу и не служить начальству, а присоединиться к восставшим в Маргелане. В октябре и ноябре 1905 г. активное участие в политических стачках принимали также работники связи и рабочие железнодорожных станций Ходжент, Веревкино, Драгомирово, Придоново и Слобода-Черняево Ходжентского уезда. Во время Московского декабрьского вооруженного восстания происходили революционные волнения среди солдат Туркестанской понтонной роты, входившей в состав Ходжентского гарнизона.

Вольнослушатель Санкт-Петербургского лесного института Н. Браганцев некоторое время скрывался в г. Ура-Тюбе и, как видно из источников, утром 9 января 1906 г. в годовщину «Кровавого воскресения» им были разбросаны по улицам и заложены в двери и ворота отпечатанные на гектографе прокламации, озаглавленные «К гражданам Ура-Тюбе» с лозунгами «Долой отжившее самодержавие! Да здравствует Учредительное собрание!»

Подводя итог революционному движению трудящихся в 1905 г., следует отметить, что, по данным царской статистики, в 1905 г. по сравнению с предыдущим 1904 г. число выступлений народных масс против царских порядков увеличилось на

24,2%, причем 77,6% общего числа выступлений 1905 г. относилось к местному населению. Царская статистика не могла не признать, что 48,7% всех судебных дел за 1905 г. было о самовольном захвате земель, лесов и имущества богатеев области. Следовательно, аграрное движение кишлачной бедноты, борьба ее за землю и воду составляли основу национально-освободительного движения 1905 г. в Самаркандской области (Обзор Самаркандской обл. за 1905 г. Ташкент, 1906. С. 61-62). Накануне и в период Первой русской революции с небывалой силой обострилась классовая борьба также и на Памире.

Несмотря на массовость и остроту, аграрные волнения дехкан Таджикистана носили еще в годы Первой русской революции стихийный, неорганизованный характер. Дехкане отдельных селений и волостей действовали изолированно друг от друга. Местный пролетариат был малочислен и не был организован. Двойственность позиции национальной буржуазии в этот период выразилась в том, что она, с одной стороны, всячески помогала царизму в подавлении национально-освободительного движения трудящихся местной национальности, а с другой – при помощи духовенства пыталась осуществить свои замыслы о создании в Средней Азии под эгидой Турции марионеточного правительства. Но как бы реакционное духовенство и зарождающаяся национальная буржуазия ни оказывали влияния на дехканские массы, что значительно затормозило развитие революционных событий, все же их панисламистская и пантюкистская пропаганда оказалась чуждой классовым интересам трудящихся масс Средней Азии.

Акрамов С.А. (Самарканд). Новые материалы о революционной деятельности Самаркандской социал-демократической организации в период Первой русской революции.

Изучение и разработка истории местных организаций РСДРП представляет немалый научно-теоретический интерес, но история Самаркандской социал-демократической организации 1905–1907 гг. не получила исчерпывающего освещения. Накануне и в период Первой русской революции Самарканд стал одним из центров революционного движения в Туркестане, и царские чиновники называли его опасным очагом восстания. В годы революции Самаркандская большевистская группа РСДРП во главе с М.В. Морозовым развернула революционную пропаганду среди русских и местных рабочих и крестьян и готовила их к борьбе против царизма и местных эксплуататоров. В рапортах и донесениях царских чиновников говорилось, что в выступлениях на митингах, устраиваемых социал-демократами в Самарканде, звучит мысль о необходимости вооруженной борьбы с царским правительством. На митинге 5 июля 1906 г. на железнодорожной станции Самарканд

солдаты и рабочие пели революционные песни, а социал-демократы открыто призывали их к единению с народом. В Самарканде распространялась марксистская литература, включая работы Ленина, выходила газета «Самарканд» – орган местной социал-демократической группы, печатались программа РСДРП, решения II-IV съездов РСДРП.

В дни революции в городе была создана хорошо законспирированная типография, которая размещалась на Петровской улице в доме Шамсутдиновых. Участник революционных событий 1905 г. М.И. Щербинин, работавший в этой типографии на печатном станке, рассказывал, как была создана и какую роль сыграла она в распространении социал-демократической литературы в Самаркандской области. Подпольной типографией руководил М.В. Морозов. Типографию царская охранка обнаружила только 20 января 1907 г. Самаркандская типография Морозова была тесно связана с другими организациями партии, в частности, с ташкентской подпольной типографией. Самаркандская группа РСДРП имела тесную связь с Бакинской, Ашхабадской и другими организациями. Например, известный социал-демократ Г.И. Шавдия после отбытия неоднократных сроков заключения прибыл в Самарканд и проживал на станции Джума недалеко от города, и продолжал свою революционную деятельность. В работу подпольной типографии, наряду с русскими рабочими, были вовлечены и рабочие местной национальности. Об этом свидетельствуют записанные нами воспоминания старых большевиков-подпольщиков (К. Ашурова, С. Турсунова, И. Шаджанова, Устабаева и др.), которые непосредственно принимали участие в работе этой типографии. Для проведения революционной агитации в сельской местности, представители социал-демократической группы выезжали в волости под видом адвокатов при разборе судом жалоб местных жителей и т.п.

В рапорте Джизакского уездного начальника от 10 декабря 1905 г. на имя Самаркандского военного губернатора говорится, что за время пребывания здесь социал-демократа Клименко деятельность его выразилась в том, что он ищет в городе и в волостях уезда обиженных дехкан и берет их под свою опеку и поэтому большая часть населения пошла к нему. Участились столкновения дехкан с местной и царской администрацией из-за воды. Дехкане в ряде мест, вооружившись кетменями, палками и т.д., не давали арык-аксакалам переводить воду на байские поля. Особенно ярким в революционные дни 1905–1907 гг. было движение народных мстителей во главе с Намазом Примкуловым, начавшееся весной 1905 г. Рост вооруженных «нападений» Намаза характеризуется тем, что если в 1905 г. подобных «нападений» было зарегистрировано 5, то в 1906 г. их было уже 26.

Нафигов Р.И.: Я хочу высказать свое впечатление по поводу организации этой конференции и затронуть один-два вопроса.

Надо приветствовать такую конференцию, потому что она много дает. Мы здесь учимся, и это очень полезно. Но в последующем надо было бы позаботиться о некоторой ее лучшей организации. Не совсем хорошо вначале она была организована. Кроме того, я хочу, чтобы больше внимания было уделено приглашениям ученых не только Украины, Белоруссии, Кавказа. Как-то странно, что сегодня нет никого из Средней Азии и Поволжья, а ведь это очень своеобразный район по своему многонациональному составу. Здесь очень много интересных проблем, тем более интересно, что этот район находился в составе царской России.

Теперь относительно джадидистской школы. Когда критикуют джадидистское направление, то забывают, что джадидистской школе, которая была организована в Татарии, правительство не давало ни одной копейки, но она существовала. Говорят, что это делали буржуазные националисты. Неправильно. Там работали учителя из народа, и жили они только на средства крестьянского населения, трудящихся. И эти учителя вели полугодное существование. И это надо обязательно учитывать. Должно быть конкретное изучение.

Здесь затронули вот какой вопрос – могла ли быть буржуазия руководителем национально-освободительного движения. По-видимому, все-таки при определении этого вопроса, надо подходить конкретно, исторически. В Польше, на Украине, по-видимому, нельзя исключать такую возможность в определенных условиях. Но вот в Башкирии в 1919 г., после Октябрьской революции кто явился руководителем этого движения? Буржуазные элементы, буржуазные националисты. Но в это движение были вовлечены крестьяне, баи. Они создали шеститысячный корпус, и на первых порах руководила буржуазия. Значит, такая возможность могла быть даже после Октябрьской революции. Это говорит о том, что мы не все проблемы глубоко исследовали, и я считаю, что наша секция даст дополнительный толчок к дальнейшей работе, и мы надеемся, что москвичи учтут не только нашу критику, но и наши пожелания, и все это будет способствовать организации еще одной новой сессии.

Воробей П.И.: Мне кажется, что в организации работы секций была допущена одна маленькая оплошность. У нас есть 3-я подсекция, и я, например, не мог туда попасть. Там был ряд докладов о буржуазных и мелкобуржуазных партиях, а мы здесь все время об этом говорили, потому что это ближе всего относится к национально-освободительному движению, но мы не могли ни одного доклада прослушать. И еще один момент. Я здесь слушал все вопросы, связанные с Казахстаном и другими республиками, и убедился в том, сколько есть общих моментов с Украиной. Я записал несколько страниц интересных мыслей, которые

раньше не возникали, и это показало, насколько полезен такой обмен мнениями. К сожалению, многие республики здесь не представлены, а все это ведь дает картину национально-освободительного движения в нашей стране. Иначе получается, что мы варимся в собственном соку, а при обмене мнениями так много интересных мыслей приходит.

Мужев М.Ф.: В адрес докладчика было сделано замечание, что необходимо обратить внимание на такой момент, как слияние национально-освободительного движения с рабочим движением и о связи национально-освободительного движения с движениями в русских районах, казачьих районах, с рабочим движением и крестьянским движением и об этапах различия этих движений. Эти замечания абсолютно правильны, и они нашли отражение во многих работах, которые посвящены этому вопросу. И последнее, что я хочу высказать в порядке пожелания будущей конференции, если она состоится, чтобы не дублировать того, что у нас было, а расширить хронологические рамки, не ограничиваться революцией 1905 г., а взять весь период. Тут будет и новизна, и более широкие проблемы.

**ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИИ № 3 НАУЧНОЙ СЕССИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 60-летию РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг. В РОССИИ**

14-15 декабря 1965 г.
Председатель А.Я. Аврех

Бобков И.С. (Москва). Полупролетарские массы в революции 1905–1907 гг.

К полупролетарскому населению Ленин относил, наряду с крестьянами-бедняками, ремесленников, мелких квартирнанимателей и различные категории служащих – торговых, железнодорожных, конторских, банковских, работников почтово-телеграфного ведомства и т.д. В итоге полупролетарские массы составляли значительную часть населения страны, и задача их привлечения на сторону рабочего класса была выдвинута Лениным задолго до Первой русской революции – в 90-е годы XIX в.

Условия работы государственных и торговых служащих были крайне тяжелы. Их рабочий день продолжался до 12-18 часов, причем на них не распространялись даже куцые фабричные законы царского правительства. В ответ с конца XIX – начала XX в. среди этой категории наемных работников создавались подпольные кружки, а в 1904 г. почтовики, например, пересылали из-за границы в Россию нелегальную литературу, в том числе и газету «Искра». В 1905 г. работники прилавка и связи стали создавать свои профсоюзы, активно участвовали во Всероссийской октябрьской политической стачке. При этом царское правительство приняло все меры к тому, чтобы запретить собрания профсоюза работников связи, и есть документы, где указывалось, что манифест 17 октября 1905 г. не распространялся на служащих почтово-телеграфного ведомства, поскольку они не имели права на создание профсоюзов. Крайне мало освещена в литературе и Всероссийская почтово-телеграфная забастовка, которая началась 15 ноября и продолжалась по всей стране до 1 декабря 1905 г., причем все учреждения связи тогда не работали. Царское правительство не выдавало им зарплаты, а когда открылся их съезд в

Москве в Политехническом музее, трижды арестовывало его руководство. Затем началось выселение семей этой категории служащих из казенных квартир и массовые аресты. Большевистская газета «Новая жизнь» регулярно на своих страницах освещала ход всеобщей забастовки почтово-телеграфных служащих. Так, 19 ноября 1905 г. она писала: «Долго молчали эти рабы капиталистического государства, эксплуатировавшего их хуже любого фабриканта и заводчика. Долго они молчали и безропотно теряли за своими кожаными сумками и столами здоровье, молодость, лучшие часы жизни. Грубое начальство, каторжная работа, нищенское содержание, в перспективе голодная смерть – вот удел этих рабов государства, худшего из эксплуататоров». По инициативе Московского комитета большевиков начался сбор средств для помощи бастовавшим работникам связи. В Сибири забастовка работников связи продолжалась до 1 января 1906 г. В 1906 г. при выборах во II Государственную думу приказчики в Петербурге выдвинули в качестве кандидата в депутаты по списку № 13580 Ленина, а по другому району столицы видного большевика Л.Б. Красина.

Ерман Л.К. (Москва). Демократическая интеллигенция и Декабрьское вооруженное восстание 1905 г.

Не повторяя опубликованных тезисов, хотел бы остановиться, прежде всего, на вопросе о неоднородности интеллигенции как социальной прослойки. Мне кажется, что речь должна идти о четырех основных ее слоях. Первый, небольшой слой – это монархическая по своим политическим взглядам интеллигенция, занятая в верхах госаппарата, университетах и т.д. Второй слой – это верхи буржуазной, в значительной мере буржуазно-либеральной интеллигенции. Третий, основной слой – это вся масса мелкобуржуазной интеллигенции, причем сюда входит и революционно-демократическая интеллигенция. И наконец, четвертый слой – это интеллигенция пролетарская. Если о первых трех слоях речь по преимуществу шла в плане профессиональном, то в этот последний слой входят те рабочие, которые стали интеллигентными людьми по уровню своей подготовки (это, прежде всего, марксистская рабочая интеллигенция), а также буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция, которая встала на позиции революционного пролетариата.

Из анализа социального состава различных слоев интеллигенции следует вывод, что всю интеллигенцию относить к одному социально-политическому направлению нельзя. Раньше это делали очень просто: вся интеллигенция относилась к оппозиционному лагерю. Это шло с легкой руки «Краткого курса» и других пособий такого толка, хотя это неправильно и не соответствует тому, о чем должна идти речь. Здесь в перерыве мы обменивались мнениями о позиции видных

деятели науки, литературы и искусства, которые участвовали в Первой русской революции. Это К.А. Тимирязев, Н.А. Римский-Корсаков, Леся Украинка, Янка Купала, Якуб Колас, Важа Пшавела, В.Г. Короленко, вся группа писателей, которые сотрудничали вместе с А.М. Горьким в «Знании», и целый ряд других видных деятелей литературы и искусства. Есть ли основание отнести их к буржуазной интеллигенции? Нет. В целом это были мелкобуржуазные демократы, принадлежавшие к различным политическим партиям, в том числе и радикальным, но в основном беспартийные, выступавшие против самодержавия.

Далее я хочу обратить внимание на то, что в период Первой русской революции впервые началось массовое движение интеллигенции как определенной социальной прослойки. До революции даже в международном плане я не могу сейчас назвать такой период, когда речь шла бы о массовом движении интеллигенции, с десятками и сотнями тысяч участников. Или возьмите Всероссийскую октябрьскую стачку 1905 г., когда выступали пролетариат и демократические слои городов. Крестьянство сочувствовало ей, но непосредственно в стачке не участвовало. Активное участие в стачке принимали демократические слои городов, а это, прежде всего, интеллигенция. Больше того, возьмите Декабрьское вооруженное восстание в Москве. Некоторые исследователи, что называется, как черт ладана, боятся этого вопроса. Вот был пролетариат, а кто еще был? Крестьянства в Москве не было, солдаты были заперты в казармах. Кто же еще был в Москве? Выходит, что рабочие оказались изолированными в декабрьские дни? Но Ленин прямо говорил, что в декабрьские дни 1905 г. пролетариат имел на своей стороне городскую мелкую буржуазию и часть демократической интеллигенции. Так в самом деле и было. Конечно, основной силой тут был пролетариат, но он мог поднять и непролетарские слои города. Вот об этом сказать и нужно, но даже у наших квалифицированных историков мы не находим те места из Ленина, где прямо говорится об этом.

Здесь есть еще один вопрос, на который я хотел бы обратить внимание, – это вопрос о буржуазном либерализме и мелкобуржуазной демократии. Этот вопрос некоторые исследователи также решают очень прямолинейно: вот это буржуазные либералы, а это – революционные демократы на всем протяжении революции. В действительности же это далеко не всегда так было. Союз союзов – организация, которая объединяла около 50 тыс. членов союзов. Летом 1905 г. Ленин характеризует его как организацию буржуазно-либеральную, а осенью 1905 г. и в начале 1906 г., в особенности на основе анализа событий, связанных с Декабрьскими вооруженным восстанием, он уже характеризовал эту организацию как демократическую. Таким образом, в процессе развития революции происходили изменения в этой организации. Они начались, кстати говоря, почти с самого начала ее возникновения. Там в ходе острейшей борьбы между либеральными демократами

и мелкобуржуазными демократами победу одерживали последние. В итоге Союз союзов, который вначале был организацией буржуазно-либеральной, на этапе наивысшего подъема революции стал организацией демократической, потому что в развернувшейся борьбе демократы взяли верх над либералами.

Колесниченко Д.А. (Москва): Когда закончилось существование Союза союзов?

Ерман Л.К.: В 1906 г., но некоторые его элементы, например Союз учителей, существовал до 1907 г. Скажем, профессор-геолог Л.И. Лутугин был участником Союза освобождения и принимал участие в создании Союза союзов, но когда была создана кадетская партия, он отказался войти в нее. Накануне Декабрьского восстания Лутугин провел решение Союза союзов о его поддержке, а П.Н. Милюков к этому времени, наоборот, вышел из руководства Союза союзов. Еще один вопрос – это вопрос об участии в революции нашей художественной, или как сейчас принято говорить, творческой интеллигенции. Мы этот вопрос в общем отдаем на откуп литераторам, историкам искусства и т.д. А мне кажется, что этого делать не следует. Возьмем, скажем, скульпторов А.С. Голубкину или С.Т. Коненкова, который был начальником боевой дружины в районе Арбата, причем беспартийным. Или взять художника Д.С. Моора, который был в составе университетской боевой дружины, тоже беспартийным, или художника Сергея Иванова, который был членом боевой дружины в Московском училище ваяния и зодчества и т.д. Мне кажется, что обходить эти вопросы не следует в исследовательской работе. Больше того, я считаю, что в наших учебниках и учебных пособиях мы в этом плане допускаем ошибку: мы загоняем все эти вопросы в главу о культуре, причем там об этом идет речь отнюдь не в общественно-политическом плане, а в плане чисто профессиональном. Когда же речь идет о конкретных исторических событиях, все эти деятели исчезают. А между тем насколько это усилило бы звучание данного материала. Возьмите Н.А. Римского-Корсакова, выступавшего в защиту революционных студентов, ярчайшие стихи А.А. Блока или В.Я. Брюсова, направленные против либералов. Так, стихи Блока с очень характерным заглавием «Сытые» прямо показывают, что «сытые» были против Октябрьской стачки. У нас же здесь проскальзывает какая-то робость.

Председатель: Говоря о Московском вооруженном восстании и ссылаясь на Ленина, Вы говорили, что московский пролетариат побудил к восстанию известное число интеллигентов. Вам не кажется, что верно и обратное, а именно, что интеллигенция побудила к вооруженному восстанию и сам пролетариат?

И второй вопрос. Вы говорите, что массовое выступление интеллигенции на общественно-политической арене – это явление начала XX в., т.к. до этого массовых выступлений интеллигенции не было. А вот у меня сложилось такое впечатление (на основе знакомства с историей России середины XIX в.), что если кто-нибудь до

появления развитого рабочего движения и выходил на улицу, то это была именно интеллигенция. Вспомним народовольческие демонстрации студенчества у Казанского собора 6 декабря 1876 г.

Ерман Л.К.: Относительно пролетарской интеллигенции. Интеллигенция – это люди, занимающиеся умственным трудом как своим основным профессиональным занятием. Что же касается пролетарской интеллигенции, то здесь речь идет совсем не об этом. Пролетарская интеллигенция – это та интеллигенция, которая встала на позиции рабочего класса. Она состоит из двух основных элементов: 1) части рабочих, которые могут даже продолжать заниматься физическим трудом, но оказались достаточно подготовленными для восприятия основ культуры и основных принципов демократии и социализма, и 2) выходцев из других классов, которые порвали с интересами своего класса и стали на позиции пролетариата.

Уже были попытки расписать всех участников революции по партиям – кадетам, монархистам, эсерам, социал-демократам, большевикам, меньшевикам и т.д. Но реально все было сложнее. Недаром существует такое понятие, как беспартийная революционность. Например, известный певец Л.В. Собинова говорил: «Я ненавижу монархию, но я не знаю, к кому я принадлежу по своему политическому положению». И куда мы отнесем, например, лейтенанта П.П. Шмидта или формально беспартийных студентов в 1905 г.?

Узбекова Г.Х. (Казань). В.И. Ленин и тактика политических соглашений в Первой русской революции.

Объективные условия экономического и политического развития России конца XIX – начала XX вв. с особой остротой ставили перед русскими марксистами вопрос о необходимости поиска и применения гибких тактических средств в интересах соединения различных социальных потоков в борьбе против самодержавия. Возможность их соединения заключалась в общей заинтересованности пролетариата и буржуазной демократии в ликвидации пережитков крепостничества на этапе буржуазно-демократической революции. Чтобы превратить эту возможность в действительность, пролетариат должен был поддержать буржуазную демократию в ее оппозиции по принципу «вместе бить, но врозь идти».

Поддержка революционного и оппозиционного движения против царизма не означала компромисса с несоциалистическими программами и принципами, не означала **слияния** демократической деятельности пролетариата с **демократизмом других классов и групп**. Она означала лишь поддержку союзника против общего врага.

В 1901–1902 гг. пролетариат поддерживал даже робких либеральных земцев, ибо в его задачу входило будить, толкать, поднимать всех своих «соседей» по борьбе с самодержавием и крепостничеством вплоть до представителей либерального дворянства. В дальнейшем, чем выше поднималась волна революции, тем быстрее отпадали от нее наименее революционные слои буржуазии, а пролетариат находил себе более левых союзников среди буржуазной демократии. В качестве критерия допустимости соглашений с буржуазной демократией Ленин выдвигал принцип совместного фактического участия в борьбе («боевое соглашение для борьбы и на борьбе»). В период созыва Булыгинской думы меньшевики, как известно, выступили за сотрудничество с буржуазией как в выборной кампании, так и в самой Думе. Определяя свою избирательную тактику, они высказались за парламентские соглашения с либералами-«освобожденцами» (позже кадетами). Ленин высмеял Парвуса, Череванина, Мартова за сочинение строгих требований «освобожденцам», заранее отделяющих заслуживающих соглашения буржуа от не заслуживающих, хороших от нехороших. Политическую задачу поддержки буржуазной демократии Ленин учил решать на основании определенного учета конкретных направлений, течений, партий внутри нее. За основу деления буржуазной демократии в каждый исторический момент он брал то, способна ли она к борьбе с общим врагом или она по своему экономическому положению склоняется к сделке с ним. На этапе буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. задача поддержки буржуазной демократии Лениным решалась так: пролетариат вместе бьет царизм с той частью буржуазной демократии, которая способна на борьбу, а не с той ее частью, которая выступает за соглашение с царской монархией.

Вопрос об отделении либерализма от демократии Ленин относил к числу коренных вопросов всего периода буржуазно-демократической революции в России. В первостепенном внимании к демократическим «низам», а не к «верхам» оппозиционно настроенной буржуазии, в блокировании «снизу», с борющейся массой крестьянства, заключается принципиальный смысл и принципиальное значение ленинской постановки вопроса о соглашениях. Этим объясняется исключительное внимание партии большевиков к соглашениям с беспартийными крестьянскими и солдатскими организациями. Из этого вытекает и характер отношения большевистской партии к другим непролетарским, т.е. буржуазным и мелкобуржуазным партиям.

Ленин и большевики допускали возможность временных боевых соглашений с эсерами для общей борьбы с царизмом. Эта линия определялась тем, что эсеры выражали общедемократические требования крестьянства. Вместе с тем он предупреждал об опасности соглашательских партий, особенно в революционные периоды. Эта опасность заключалась во вредном влиянии на сознание масс их проповеди примирения интересов трудящихся с интересами буржуазии. В Первой

русской революции в роли соглашательской партии выступали кадеты. Принципиальная линия большевиков состояла в недопустимости блоков с ними. Ленин критиковал меньшевиков, открыто выступивших на защиту блоков. Он считал, что блоки с кадетами неизбежно приведут к тому, что масса мелкой буржуазии, способная пойти за рабочим классом и его партией, останется надолго под идейным влиянием либеральной буржуазии, под влиянием кадетов. Ленин выступал за революционную тактику «левого блока» с трудовиками-эсерами, которая кратко определялась им так: вместе с крестьянской демократией – трудовиками против предательской либеральной «демократии» – кадетов. «Левоблокистская тактика», разработанная Лениным и успешно осуществленная большевиками в избирательной кампании во II Думу, была рассчитана на то, чтобы вырвать трудовиков из-под влияния кадетов, вовлечь их в борьбу против самодержавия. Решение этой задачи было важно для нанесения удара по влиянию либеральной буржуазии на крестьянские массы, а, следовательно, для укрепления союза пролетариата и крестьянства. Политическая линия большевиков в Первой русской революции на отделение либерализма от демократии, с одной стороны, и «левоблокистская тактика» – с другой дала успешные результаты в борьбе за крестьянские массы.

Шморгун П.М. (Киев). Украинские мелкобуржуазные партии в революции 1905–1907 гг.

Я хочу остановиться на нескольких вопросах, которые не освещены в опубликованных тезисах. Во-первых, об историографии проблемы. История деятельности Революционной украинской партии (РУП), из которой после ее раскола в 1905 г. образовалась Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП) и «Спілки» (Украинского социал-демократического союза, образовавшегося в 1904 г. после раскола РУП) в период Первой русской революции освещена довольно обстоятельно. Еще в 1904 и 1906 гг. ЦК РУП (УСДРП) выпустил отдельными изданиями свои доклады международным социалистическим конгрессам II Интернационала в Амстердаме и Штутгарте, в которых сделал фактически первую попытку проследить историю этой партии со времени ее создания. Определенный интерес для освещения истории этих мелкобуржуазных партий имеют воспоминания видного работника РУП (УСДРП) О. Лолы (В. Степанюка), опубликованные в 1911 г. в центральном органе УСДРП журнале «Наш голос» и ставшие затем основой для его позднейшей статьи в большевистском журнале «Просвещение» и брошюры на эту тему. В 1921 г. во Львове выходит в свет небольшая работа буржуазно-националистического деятеля и публициста В. Дорошенко, посвященная истории РУП. В 1923–1925 гг. на страницах органа украинского Истпарта журнала «Летопись

революции» были опубликованы автобиографические очерки члена Главного комитета «Спілки» А. Риша, вышедшие вскоре отдельным изданием. Кроме самого очерка, в его книге имелось небольшое приложение, где были опубликованы важнейшие документы «Спілки».

История РУП (УСДРП) нашла довольно обстоятельное исследование в монографии украинского историка О. Гермайзе, вышедшей в свет в 1926 г. и отмеченной высшей премией АН УССР. Широко используя архивные материалы, воспоминания активных деятелей РУП, ее периодическую печать и листовки, автор сумел проследить всю эволюцию этой мелкобуржуазной организации, показать ее структуру и личный состав, проанализировать агитационную литературу. Кроме 300 страниц исследовательского текста, монография Гермайзе имеет около 100 страниц приложения с перепечаткой листовок РУП. В общем исследование оставляет хорошее впечатление обилием фактов, не утратив своего значения и в наши дни. Однако нельзя согласиться с методологическими позициями автора, который, будучи сам националистом, пытался рассматривать РУП как «предысторию революционного марксизма на украинской почве», т.е. отстаивал несостоятельную «теорию» о «двухкоренности» КП(б)У, происходившей якобы от большевистских организаций и УСДРП.

Следует заметить, что историей обеих этих мелкобуржуазных партий занимались в 1920-х гг. только их бывшие члены, которые не могли, конечно, дать правильной марксистско-ленинской оценки их места и значения в революционно-освободительной борьбе украинского народа, хотя они и обнародовали большой фактический материал по этой проблеме. Советские же историки совершенно не занимались исследованием деятельности этих партий, ограничиваясь лишь резкой критикой их политики и тактики в революции. За 40 лет после выхода книг А. Риша и О. Гермайзе на Украине не было опубликовано ни одного исследования на эту тему. Да и сейчас никто у нас не занимается этой тематикой, хотя имеются все условия, чтобы заполнить этот пробел и серьезно заняться разработкой истории мелкобуржуазных партий и организаций.

Второй вопрос, не освещенный в тезисах, – это вопрос о взаимоотношениях большевиков с этими мелкобуржуазными партиями, выступавшими под знаменем социал-демократии. Как известно, в ходе развития революции, стремясь обеспечить единство действий всех демократических сил против царизма, большевики во главе с Лениным заключали временные соглашения с национальными социал-демократическими партиями и организациями, в том числе и с РУП (УСДРП). III съезд РСДРП специально обсуждал вопрос об отношении к национальным социал-демократическим организациям. После тщательного обсуждения, в котором принял участие и Ленин, съезд единодушно принял предложенную В.В. Воровским резолюцию, поручавшую «как ЦК, так и местным комитетам приложить все усилия к

соглашению с национальными социал-демократическими организациями в целях согласования местной работы и подготовки, таким образом, возможности объединения всех социал-демократических партий в единую РСДРП».

Ярким примером успешного осуществления этой директивы III съезда была проведенная 7-9 сентября 1905 г. в Риге по инициативе ЦК РСДРП межпартийная конференция социал-демократических организаций России. В работе конференции наряду с меньшевиками, бундовцами, социал-демократами Латвии, Польши и Литвы приняли участие и представители РУП. Конференция одобрила большевистскую линию активного бойкота Булыгинской думы и осудила меньшевистскую тактику участия в Думе. Она также осудила царскую политику разжигания межнациональной вражды и высказала уверенность, что только солидарная борьба пролетариев всех национальностей под единым знаменем РСДРП сможет дать надлежащий отпор национальной политике царизма и обеспечить окончательную победу над самодержавием.

При подготовке IV (объединительного) съезда РСДРП Объединенный ЦК не считал уже нужным приглашать РУП (УСДРП), поскольку все данные, как заявил представитель ОЦК на съезде, «показывали, что организация эта – не серьезная». Но делегация Бунда возбудила на съезде вопрос о приглашении представителя УСДРП и передала в бюро соответствующее письмо ЦК УСДРП. После небольших прений съезд 51 голосом против 37 решил пригласить представителя УСДРП с совещательным голосом. Представитель УСДРП Н. Порш, прибыв с опозданием на съезд, принял участие в прениях по вопросу о тактике на выборах в Государственную думу, поддержав тактику бойкота. Он добивался также объединения с РСДРП, но съезд отклонил его предложение о немедленном обсуждении условий объединения и поручил передать это дело в ЦК РСДРП. Проводившиеся затем переговоры ни к чему не привели, ибо руководство РУП (УСДРП) продолжало оставаться на прежних ошибочных позициях.

Большевики на местах, руководствуясь решениями общепартийных съездов, также заключали временные соглашения с местными организациями РУП (УСДРП) и «Спілки». Известен случай, по воспоминаниям А.Г. Шлихтера, когда во время Всероссийской октябрьской политической забастовки 1905 г. большевики Киева создали коалиционный комитет в составе большевиков, меньшевиков, эсеров, анархистов, бундовцев и «спілковцев». По воспоминаниям В.В. Вакара, в комитет входили еще представители РУП (УСДРП) и еврейской сионистской Социалистической еврейской рабочей партии. Но учитывая слабость организации РУП (УСДРП), большевики Украины очень редко прибегали к таким соглашениям.

Значительно чаще они шли на временные соглашения с организациями «Спілки», которые формально входили в состав РСДРП. II конференция социал-демократических организаций Юго-Западной железной дороги, проходившая в

Киеве в июле 1906 г. под руководством большевиков, специально обсуждала вопрос о координации со «Спілкою» работы среди крестьян. В принятой резолюции отмечалось, что влияние железнодорожников на крестьян ближайших к линии сел довольно сильно, но что их работа в деревне носит все же случайный, непланомерный характер. Учитывая, что недостаток работников не позволяет поставить работу на должную высоту не только среди крестьян, но и среди железнодорожников, конференция признала необходимым продолжать работу среди крестьян только там, где условия не позволяют передать связи «Спілке», например, в селах, где живут железнодорожные рабочие, а в остальных случаях всю работу передать «Спілке» как организации, работающей главным образом среди крестьянства. Конференция высказалась также за посылку представителя Узлового бюро РСДРП Юго-Западной железной дороги в Главный комитет «Спілки». В свою очередь представитель последней должен был, согласно вновь принятому уставу организации РСДРП Юго-Западной железной дороги, входить в состав Узлового бюро.

Нам не удалось установить, кто из большевиков этого Бюро входил в состав Главного комитета «Спілки». Но то, что большевики сотрудничали со «Спілкою», – факт бесспорный. Известный большевик В.Н. Залезский свидетельствует в своих воспоминаниях, что он был выделен Киевским комитетом РСДРП в распоряжение «Спілки» для проведения избирательной кампании в Кременчуге во время выборов во II Государственную думу. В организациях «Спілки» в годы революции работали также такие видные большевики, как В.С. Довгалецкий и Е.Ф. Розмирович. Но, к сожалению, тема эта в течение многих лет не разрабатывалась, и у нас нет фактов для более широкого и глубокого освещения взаимоотношения большевиков с этими мелкобуржуазными партиями.

В интересах единства рабочего движения и создания общедемократического фронта в буржуазно-демократической революции большевики Украины заключали также соглашения с меньшевиками, бундовцами, эсерами и другими мелкобуржуазными партиями и группами. (*Аврех А.Я.*: Относится ли к левоблокнистской тактике соглашение большевиков с меньшевиками?) Нет, это борьба за единство РСДРП.

Многочисленные факты и примеры из деятельности большевистских организаций Украины убедительно свидетельствуют об их умении проводить гибкую тактику в ходе революции, которая обеспечивала сплочение всех революционных групп и течений, создание общедемократического фронта борьбы против самодержавия. При этом большевики никогда не снимали идейных и политических разногласий со своими попутчиками, не прекращали борьбы против любых их отступлений от принципов революционного марксизма.

Наконец, кратко о том, как сложилась судьба украинских мелкобуржуазных партий после революции 1905–1907 гг. Поражение ее и наступление реакции вызвали распад и разложение среди этих партий. Как видно из письма Главного комитета «Спілки» от 29 апреля 1907 г., ее местные организации уже к концу революции были «разрознены, неподвижны и не инициативны», причем большинство из них представляло «плохие технические группы», неспособные провести ни одной политической кампании. Безуспешными были и попытки созвать съезд «Спілки», «так как организации, – жаловался Главный комитет, – не откликаются на наши письма и предложения». «Застой работы» – таков был вывод о состоянии «Спілки», который вынужден был сделать ее Главный комитет. Такое же разложение переживали и организации УСДРП. В годы столыпинской реакции функционировали главным образом заграничные центры этих партий. Часть деятелей «Спілки» за границей блокировалась с Троцким и вместе с ним издавала сначала во Львове, а позже в Вене центристскую газету «Правда».

После Февральской революции 1917 г. начинается бурный рост украинских мелкобуржуазных и буржуазных партий, которые объединились и создали в марте Центральную Раду, ставшую после победы большевиков основным очагом контрреволюции на Украине. Но в ходе гражданской войны все эти партии окончательно обанкротились и были идейно и организационно разгромлены. Лучшие элементы УСДРП и других мелкобуржуазных партий были приняты в КП(б)У (среди них В.М. Блакитный, Г.Ф. Гринько, А.П. Любченко, А.И. Буценко и др.), а националистически настроенные их деятели оказались в эмиграции, где до сих пор продолжают вести бешеную кампанию против Советского Союза, лелея надежду на отрыв от него Украины и реставрацию капитализма.

**ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИИ № 3 НАУЧНОЙ СЕССИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 60-летию РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг. В РОССИИ**

16 декабря 1965 г.
Председатель А.Я. Аврех

Саладков И.И. (Минск). Мелкобуржуазные партии в Белоруссии в 1905–1907 гг.

В рамках отведенного мне времени я постараюсь сказать о мелкобуржуазных партиях Белоруссии в 1905–1907 гг. – Бунде и Белорусской социалистической громаде. Прежде всего, об известной специфике Белоруссии. Вы знаете, что белорусские губернии находились в пределах черты еврейской оседлости и, конечно, бундовские организации были многочисленными и пользовались довольно значительным влиянием, т.к. из 6,6 млн. населения Белоруссии 14%, по переписи 1897 г., относились к еврейской национальности, как и до 40% рабочих. Поэтому мы должны учитывать, что имеется известная тенденция к реабилитации Бунда и Белорусской социалистической громады, которая проявилась в Белоруссии в последнее время.

Если коснуться историографии, то еще в 1923 г. вышла работа Рафеса «Очерки истории Бунда», в предисловии к которой ее автор писал, что Бунд был наилучшей социал-демократической организацией царского подполья и с этой великой заслугой войдет в историю мировой революции. Он утверждал далее, что Бунд первым принес в Россию идеи современного марксизма и заложил основы революционной культуры. Было много произведений, где утверждалось, что якобы в Белоруссии большевики были чуть ли не продолжателями дела Бунда, что в отличие от России большевистские организации в Белоруссии будто бы возникли на «двухкоренной» основе – «искровцев» и выходцев из Бунда. Некоторые лидеры Бунда пытались приписать себе впоследствии заслугу в деле создания первых социал-демократических организаций на территории Белоруссии. Конечно, все эти утверждения не выдерживают критики.

Я постараюсь, в рамках отведенного мне времени, изложить свою точку зрения, основываясь на ленинских основополагающих указаниях о том, что никакого основания для реабилитации Бунда как мелкобуржуазной партии у нас нет. В этой связи я напомним характеристику, данную Лениным бундовским организациям в сентябре 1905 г. Он писал, что бундовцы являются отражением «...мещанства в социал-демократии, мещанства в смысле пошлости, золотой середины, бесцветности, общих мест, посредственности (чем всегда был Бунд, игравший роль идейного паразита, как известно, и в 1897–1900 гг., и в 1901–1903 гг., и в 1904 г., и теперь в 1905 г.)» (В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 328).

В ответ на «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., как известно, прокатилась волна стачек по всей стране, захватив и Белоруссию. Уже 11 января по призыву большевиков рабочие отдельных предприятий объявили забастовку. Бунд сначала предпочел воздержаться от нее, и только 13 января, когда уже, по сути дела, правительство приняло ряд соответствующих мер для подавления забастовок, бундовцы заявили о своем согласии примкнуть к ней. При этом документальные данные не только по Минску, но и по другим городам подтверждают эти факты. В большевистской газете «Вперед» приводился целый ряд других примеров, свидетельствующих, что и в последующий период Бунд всячески тормозил совместные выступления рабочих всех национальностей против царского самодержавия.

Если обратиться к такому источнику, как протоколы III съезда РСДРП, то делегат от Полесского комитета РСДРП Владимир в своем выступлении сообщал: «Бунд терпеть не может совместных собраний еврейских рабочих-бундовцев и РСДРП для того, чтобы еврейские рабочие не видели работы другой организации». Значит ли это, что большевики вообще отрицали возможность соглашения о совместных выступлениях с Бундом? Конечно, нет. На том же III съезде РСДРП в апреле 1905 г. была резко раскритикована ошибка, допущенная большевиками Гомеля, выразившаяся в том, что они уступили домогательствам Бунда и заключили с ними беспринципное соглашение, отказавшись проводить революционную работу среди еврейских рабочих и оставив, таким образом, рабочих-евреев в ведении Бунда. Правда, эта ошибка была быстро исправлена ЦК партии. Известная ошибка в этом вопросе была допущена и Могилевской группой РСДРП, о чем также говорилось на съезде. Она вступила в соглашение с Бундом и обязалась руководить еврейскими рабочими только на время стачки, предоставляя полную свободу деятельности Бунду среди еврейских рабочих, когда стачка прекращается.

Но были и совместные выступления в Минске, Бресте, Гомеле и во многих других городах и местечках Белоруссии, где проводились совместные забастовки и митинги протеста белорусских, еврейских и рабочих других национальностей, например, в ответ на кровавые расправы царских палачей с рабочими Лодзи и во

Всероссийской политической стачке в октябре 1905 г. Но замечу, что лидеры Бунда на всем протяжении революции проводили линию на раскол рабочего класса по национальному признаку и вели явно дезорганизаторскую деятельность.

Несколько слов о Белорусской социалистической громаде. Надо сказать, что по ряду вопросов это также была мелкобуржуазная националистическая организация. В ноябре 1906 г. она начала издавать газету «Наша нива», редакционные статьи которой определяли ее направление. Она заявляла, что не хочет служить одним господам или одним мужикам, а будет служить всему обиженному белорусскому народу, подчеркивая мысль, что белорусский народ – это одно целое.

Колесниченко Д.А. Образование Трудовой группы и ее деятельность до открытия I Государственной думы.

Тема об образовании Трудовой группы и ее деятельности до открытия I Государственной думы, бесспорно, заслуживает внимания и должна быть предметом специального исследования. Ленин относил эту группу к зародышам крестьянской партии и рассматривал ее организацию как попытку создать такую партию. Подробно история Трудовой группы рассматривается в работах о Государственных думах С.Г. Томсинского, Е.Д. Черменского, С.М. Сидельникова и др., но общим для них является рассмотрение Трудовой группы по существу вне связи с крестьянским движением как чисто парламентской организации. Между тем изучение материала показывает, что образование особой думской крестьянской Трудовой группы явилось отражением двойственного процесса, происходившего в крестьянстве после осеннего натиска революционной борьбы в 1905 г. С одной стороны, крестьянство, стремясь к полному уничтожению помещичьего землевладения, продолжало революционную борьбу, а с другой – в обстановке поражения Декабрьского вооруженного восстания, карательных экспедиций и затишья революционного натиска рабочих, среди крестьян усилились конституционные иллюзии, распространяемые либералами. Политическая отсталость крестьянства, недопонимание им значения борьбы за свержение самодержавия и установление демократической республики в сочетании с «заскорузлой трусливостью хозяйственного мужичка» явились питательной средой для этих иллюзий. Крестьянство в массе поверило, что через обещанную Думу оно сумеет добиться земли и воли и поэтому приняло широкое участие в избирательной кампании, но его лобовой атаки на царизм не состоялось.

Была ли в то время партия или партии, которые пользовались бы серьезным влиянием в крестьянстве? Таких партий не было. Всероссийский крестьянский союз подвергался репрессиям, и в результате арестов деятельность его к началу 1906 г.

значительно сократилась. РСДРП в этот период еще не имела на крестьянство сколько-нибудь широкого влияния. Не имела прочных корней в крестьянстве и партия эсеров. Кроме того, эти революционные организации приняли тактику бойкота Думы, к чему они и призывали население. Однако идея бойкота в силу роста конституционных иллюзий не нашла отклика в крестьянстве. Поэтому победа на выборах досталась кадетам как единственной оппозиционной партии, принявшей активное участие в избирательной кампании. Однако ее победа на выборах вовсе не отражала истинного влияния кадетской партии на крестьян. Главной причиной этого было то, что ее программа решения земельного вопроса не могла удовлетворить крестьян. Крестьянство, хотя оно и не было политически организовано, уже выступало в революции со своей программой экономических и политических преобразований в России.

С наибольшей отчетливостью ее выразили решения Всероссийского крестьянского союза, выдвинувшие революционное требование перехода всей земли в собственность всего народа. Это была программа коренного уничтожения всех остатков крепостничества, наиболее полного удовлетворения нужды крестьянства в земле. Эта программа решения земельного вопроса нашла свое выражение и в приговорах и наказах, принимаемых крестьянскими сельскими и волостными совещаниями и съездами. Такой проект коренного решения земельного вопроса не мог быть предложен кадетами и не мог отстаиваться ими в Думе. Уже избирательная кампания в I Думу показала, что крестьянство проявляет стихийное недоверие к кадетам. Трудовики, которые вошли в состав Трудовой группы, были выдвинуты в депутаты в основном волостными съездами крестьянских представителей. Стремление крестьянства к радикальному решению земельного вопроса было главной причиной, вызвавшей уже в период избирательной кампании идею образования особой крестьянской партии, которая с думской трибуны должна была защищать крестьянские интересы. Поэтому возникновение Трудовой группы практически за неделю до открытия I Думы было в какой-то степени подготовлено уже в период избирательной кампании.

Интересно указание Ленина, что зародышем Трудовой группы в I Думе явился саратовский Союз трудящихся. По свидетельству современников, подобные союзы возникали тогда в ряде городов России – Саратове («Союз трудящихся»), Петербурге («Лига труда»), Самаре, Вятке, Харькове. В образовании «Союзов трудящихся» проявилась типичная для эпохи буржуазно-демократической революции тенденция беспартийно-революционной демократии создавать непартийные союзы, призванные выражать интересы самых широких народных масс. Они менее всего склонны были к принятию отчетливой программы и организационному оформлению. Политические воззвания этих союзов интересны с точки зрения формулирования самой идеи объединения всех живущих личным трудом, которые в них называются

«трудовиками». Программа «Союзов трудящихся» еще не имела трудовического характера, земельный вопрос в них трактовался лишь как пожелание «расширения крестьянского землепользования за счет земель казенных, удельных, кабинетных, монастырских и частновладельческих», причем допускался выкуп земли, а политические требования этих союзов носили общедемократический характер.

Рассмотрение союзных программ, а также изучение материалов заседаний крестьянских депутатов до открытия Думы позволяет сделать вывод, что революционное содержание будущей программы трудовиков было внесено в нее и сформулировано, прежде всего, самим крестьянством, влившимся в группу и давшим ее основной состав. Важную роль в оформлении отдельной самостоятельной группы сыграл Главный комитет Всероссийского крестьянского союза. Ему принадлежала инициатива слить в единую партийную организацию политически неоформленное крестьянство, проникнутое жадой коренных преобразований политического строя России, а также и демократическую беспартийную интеллигенцию. Совещание крестьянских депутатов до открытия Думы показывает, что выработка программы и вопрос о самостоятельности группы сразу оказались в центре внимания крестьян, в чем нашел выражение процесс организации мелкой буржуазии в политическую силу.

Вопрос о самостоятельности трудовиков стоял чрезвычайно остро – быть ли трудовикам самостоятельной организацией или слиться с кадетами? Эти споры вместе с тем показывают, что внутри начавшей складываться Трудовой группы сразу возникли два течения – революционно-демократическое и либеральное. Первым вопросом был организационный. На заседании 28 апреля 1906 г. собрание крестьянских депутатов постановило считать группу образовавшейся. В выработке ее программы приняли участие, помимо трудовиков, деятели партии эсеров Караваев и другие.

Главным занимавшим крестьянскую группу вопросом, ради решения которого она и создавалась, был земельный. Именно революционно-демократическое решение земельного вопроса в программе трудовиков дало основание Ленину увидеть в ней выразительницу крестьянских интересов, представительницу революционной буржуазной демократии. Программа содержала два основных положения: переход всех земель, в том числе и помещичьих, в руки крестьян и передача окончательного решения земельного вопроса в руки самого крестьянства, в созданные на основе всеобщего избирательного права местные земельные комитеты. В этих требованиях Трудовая группа выступала как выразительница интересов крестьянства в целом.

Однако ряд важных и принципиальных вопросов был обойден молчанием или сформулирован очень туманно, например, вопрос о выкупе земли и о национализации или оставлении ее в частной собственности. Вопрос о национализации земли был неопределенно выражен в формулировке создания «общенародного земельного фонда». Политическая же часть проекта программы

отразила и демократические устремления крестьянства, и все их заблуждения относительно политического устройства России и роли Думы в решении этих вопросов. В самом важном вопросе – об отношении к самодержавию и будущей форме правления в России, о мирном или революционном решении основных вопросов революции трудовики обнаружили всю силу своих либеральных колебаний. Политическая программа была той лазейкой, проникая через которую кадеты могли осуществлять свое руководство крестьянством. Вопрос о свержении самодержавия и созыве Учредительного собрания для провозглашения республики в России совершенно отсутствовал в проекте программы. Вместо этого в ней появилось расплывчатое требование установления народовластия совсем в духе будущих заявлений партии энесов. Таким образом, трудовики сделали шаг назад в своих политических требованиях не только по сравнению с программой эсеров, но и по сравнению с политической платформой Всероссийского крестьянского союза. Постановка вопроса о власти в их программе соответствовала тактике мирной законодательной работы, руководствоваться которой и собиралась Трудовая группа в Думе. Но эта победа в политических вопросах либеральной тенденции в период становления Трудовой группы была временной победой. Залогом этого была революционная постановка в ее программе земельного вопроса.

Состав Трудовой группы подтверждает тесную связь ее с крестьянством. По наблюдениям В.В. Воровского, в своих выводах опиравшегося на кадетскую прессу и исследование кадета Бородина, Трудовая группа в составе 107 депутатов на 81,3% состояла из крестьян. Среди трудовиков были 42 занимающихся сельским хозяйством крестьянина, 26 интеллигентов, 19 рабочих, 15 служащих, 3 торговца, 1 землевладелец, 1 промышленник. Данные на конец деятельности I Думы находим у историка С.М. Сидельникова, который также констатировал крестьянский по преимуществу состав группы. По занятиям и происхождению 80% ее состава принадлежало к крестьянам. Основные выводы Воровского относительно земельного обеспечения депутатов-трудовиков нуждаются в дальнейшем уточнении, т.к. 18 человек, не указавших размеров своих владений, Воровский причисляет к категории имевших до 10 десятин. От 60 до 100 десятин владели только 2 человека. Владения остальных еще ниже. В итоге выводы Воровского состоят в том, что преобладающий тип землепользования трудовиков колебался в размерах от 10 десятин. Политический состав трудовиков свидетельствует о большой неоднородности Трудовой группы. Воровский считает, что основной состав 67 депутатов дали кадеты, но левые, вошедшие в состав этих 67, придали группе своеобразную окраску. Уточнения показывают, что основной состав Трудовой группа – это не кадеты, а левые. Данные о 67 депутатах на более поздний период имеются у Сидельникова. Численность состава менялась и отражала ту неустойчивость крестьянства, которое то входило в Трудовую группу, то выходило из нее.

Итак, Трудовая группа возникла как политическая организация крестьянства, имеющая своей первоначальной целью мирным путем, через Думу добиться осуществления крестьянских интересов в вопросах о земле и демократических преобразованиях политического строя России. Возникновение ее было связано с двойственным процессом, происходившим в крестьянском движении – сохранением революционности и ростом политической сознательности крестьянства при усилении конституционных иллюзий в деревенской массе.

Принятая программа свидетельствовала о крестьянском характере Трудовой группы. Она выразила наиболее общие экономические и политические требования всего крестьянства в борьбе против пережитков крепостничества и помещичьего землевладения. Образование особой крестьянской группы в Думе и принятая ею программа свидетельствовали, что определенно нарождается крестьянская партия, выражающая реальные, кровные интересы крестьянства, связанная с массой мелких хозяйчиков. Являясь по своим идеологическим корням зародышем партии народнического типа, она знаменовала вместе с тем появление особого типа буржуазно-демократической партии – трудовической, наиболее тесно связанной с реальными интересами крестьянства. Появление Трудовой группы отразило начало процесса высвобождения крестьянства из-под влияния либеральной буржуазии. Однако принятая группой политическая программа и тактика свидетельствовали о политической незрелости трудовиков, которая явилась отражением политической отсталости крестьянства России. Формулирование революционных требований крестьянства о земле и признание передачи решения их в руки самого крестьянства были залогом того, что в процессе политического опыта противоречия в Трудовой группе должны будут развиваться, приводя к постоянному столкновению революционных требований с принятой тактикой и политической программой трудовиков.

Остальцева А.Ф. (Саратов). Влияние революции 1905–1907 гг. на внешнюю политику царизма.

Значение данной темы состоит в том, что она раскрывает не изученное еще значение Первой русской революции на внешнюю политику России. До марта 1905 г. в русском правительстве господствовала уверенность в конечной победе над Японией. Главная задача МИД состояла в недопущении вмешательства других держав, особенно Англии, в ход войны, особенно в момент заключения победоносного для царизма мира. В 1905 г. после неудачи под Мукденом стали действовать одновременно фактор поражений в войне и фактор начавшейся революции. В правительстве возникло убеждение, что война проиграна.

Сближение с Россией стало важнейшей задачей английской дипломатии. С июня 1905 г., когда было заключено перемирие между Россией и Японией, фактор войны перестал действовать. На первый план вышел фактор революции, в первую очередь восстание матросов на Черном море. В этих условиях Англия стала стремиться вовлечь Россию в союз против Германии, на этой основе обострился давний англо-германский антагонизм. Бьёркское соглашение России с Англией 1905 г. было аннулировано, т.к. оно было несовместимо с союзом России и Франции, хотя Николай II лично был за союз с Германией, но ему пришлось уступить.

До 1905 г. Россия хотела одна влиять на Иран, но затем она согласилась на раздел там сфер влияния. Россия согласилась сохранить влияние только на Северный Иран. Англия заключила в 1907 г. договор с Россией. Победа реакции в России и наступление германского блока на Балканах превратили договор 1907 г. России с Англией в последнее звено в процессе оформления Антанты.

Остальцева не разделяет мнение, что к этому привела не революция 1905–1907 гг. в России, а усиление финансовой зависимости России от Франции (мнение Б.В. Ананьича).

Ананьич Б.В. (Ленинград). Заграничные займы царского правительства и Первая русская революция.

Я хочу рассказать о влиянии иностранных займов как на внутреннюю, так и на внешнюю политику царизма в 1905–1906 гг. и о значении и характере финансовой поддержки, оказанной самодержавию в декабре 1905 – апреле 1906 гг. западноевропейскими биржами.

Заграничные займы начинают играть значительную роль не только в экономической, но и в политической жизни Российской империи с конца 1890-х гг., особенно после того, как русское Министерство финансов, которое в 1892 г. возглавил Витте, приступило к осуществлению программы так называемой индустриализации России за счет привлечения в отечественную промышленность и железнодорожное строительство иностранных капиталов. Естественно, что по мере того, как неуклонно возрастало количество русских ценных бумаг, находившихся в обращении за границей, самодержавие, вольно или невольно, все теснее связывало свою судьбу с западноевропейскими биржами и в первую очередь с французской. Особенно сильно их влияние сказалось в период 1905–1907 гг., когда в один клубок сплелись поражение России в войне с Японией, финансовое банкротство и глубочайший внутривластный кризис царизма.

С начала русско-японской войны и до конца 1904 г. русское Министерство финансов сделало два крупных займа за границей: один во Франции, а второй – на

берлинском денежном рынке. Однако занятых денег оказалось недостаточно для покрытия непрерывно возрастающих военных издержек, и русское финансовое ведомство, вступая в 1905 г., сделало основную ставку на заграничный кредит. Естественно, что это еще крепче связывало самодержавие с иностранной и в первую очередь французской биржей и вынуждало русский царизм оглядываться на своих французских кредиторов даже при решении некоторых внутривнутриполитических вопросов. Не случайно на созванном Николаем II в конце 1904 г. совещании в связи с подготовкой проекта указа 12 декабря 1904 г. сменивший Витте на посту министра финансов В.Н. Коковцов, высказывавшийся наряду со своим предшественником, министром юстиции Н.В. Муравьевым и др. за отказ от крайне реакционной внутренней политики в духе убитого эсерами В.К. Плеве, мотивировал необходимость опубликования указа 12 декабря соображениями финансового порядка. Коковцов подчеркнул, что в результате политики такого рода правительство теряет «доверие в финансовых кругах за границей», а при крайне неблагоприятном течении войны это «может привести финансы к полному разорению». (С.Ю. Витте. Воспоминания. М, 1960, т. II. С. 331).

И действительно указ 12 декабря был одобрительно встречен французской прессой, которая в течение еще нескольких месяцев, несмотря на бурно развивавшиеся в 1905 г. события в России, не скрывала своих надежд на возможность спокойной, без потрясений эволюции самодержавия к конституционной монархии. В соответствии с этими надеждами рупор влиятельных кругов французского общества – газета «Тан» давала на своих страницах политические советы самодержавию сочетать твердость власти с прогрессом, оторвать рабочих от политических интересов путем социальных реформ и посредством законности и правосудия предотвратить угрозу преждевременных преобразований («Temps». № 15954, 16260, февраль и декабрь 1905 г.) и т.д.

Французская биржа реагировала на события внутривнутриполитической жизни России как самый чуткий барометр. Известие о событиях 9 января, по сообщению русского посла во Франции А.И. Нелидова, вызвало в финансовых кругах Парижа «сильнейшую тревогу». «В понедельник русские бумаги значительно понизились» в цене и хотя до паники дело не дошло и в следующие дни цена русских фондов несколько поднялась, сохранялось «удрученное настроение биржи». (Нелидов – Ламсдорфу. 13/26 января 1905 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1905, д. 86 а, лл. 23-25 об.). Нелидов не мог или не хотел скрывать, что расстрел 9 января 1905 г. не встретил одобрения даже в тех кругах, которые невозможно было заподозрить в сочувствии революционному движению. Он так и писал министру иностранных дел В.Н. Ламсдорфу, что тревожные известия из Петербурга о «развивавшихся там стачках и беспорядках и о кровавом их подавлении» были восприняты «с чувством соболезнования и уныния» и «даже искренне... преданные французы» находили и

непонятным, и непоследовательным распоряжения, в силу коих сначала в течение целой недели могла беспрепятственно подготовляться и распространяться огромная стачка рабочих, сопряженная с движением чисто революционного свойства, а затем разом приняты были для прекращения беспорядков столь строгие военные меры, что ими могло быть подавлено и настоящее вооруженное восстание» (там же). Это был прямой упрек в адрес самодержавия за неуклюжие действия в борьбе с революционным движением, в результате которых оно опозорило себя на весь мир кровавой расправой. Упрек этот исходил, конечно, из французских правительственных и финансовых кругов, обеспокоенных не только за репутацию должника в глазах держателей русских фондов, но и возможностью роста революционного движения в России.

В донесении Нелидова, помимо весьма недвусмысленно выраженного недовольства действиями правительства России 9 января, самодержавию подсказаны были и более гибкие методы борьбы с революционным движением. «Распорядители банков и биржевики, – писал Нелидов, – желают, разумеется, строжайших мер для скорейшего восстановления порядка и правильного течения дел. Люди же, нам сочувствующие, но более глубоко смотрящие на положение вещей, вполне допуская необходимость временного принятия исключительных мер, твердо надеются и убеждены, что высшие правительственные установления продолжать будут рассмотрение и приведение в действие благотельных предначертаний, намеченных в Высочайшем указе 12 декабря, широкое применение и развитие коих одно способно предотвратить в будущем возникновение и повторение печальных событий, ознаменовавших второе воскресенье нынешнего года». «Если бы таковое было действительное намерение императорского правительства, – продолжал свою мысль Нелидов, – сообщение в этом смысле произвело бы, несомненно, самое благотворное впечатление на общественное мнение в Европе и послужило бы к упрочению сильно потрясенных основ, на которых зиждется сочувствие к нам французского народа и союз наш с его правительством». (Нелидов – Ламсдорфу, 13/26 января 1905 г. АВПР, ф. Канцелярии).

В том, что заказ на такого рода заявление в печати был сделан через Нелидова французским правительством, нетрудно убедиться, если проследить за ходом франко-русских отношений вскоре после событий 9 января. В начале февраля в Петербург со специальной и, в сущности, политической миссией (скажем прямо, факт совершенно необычный даже в условиях франко-русских отношений) приехал представитель Парижско-Нидерландского банка и «глава русского синдиката в Париже» Эд. Нецлин. Он потребовал от Коковцова принятия мер для предотвращения «катастрофического падения» на парижском рынке русских бумаг, которое происходит под влиянием революционного движения в России и военных

неудач на Дальнем Востоке. В частности, он предложил русскому правительству, если оно не намерено отказываться «на долгий срок от заключения во Франции государственных займов, значительно увеличить кредит на поддержку прессы» и «взять этот расход исключительно на средства русской казны», а также найти способ успокоить «денежную французскую публику». (В.Н. Коковцов. Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. II. С. 62).

Нецлин «совершенно открыто» заявил Коковцову, что «приехал с ведома французского правительства», которое чрезвычайно встревожено «развитием революционных событий в России, и ему, Нецлину, приходилось подмечать в широких кругах политических деятелей Франции сомнение в том, удастся ли русскому правительству овладеть положением и не будет ли оно вынуждено и на каких именно условиях уступить общественному движению и пойти навстречу его желаниям, вставши на путь конституционного образа правления» (там же).

Коковцов пропустил мимо ушей этот достаточно прозрачный намек на желательность введения каких-то конституционных преобразований и переадресовал Нецлина к председателю Комитета министров Витте. Встречей с последним французский банкир тоже не удовольствовался и добился аудиенции у Николая II. Из Царского Села Нецлин приехал в Петербург в «радужном настроении», т.к. обещания царя его полностью удовлетворили и он был настроен тотчас по возвращении во Францию предпринять самые решительные шаги к возобновлению переговоров об очередном русском займе. Царь заверил представителя Парижско-Нидерландского банка и даже «поручил ему передать» (кому тот признает нужным), что «революционное движение в стране гораздо менее глубоко, нежели предполагают в Париже», и правительство «справится с ним», что с прибытием на Дальний Восток русского флота следует ожидать «резкого поворота» в военных действиях в пользу России и, наконец, что он – Николай II «сам серьезно думает о таких реформах, которые дадут большее удовлетворение общественному настроению» (там же. С. 63).

Если довериться памяти Коковцова, то приезд Нецлина в Петербург следует поставить в прямую связь с таким чисто внутривластным актом, как рескрипт Николая II главе МВД А.Г. Булыгину, положивший начало выработке проекта о созыве законосовещательной Государственной думы, причем в воспоминаниях Коковцова эти события прочно связаны друг с другом в строгой хронологической последовательности.

Известие о визите Нецлина в Царское Село попало в газеты, на страницах которых на самые разные лады стала обсуждаться мысль о сочувствии царя «идее преобразования в духе общественного доверия». И вдруг 18 февраля совершенно неожиданно был опубликован и «прозвучал резким диссонансом к этой мысли» манифест на имя Булыгина о необходимости борьбы «всеми доступными власти

способами» с забастовочным движением. При этом ни одним словом не упоминалось о доверии к обществу и не возвещалось никаких реформ. «Витте был крайне смущен, – писал Коковцов, – тоном рескрипта, поехал в Царское Село и говорил об этом. Говорил и я на моем докладе, указавши на то, что в Париже просто не поймут этого после приема Нецлина. Государь не дал прямого ответа, обещал подумать и через некоторое время – я не помню теперь в точности этого промежутка времени – появился новый рескрипт на имя Булыгина с повелением приступить к разработке предположений о привлечении населения к более «деятельному и постоянному участию в делах законодательства» (там же. С. 64). Рассказ этот Коковцова, по-видимому, не совсем точен. Во-первых, оба документа, противоречащие друг другу по духу, были опубликованы в печати в один и тот же день – 18 февраля, а не последовательно один за другим. Во-вторых, из воспоминаний Витте известно, что он узнал о существовании манифеста о «настроении и смутах» 17 февраля в поезде по дороге в Царское Село, куда он ехал вместе с другими министрами на обсуждение мер, которые предполагалось, принять для успокоения общества (С.Ю. Витте. Воспоминания. М., 1960, т. II. С. 376). В тот же день участники совещания были ознакомлены с проектом рескрипта Булыгину о привлечении населения к участию в законодательстве.

Проект этот, по свидетельству Витте, царь поручил составить Булыгину заранее на другом заседании, точной даты которого Витте не помнил, но на котором выступал и Коковцов, и Булыгин – оба в пользу привлечения выборных от населения к законодательству. При этом Коковцов заявил, что «без такого шага будет трудно сделать заем, который является необходимым ввиду войны». (Там же).

И на предварительном заседании, и при обсуждении 17 февраля проекта рескрипта Булыгину Витте, по его утверждению, молчал. (Там же. С. 375, 378).

Как видно, версия Витте и версия Коковцова относительно обстоятельств, связанных с появлением рескрипта Булыгину, который положил начало выработке проекта о созыве законосовещательной Думы, во многих деталях отличается друг от друга. Зато в главном они свидетельствуют об одном и том же, а именно: при обсуждении этого сугубо внутривластного акта вопрос о предстоящем французском займе играл если не решающую (как об этом свидетельствует Коковцов), то по крайней мере значительную роль. Хотел или не хотел Николай II брать у французской буржуазии уроки борьбы с революционным движением здесь в России, у себя дома, но так просто отмахнуться от советов, поступавших из Парижа, который должен был финансировать продолжение войны, он уже не мог. Тем более что за французской буржуазией стояла огромная армия держателей русских фондов, принадлежавших к самым различным слоям французского общества, которым достаточно было разувериться в прочности самодержавия, чтобы начать сбывать облигации русских займов.

Я не имею возможности более подробно останавливаться на вопросе о том, как влияли русско-французские финансовые отношения на внутреннюю политику царизма в период революции 1905 г. Было бы неправильно преувеличивать это влияние, но мне кажется, что и приведенные выше примеры дают основание утверждать, что находившееся в этот период в тяжелом финансовом положении самодержавие не могло не считаться со своим основным кредитором – Францией даже при решении некоторых внутривластных дел.

Что же касается влияния займов на внешнюю политику царизма в период 1905–1906 гг., то, как известно, оно еще более значительно. Вопрос о международном займе для подавления революции в декабре 1905 – апреле 1906 г. оказался в самом центре дипломатической борьбы, развернувшейся за втягивание России в лагерь Антанты. Это достаточно хорошо показано в книге Б.А. Романова «Очерки дипломатической истории русско-японской войны», а также в ряде других работ советских авторов. Поэтому я хотел бы подчеркнуть, в связи с этим, только два обстоятельства. Во-первых, что французская буржуазия, оказав финансовую помощь царизму в борьбе с революционным движением, не упустила случая воспользоваться слабостью самодержавия, вызванной не только военным поражением, но и внутривластным кризисом, ради достижения своих внешнеполитических целей. Именно поэтому предоставление займа на подавление революции было с самого начала обусловлено поддержкой, которую Россия должна была оказать Франции в Алжесирасе. Во-вторых, то, что решающую роль в организации финансовой помощи самодержавию сыграли не банки, а французское правительство, взявшее в свои руки всю организацию займа. Это становится совершенно очевидным, если даже бегло проследить за ходом переговоров о займе в декабре 1905 – апреле 1906 г.

Как известно, в течение 1905 г. самодержавие дважды пыталось заключить крупный заграничный заем – в феврале и в конце октября. В первом случае переговоры с банкирами сорвались из-за мукденского поражения русской армии, а во втором помешала Всероссийская октябрьская стачка. Однако в декабре, в самый разгар вооруженного восстания в Москве, царизм оказался на грани банкротства, и 15 декабря для срочной поездки в Париж за займом был снаряжен Коковцов, получивший в тот же день инструкции от самого Николая II. Царь заявил о своей согласии на то, чего давно уже добивалась от него французская дипломатия, – оказать полную поддержку Франции в марокканском вопросе. Коковцов выехал из Петербурга в сопровождении своего секретаря Л.Ф. Дорлиака 17 декабря и прибыл в Париж 19-го вечером, в день расправы карателей с рабочими, оборонявшими последний очаг сопротивления на Пресне – Прохоровскую мануфактуру. Вслед ему тотчас же была послана депеша с известием о подавлении московского восстания, которую Коковцов поспешил предъявить французским банкирам как свидетельство

того, что «Москва окончательно успокоена» и революционное движение в России «идет резко на убыль». (В.Н. Коковцов. Указ. соч. С. 120-121).

Однако ни этот аргумент, ни попытки Коковцова запугать банкиров тем, что с прекращением размена денег на золото наступит «денежная анархия», в результате которой держатели внешних займов потеряют больше кого-либо не дали решительно никаких результатов. Банкиры категорически отказались вести переговоры о займе, заявив, что их не очень-то беспокоит прекращение размена, ибо по внешним займам Россия во всяком случае будет платить золотом. А Нецлин прямо заявил Коковцову, что только французское правительство может убедить банкиров согласиться на заключение займа и то при условии, что «оно даст банкам моральную гарантию за то, что они не потеряют своих денег» (там же. С. 119).

Проведя два дня в бесплодных переговорах с банкирами, Коковцов вечером 21 декабря направился в качестве просителя на набережную Орсе на прием к председателю Совета министров Франции Рувье. Коковцов явился в точно назначенное время, но его «не хотели пускать, говоря, что председатель Совета на охоте» и в этот день не будет в министерстве. Два часа Коковцов провел в унижительном ожидании и собирался было уже уходить, когда его вдруг позвали все-таки в кабинет Рувье и перед ним предстала «грузная фигура человека огромного роста, с неприветливым лицом, в охотничьем костюме, с медленной, как будто спросонья, речью» (там же. С.122). Здесь в кабинете главы французского правительства 21 декабря и было заключено устное соглашение между Рувье и Коковцовым, согласно которому французское правительство взяло на себя заботы по организации во Франции теперь же небольшого, а после завершения Алжесирасской конференции крупного займа для окончательного подавления революции. При этом Франция заявила о своей готовности «всеми доступными средствами помогать своей союзнице в ее внутренних затруднениях и в переживаемом финансовом кризисе» (там же. С. 124). Русское правительство со своей стороны обязалось безоговорочно поддерживать Францию в марокканском вопросе.

На пятый день пребывания Коковцова в Париже произошла полная перемена декораций. Утром французские банкиры Нецлин, Мазера, Ульман, Доризон и Готтингер получили приглашение явиться в МИД. Переговоры с банкирами вел сам Рувье, который без всяких околичностей предложил им удовлетворить просьбу русского правительства. В тот же день вечером в помещении Парижско-Нидерландского банка началось обсуждение конкретных условий контракта, который был подписан 29 декабря на 100 млн. рублей.

Между тем в Петербурге считали дни, ожидая окончания переговоров Коковцова в Париже и заключения займа. К 23 декабря количество выпущенных в обращение ценных бумаг превысило норму, установленную законом о золотом

обращении, почти на 50 млн. рублей и правительство задержало очередную публикацию баланса Государственного банка, скрыв от публики на несколько дней фактически уже наступавшее банкротство. В эту последнюю неделю 1905 г. Витте был близок к тому, чтобы обнародовать заготовленный на крайний случай еще 16 декабря и тогда же подписанный царем именной высочайший Указ о выпуске на 150 млн. рублей кредитных билетов без золотого покрытия.

В Петербурге до последнего дня не было твердой уверенности в успехе миссии Коковцова. Участники собравшегося 27 декабря объединенного заседания Комитета финансов и Департамента экономии Государственного Совета все без исключения признали необходимость прекращения размена. «Различие в мнениях заключалось лишь в том, что одни полагали, что на это нужно решиться немедленно, другие думали, что, может быть, следует еще подождать» (Б.А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 616). Окончательное решение вопроса было отложено до следующего заседания. «... Я со страхом вижу, – писал в тот же день вечером Николаю II Витте, – что придется прекратить обмен и подвергнуть Россию всем последствиям этого ужасного явления, разве только случится что-либо необыкновенное к нашему счастью» (ЦГИА, ф. Витте, оп. 1, д. 317, лл. 6-7).

Положение в Петербурге было настолько напряженным, что и после заключения займа «там не могли ждать, пока документы по совершенной в Париже операции, придут в Петербург почтой» и спешили показать на балансе «Государственного банка 50 млн. р. за границей». (Б.А. Романов. Указ. соч. С. 616). Однако это удалось сделать только 2 января 1906 г., когда было покончено с последними формальностями, связанными с заключением займа. Итак, царизм был спасен от неминуемого банкротства и Парижская биржа внесла свой первый вклад в дело подавления русской революции.

100 млн. – аванс, полученный Коковцовым в Париже в самый канун нового 1906 г., конечно, не разрешил финансовый кризис самодержавия, а только отсрочил его примерно на два месяца. Необходим был крупный заем, подготовкой которого правительство Витте занялось вплотную теперь же, в январе 1906 г., всеми силами стремясь придать ему международный характер. Разумеется, однако, главная роль в его подготовке оставалась за Парижской биржей и французским правительством, которое ждало от России выполнения данного ею обязательства поддержать Францию в марокканском вопросе, от решения которого зависела теперь целиком судьба русского займа, а значит и финансовое положение самодержавия.

И Витте с самого начала взял в свои руки не только непосредственную подготовку займа в Париже, но и политическое его обеспечение в Марокко. «Мне теперь крайне и безусловно необходимо иметь постоянные сведения о ходе и шансах к благоприятному окончанию Марокканской конференции, – писал он

5 февраля министру иностранных дел Ламсдорфу. – Это ныне центральный вопрос нашего политического положения». (ЦГИАМ, ф. 568, оп. 1, д. 831, л. 445). Только что избавившись от страха перед неминуемым, казалось, банкротством в декабре 1905 г., русский премьер с января 1906 г. пребывал в постоянном беспокойстве за то, чтобы поскорее и «успокоительно» кончилась Мароккская конференция, прекрасно сознавая, что если она затянется надолго, русские «финансы не выдержат» (там же, л. 441). При этом спешить с займом царское правительство побуждало не только финансовое положение, но и перспектива созыва в апреле 1906 г. Государственной думы, самый факт существования которой мог осложнить проведение заграничной финансовой операции.

Поскольку критическое финансовое положение царизма не было секретом, а обещание французского правительства помочь в организации русского займа только после завершения Алжесирасской конференции очень скоро перестало быть секретом, Витте не делал никаких попыток как-то маскировать перед немцами позицию России в марокканском конфликте. Напротив, Витте даже нарочито демонстрировал перед правительством Вильгельма очевидную связь марокканского конфликта с внутривнутриполитическим положением самодержавия. Пытаясь повлиять на германскую дипломатию и склонить ее к уступкам в Алжесирасе, Витте прежде всего подчеркивал, что революционное движение в России представляет опасность и для Германии и «затрагивает ее интересы как монархической державы».

Стремясь во что бы то ни стало добыть деньги до созыва Государственной думы, Витте обратился с личным письмом к Вильгельму, в котором просил германского императора способствовать благополучному окончанию Алжесирасской конференции и тем помочь в заключении займа до созыва Думы, чтобы русскому правительству не пришлось решать этот вопрос, имея дело «с мало дисциплинированной и политически невоспитанной толпой. Я ...уверен, – писал Витте, – что революционеры избрали Россию для испробования своих сил, и если они не потерпят поражения, то революция перейдет за наши границы; тому пример французская революция. Поэтому желательно, чтобы воцарилась у нас тишина». Если бы удалось в полной мере, как это пытался сделать Витте, использовать ненависть Вильгельма к русскому революционному движению и тем самым повлиять на позицию германской делегации в Алжесирасе, то русская сторона могла бы ограничиться ролью посредника во франко-германском конфликте и, не обостряя отношений с Германией, выполнить свои обязательства перед Францией. Однако в полной мере это не удалось, обращения Витте к Вильгельму не дали значительных результатов, и русской дипломатии пришлось выступить в марокканском конфликте открыто и определенно на стороне Франции, сделав всю ставку на помощь французской буржуазии.

Попытки Витте добиться открытия переговоров о займе до окончания работы конференции оказались безуспешными. Более того, вопрос о займе осложнился еще в связи с отставкой 20 февраля (8 марта 1905 г.) правительства Рувье. Смена кабинета не изменила отношения во Франции к русскому займу, однако многое пришлось начинать сначала. Встречи русского посла с новым премьером Саррреном и министром финансов Пуанкаре состоялись лишь в начале марта. Пуанкаре еще входил в курс дела и сразу же обещал свою помощь, но только после завершения Алжесирасской конференции. Между тем время шло, и перед самодержавием опять реально возникла перспектива очень близкого финансового краха. Неудачи в переговорах о займе привели Витте к середине марта почти в то же паническое состояние, в котором он пребывал в декабре 1905 г., о чем свидетельствуют крохотные, но звучащие почти истерически адресованные Ламсдорфу и бережно им сохраненные карандашные записки Витте, написанные во время заседания Совета министров в марте 1906 г.: «Ради бога, Алжесирас», «Умоляю, Алжесирас!».

«В оптимистические телеграммы Нелидова, – писал Витте Ламсдорфу 15 марта 1906 г., – относительно готовности французского правительства разрешить нам сделать во Франции заем я, признаюсь, понемногу теряю веру. Боюсь, что Нелидов излишне доверяет французам. Пожалуй, кончится тем, что во Франции мы ничего не добьемся, а с Германией он нас поссорит... Мы находимся на волоске от денежного, а, следовательно, и общего кризиса. Перебиваемся с недели на неделю, но всему есть предел. Об этом я кричу уже три месяца».

Когда 18/31 марта в Алжесирасе наконец было достигнуто соглашение и Пуанкаре разрешил Нелидову начать переговоры с банкирами, самодержавие уже находилось на краю банкротства. «Как бы в ближайшие недели чего не случилось, чтобы опять сорвало дело! Тогда пропадем!» – реагировал Витте на известие о приближающемся окончании конференции. Однако возникшие на пути царизма трудности с окончательным завершением переговоров о займе теперь уже носили второстепенный характер. В последних числах марта Коковцов выехал в Париж для окончательного завершения операции, которую он, испытав горечь новых унижений при переговорах с членами французского кабинета, особенно Ж. Клемансо, довел до подписания контракта. Практически для выпуска займа все было готово еще 3/16 апреля 1906 г., однако указ о его выпуске был опубликован только 9/22 апреля, на следующий день после подписания в Париже протокола совещаний начальников русского и французского Генеральных штабов, состоявшегося по настоянию французского правительства как раз в самый момент завершения переговоров о займе. И в этом случае французское правительство не преминуло воспользоваться безвыходным положением царизма.

Итак, в апреле 1906 г. французская биржа вторично спасла самодержавие от неминуемого финансового банкротства. Правда, придать займу международный

характер так и не удалось, т.к. отказались от участия в нем немецкие, американские, итальянские и швейцарские банки. Вместо международного получился явно антантовский заем, замаскированный участием в нем австрийских банков. Однако самодержавию уже не приходилось выбирать, и после займа его финансовое положение продолжало оставаться нелегким: огромной суммы в два с лишним миллиарда франков едва хватило на то, чтобы заткнуть бюджетные дыры и привести в соответствие систему денежного обращения. На почве борьбы с русской революцией в 1906 г. произошло дальнейшее укрепление и даже, можно сказать, второе после 1899 г. обновление франко-русского союза. Именно в октябре 1905 – апреле 1906 г. и начался процесс постепенного введения России в орбиту Антанты независимо, впрочем, от ее собственных интересов.

Крупина Т.Д. (Москва). Освещение современной буржуазной историографией социально-экономической истории России начала XX в.

Русская революционная тема занимает немалое место в современной буржуазной историографии. За последние полтора десятка лет можно указать на книги И. Спектора, Л. Вальдо, С. Харкейва, Д. Футмэна и др. Эти работы освещают самые разнообразные проблемы истории революций, начиная с вопроса о причинах и кончая влиянием революции 1905 г. и ее исторического значения, причем одним из основных является вопрос о причинах революции.

Традиционной особенностью буржуазной историографии является освещение социально-экономической истории России с глубоким анализом причин революции. Поднимается более или менее подробно вопрос и о политических партиях и организациях, а их панорама дополняется эпизодами стихийного движения масс, которые чаще всего превращаются в картины стихийного и жестокого бунта рабочих и крестьян. При таком подходе работы, посвященные истории революции, превращаются чаще всего в историю борьбы политических группировок и историю заговоров. Революционное же творчество народных масс остается за рамками рассказа. Народ в таких работах превращается в слепую разрушительную силу, несознательную и жестокую.

Вышедшая не так давно работа А. Мурхеда «Русская революция» (Нью-Йорк, 1958) изображает ее как случайное явление и как результат заговорщической деятельности, связанной с участием Японии.

В 1962 г. появилась работа Д. Футмэна «Русские революции», посвященная 1917 г. Два первых ее раздела освещают причины революции и революционного движения до 1917 г. Вначале подчеркивается, что Россия всегда отличалась от остальной Европы, и дается краткая характеристика русского государства,

соотношения политических и классовых сил страны, но не делается никаких конкретных выводов для объяснения причин революции 1905 г. Футмэн здесь подчеркивает, что торговый класс, который увеличивается в этот период в численном отношении, приобретал значительную силу и проявлял мало интереса к другим делам, кроме своих собственных. Самым многочисленным классом были крестьяне, которые сами себя называли народом, но он был невежественным, отсталым и несчастным народом. Война с Японией вызвала недовольство в стране. В результате либералы и крестьяне становились все более и более активными. Однако революция 1905 г., в понимании Футмэна, – это неорганизованная революция, причем лидеры революционных партий даже не знали, что случилось на родине.

Однако, характеризуя современные новейшие работы, посвященные революционным событиям этого периода, необходимо отметить значительный сдвиг в освещении данных проблем. Прежде всего, налицо повышенное внимание к вопросу о причинах революции. Здесь прослеживается декларативный отказ от взгляда на революцию в России как на заговор, мятеж, восстание. В Америке в последнее время обсуждается много методологических проблем. На заседании Американского совета ученых, например, с докладом выступил проф. Петрович, подчеркнувший необходимость повышения внимания к вопросу о непосредственных причинах русской революции, говоря, что революции нужно рассматривать как нечто большее, чем восстание или мятеж. Следует отметить, что в течение долгого времени в американской и английской историографии значительную роль играли эмигранты из России. Сейчас появилось новое поколение историков, которое пытается не просто осветить тот или иной вопрос, а обеспечить своим произведениям интерес со стороны широких кругов американских читателей. Характеризуя работы, в которых в той или иной мере выявляются предпосылки русской революции, я бы хотела обратить внимание на то, что специальных работ, написанных на основе экономического и социального анализа предпосылок революции, мы не встречаем. Это обычно лишь экономические работы, ограниченные только этой проблемой, но тем не менее внимание к социальной проблеме в новейшей литературе несомненно.

Вот в 1965 г. вышла книга Харкейва, посвященная революции 1905 г. Я не могла познакомиться с новой концепцией Харкейва, но она может быть восстановлена по более ранней его работе, изданной в 1956 г., которая является обобщающим трудом, посвященным истории России с древнейших времен до настоящего времени. В этой работе есть раздел «Предпосылки русской революции», которые анализируются на протяжении периода с 1881 по 1904 г. Харкейв пытается определить предпосылки революционного движения в России в 1905 г., рассматривая его как протест, который постепенно накапливался на протяжении предшествующего периода в России. Он ставит перед собой задачу выяснить

участников этого протеста против царизма, перечисляя те социальные группы, которые участвовали в этом довольно широком движении. Харкейв называет, прежде всего, индустриальных рабочих, с конца XIX в. первыми вступающие в активную борьбу против существующих политических и социальных порядков. Первые битвы на предприятиях привели рабочих к тому, что они стали видеть связь между своими экономическими и более широкими политическими проблемами. Они увидели, что государство покровительствует их хозяевам, особенно иностранным. Все это, заключает Харкейв, внушило рабочим мысль о необходимости изменения политического положения в стране с целью улучшения их экономического положения.

Характеризуя источники протеста русского народа, Харкейв отмечает в качестве сил, выступающих против царизма, крестьянство, интеллигенцию и либерально настроенных представителей аристократии. Он приводит некоторые конкретные данные, которые характеризуют противоречия между помещиками и крестьянами и распределение земли в России. Что же касается революционно настроенной интеллигенции и либерально настроенной части аристократии, то Харкейв эти положения в своей работе не конкретизирует. Его схема назревания революции 1905 г. выглядит примерно так: постепенно накопленные обиды и недовольство среди низших классов и национальных групп привели к кризису, который, в конце концов, перерос в массовое насилие – в революцию 1905 г. Не случайно новая книга Харкейва носит красноречивое и выразительное название «Первая кровь революции 1905 г.».

Довольно подробно на вопросе о социальных предпосылках революции останавливается другой американский ученый – Уолкин, книга которого специально посвящена этой проблеме и называется «The Rise of Democracy in Pre-Revolutionary Russia. Political and social institutions under the last three Czars» (1963). В предисловии автор подчеркивает, что главным сюжетом его исследования является революция 1917 г., но вместе с тем большое внимание уделяет и революции 1905 г., причем он аргументирует такой подход: «...Если я уделяю революции 1905 г. больше места, чем революции 1917 г., то это только потому, что понимание первой революции, которой уделяется недостаточно внимания в западном мире, необходимо для понимания второй, т.е. революции 1917 г.»

Сам он считает, что революция 1905 г. явилась первой народной революцией новой эпохи – эпохи империализма, результатом глубоких социально-экономических сдвигов и противоречий страны, где сохранилось большое количество пережитков. Буржуазно-демократическая по содержанию и пролетарская по средствам борьбы, эта революция уже несла в себе потенциальные возможности перерастания в революцию социалистическую.

Однако Уолкин старается внушить читателю мысль о том, что Россия не являлась капиталистической страной, не обладала развитым буржуазным классом и не имела пролетариата в западном смысле этого слова. Поэтому рабочее движение в изображении Уолкина выглядит, прежде всего, как движение против царизма, вызванное недовольством пролетариата своим политическим и правовым положением.

Наиболее концентрированно эта точка зрения проводится в работах американского историка Т. фон Лауэ, который очень много внимания последнее время уделяет анализу экономического положения России и источникам революционного движения в ней. Лауэ также придерживается той точки зрения, что Россия конца XIX – начала XX вв. не являлась капиталистической страной и не имела пролетариата в западном понимании этого слова. При этом, противопоставляя рабочий класс России западному рабочему классу, Лауэ старается подчеркнуть, что источником протеста рабочего класса в России был протест против недостаточных методов индустриализации, которая проводилась в этот период. В результате в расстановке социальных сил накануне революции у него выпадает основное – наличие острых классовых антагонизмов в стране между помещиками и крестьянством, между рабочим классом и крестьянством, а причинами революции по-прежнему остается неумелая политика царского правительства и случайная игра политических сил, как это изображают Харкейв, Уолкин и др.

Таким образом, если мы возьмем работы последнего периода, то авторы их, несмотря на некоторые новые подходы, приходят к старым выводам. В их изображении революция 1905 г. по-прежнему выглядит результатом неблагоприятного стечения обстоятельств, а Россия делала только первые шаги по пути индустриализации и модернизации по западному образцу.

Величко О.И. Освещение современной западногерманской историографией социально-экономической истории России начала XX в.

Первая немецкая работа, посвященная русской революции, которая носит название «Проблемы русского конституционализма», вышла еще в 1907 г. и принадлежит перу одного из известных немецких историков Отто Хетча. Это человек, который в веймарские времена приглашал советских историков на конгресс, стоял на позициях духа Локарно, во времена фашизма эмигрировал, а в 1949 г. выпустил в Германии книгу «Основное направление русской истории», где довольно доброжелательно относился к истории русского освободительного движения, хотя и оставался в рамках либеральной концепции. Его вторая большая работа, посвященная русской истории с 1904 по 1912 г. и обнимающая прежде всего

время Столыпина, вышла в 1915 г., когда он был профессором Берлинского университета.

В веймарское время преобладали работы по советской истории. В послевоенное время германская историография обратилась к проблемам начала XX в., пытаясь осмыслить «русский феномен». При этом интерес к этим темам, но главным образом интерес к этим проблемам связан с антикоммунизмом, чтобы проследить и в большинстве случаев извратить историю русского революционного движения. Об этом нельзя забывать, хотя в последнее время появляются материалы, которые имеют тенденцию показать российскую историю скорее в привлекательном виде. Послевоенная западная историография сосредоточивается в институтах Остфоршунга, занимающихся сегодня русской историей. За два года в западногерманских институтах были прочитаны 20 спецкурсов по истории русской революции, так что к ее изучению привлечена большая сеть учреждений современной немецкой исторической науки.

Специальных работ, посвященных Первой русской революции, мне не удалось увидеть, но многочисленные фундаментальные труды, посвященные истории России, приходят в нашу библиотеку каждый год. Можно назвать такие работы, как «История большевистской России» Рауха (1955 г.), два сборника «О большевизме и проблеме коммунизма» (1956 г.), работы Г. фон Римши (когда-то рижского профессора, перешедшего в Западную Германию) и Гюнтеля, где много места уделяется проблеме русской революции. Источниковедческая их база довольно широка, включая, прежде всего, белоэмигрантские издания. Что касается немецкой историографии, то я заметила, что немцы, по сравнению с американцами, наводняющими мир русской литературой, издают более фундаментальную литературу и больше ссылаются на советские источники. С одной стороны, мы здесь имеем более утонченный тон критики, а с другой – уступки нам в некоторых вопросах.

Общая концепция революции 1905–1907 гг. очень тесно связана с либеральной буржуазной концепцией, которая отрицает ведущую роль пролетариата в Первой русской революции и извращает историю большевизма, пытаясь доказать его связь с анархизмом и то, что ведущая роль в освободительном движении принадлежит либерализму. В 1957 г. в ФРГ вышла книга В.В. Леонтовича «История либерализма в России (1762–1914)», которая является ясным выражением концепции русской революции в немецкой историографии. Любопытно, что автор видит в русском либерализме часть европейского либерализма вообще. Он считает, что банкетная кампания конца 1904 г. представляет собой начало русской революции, причем направление бывшего марксиста Струве – это прямой союзник общереволюционного движения в России, а социал-демократы, со своей стороны, все успехи и неудачи рабочего движения связывают с тактикой либералов.

Либерализмом мелкой буржуазией и национальным движением историки из ФРГ занимаются много, но теперь, признавая наличие массового пролетарского движения, они обращают большое внимание на противоречия внутри самой социал-демократии, которая из-за этих противоречий не смогла обеспечить руководства пролетариатом. Таким образом, они отступили от традиционного отрыва большевизма от массового рабочего движения, зато делается попытка подчеркнуть меньшевистское влияние на рабочих. Появилась, в частности, работа Т. фон Рауха – разработка истории Петербургского совета в 1905 г. и его позиции в вопросе вооруженного восстания, где подчеркивается, что трезвые взгляды меньшевиков больше отвечали интересам пролетариата того времени и степени его организованности. Меньшевистские и троцкистские концепции восприняты западной историографией как лучшее выражение социал-демократических взглядов вообще. Традицией немецкой историографии давно стало восхваление Столыпина. В заключение я хочу сказать, что сегодня размах исследовательской работы на Западе настолько велик, что нуждается в специальной разработке историографических проблем.

Председатель: У нас осталось 10-15 минут, и если вы мне позволите, то я в нескольких словах подытожу итоги нашей работы, как они мне представляются. Лично у меня впечатление от сессии самое отрадное. Действительно был поставлен ряд таких вопросов и таких тем, которые свидетельствуют о том, что мы все-таки идем вперед. Мне очень понравилось выступление Е.Д. Черменского о процессе образования буржуазных партий в России. Было два сообщения о правительственной политике в связи с революцией 1905–1907 гг. и два сообщения о состоянии историографии революции 1905–1907 гг. Что характерно, так это отказ от грубого схематизма, который господствовал долгие годы, и убежденное стремление к восстановлению исторической правды, чтобы отменить все издержки и вранье. Никто не будет больше писать и говорить, что эсеры и меньшевики – это слуги и пособники царя. На буржуазно-демократическом этапе развития революции те, кто утверждает это, будут выглядеть анахоретами. Это добровольная самоизоляция в изучении истории коммунистической партии. Все сообщения с упором на тактику «левого блока» прозвучали без всякого предварительного сговора от Якутска до Киева. Это веяние времени, характерное для нашей научной атмосферы.

Но есть и недостатки, присущие нам всем. Первый недостаток – ограниченность тематики. Доклад Черменского был единственным в своем роде. Целый ряд тем, которые раньше у нас были под запретом, надо сейчас широким фронтом разрабатывать, так как в настоящее время этот запрет снят. В частности, в

некоторых выступлениях, которые были очень хорошими в целом, была проявлена некоторая робость мысли. Мне показалось (может быть, я не прав), что некоторые докладчики, сделав первый шаг, не захотели сделать второй.

Для чего мы собрались здесь вместе? Это самое драгоценное, и уже сам этот факт является не менее важным, чем доклады. На таких собраниях возникает новая научная атмосфера, и мы поднимаем себя на целый этаж выше. Наша общая цель – повысить уровень нашей науки. Мы хотим объединить столичную и периферийную науку, мы хотим как можно больше иметь сообщений с мест и больше их печатать, т.к. на местах печатать затруднительно. Есть один способ поднять научный уровень – это не бояться собственной мысли, собственных идей. Это ключ ко всему, и здесь не надо останавливаться перед самыми разными мнениями. Смелые мысли и новые идеи – это главное, чего сейчас не хватает.

Откуда брать новые темы и идеи? Для этого есть два источника. Смелые мысли и новые идеи рождаются развитием нашей науки и подсказываются нашей современной жизнью. Сейчас для всех видно огромное значение проблемы государства, проблемы «средних слоев» и др. В этом направлении сдвиг уже есть, мысль историков уже работает, а раз это так, то все остальное – дело времени. Когда мы в следующий раз соберемся, то нам будет еще более интересно. На этом работу 3-й секции Научной сессии, посвященной 60-летию революции 1905–1907 гг. в России, разрешите считать законченной. Мы заслушали все сообщения и провели их обсуждение. Разрешите поблагодарить вас за участие в работе секции.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ (ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ) НАУЧНОЙ СЕССИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 60-летию РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг. В РОССИИ

17 декабря 1965 г.

Ерман Л.К.: В прошлом в нашей литературе вопрос об участии городской мелкой буржуазии в революции нашел очень слабое отражение. Между тем у Ленина есть ряд указаний на то, что эти слои населения участвовали в революции и пролетариат руководил мелкой городской буржуазией в Декабрьском вооруженном восстании.

В докладе Л.М. Иванова поставлен в широком плане впервые в нашей литературе вопрос о том, что из себя представляют городские слои населения в конце XIX в. и как ими руководит пролетариат для решения задач демократической революции. В докладе правильно взято несколько аспектов: борьба буржуазии за влияние на городские слои населения, борьба пролетариата против буржуазии за городские слои и поведение этих слоев. Но есть в докладе и спорные положения: вопрос о работе большевиков с городской мелкой буржуазией. В докладе говорится об участии большевиков в организациях городской мелкой буржуазии, но это верно лишь для начала революции, т.к. потом большевики уходят из них. Эти организации начали создаваться в конце 1904 г. в период банкетной кампании. Но в 1905 г., когда выясняется, что они создаются на платформе буржуазного либерализма, то большевики выходят из них. Особенно выступают большевики против них в период Всероссийской октябрьской стачки и Декабрьского вооруженного восстания. Надо иметь в виду эволюцию этих организаций.

В нашей литературе довольно широко ставится вопрос о «левом блоке». Мы до сих пор делали упор на блок с демократическими партиями. Но есть и другой аспект – социальный. В 1906 г. во время выборов во II Государственную думу в Москве были созданы избирательные комитеты, в которые входили представители от рабочих-квартиронанимателей и интеллигенции-квартиронанимателей.

Следовательно, это были беспартийные организации, куда были посланы представители от большевиков с правом вето.

Не изучается проблема истории культуры, духовной жизни народа в период революции. Этим тоже надо заниматься.

Аврех А.Я.: Остановлюсь на докладе Черменского, где много свежего материала. Черменский продолжает работать над темой «Буржуазия и царизм». Его книга «Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг.» (1939 г.) выдержала испытание временем, нужно второе ее издание. Автор полемизирует с рядом историков, в том числе и с И.Ф. Гиндиным. Я не согласен с этой критикой Гиндина. Черменский критикует идею Гиндина о том, что крупная буржуазия не принимала участия в создании своей партии. Тезис, что торгово-промышленная буржуазия выразила себя в партии 17 октября, очень сомнителен. В своем докладе Черменский отмечает, что крупная буржуазия потерпела фиаско в попытке создать партию. Он говорит то же, что и Гиндин. На самом же деле все было не так. В Москве издавалась газета «Утро России» – орган торгово-промышленной буржуазии. Она характеризовала октябристов как партию **помещичью**, дав анализ ее состава и отмежевавшись от нее. «Это партия аграриев», – писала газета. В 1912 г. 1-я московская буржуазная курия забаллотировала Гучкова – своего лидера. В 1913 г. была создана партия из либеральных помещиков, выражавших интересы крупной буржуазии. Обычно либеральных помещиков считают обуржуазившимися помещиками, ведущими хозяйство капиталистическими методами. Это неверно. Помещики-октябристы с «экономической» точки зрения мало чем отличались от помещиков правых. Получается своеобразная картина: интеллигенты-земцы отражают интересы буржуазии, которая **сама** не могла организовать политическую партию. Роль интеллигенции в буржуазном движении чрезвычайно велика. Возникает и вторая проблема: слабость русской буржуазии, нашедшая отражение в ее партийной слабости, облегчила победу Октября. Будь она сильнее – победа революции была бы затруднена. Это приводит нас к проблеме сочетания общего и особенного в историческом процессе, в истории буржуазии на Западе и в России.

Демешина Е.Д. (Ростов-на-Дону): Для работников с мест сессия имеет особо важное значение. Ее положительная сторона – это сочетание проблемных докладов (Иванов, Черменский, Деренковский) с сообщениями по конкретным вопросам. Но не все доклады были на должном уровне. Подсчеты численности рабочего класса на Северном Кавказе, сделанные Лебедиком, вызывают серьезные возражения. Ряд тезисов (об уровне зарплаты) не подкреплены фактами. Из 8 страниц тезисов 5 страниц посвящены общим вопросам, а основная часть – о рабочем движении на Северном Кавказе изложена очень схематично. В 1963 г. по этой проблеме

защищена диссертация Шарафутдиновым, а год спустя им издана монография, которая по уровню гораздо выше тезисов Лебедика. На сессии не ставился вопрос о предпосылках революции 1905 г., но в целом сессия сыграла большую положительную роль.

Лукин Г.Ф. (Эстония): В целом доклады оставили хорошее впечатление. Доклады о тактике правильно отражали линию большевиков. О докладе Левинтова, где был поставлен вопрос о революционной ситуации и революционном кризисе. Автор трактует их как равные понятия, и это правильно. В докладе о Сибири и ее пролетариате утверждение, что железнодорожники были целиком под влиянием большевиков. Это сомнительно. В докладе Н.В. Кузнецова о профсоюзном движении надо было уделять больше внимания этому вопросу, а также массовым рабочим организациям. Проблема воспитания масс в ходе революции, роль профсоюзов в этом процессе не освещены вообще. Не говорится, как используются конкретно легальные возможности, в частности профсоюзы.

Хитров П.И.: Доклад Деренковского интересен, но в нем главное внимание должно было быть уделено периферии. У меня есть материалы по Уралу. Встает вопрос, все ли было сделано для победы вооруженного восстания, почему периферия выступала раньше Москвы? Главный недостаток доклада Адамова состоит в том, что он считает, будто революционное движение на Урале развилось позднее, чем в стране в целом. Я доволен докладами о движении в национальных районах. Но в докладе Ионанестораживает тезис о руководстве большевиками партизанским движением, которая была образцом борьбы.

Хазиахметов Э.Ш.: Сессия дала много интересного, заставила по-новому подходить к вопросам. Интересны доклады о левоблокстской тактике, о буржуазных партиях и др. В нашей подсекции интересен ряд докладов. Вопросам историографии внимания было недостаточно. В докладе Б.В. Кондрикова нужно было обратить внимание на организацию побегов политссыльных из сибирской ссылки. Есть фактическая неточность: 60 тыс. политических ссыльных в Сибири, тогда как я называл 16 тыс. по жандармским источникам. Надо больше писать о политической ссылке, уделять больше внимание деятельности большевиков в политической ссылке.

Иванов Л.М.: У нас было опасение перед сессией в ее успехе, ибо мы провели такую же сессию к 50-летию революции 1905–1907 гг. Но за это время историками многое сделано. В работе сессии большое место заняли теоретические вопросы, большая группа докладов была о трех лагерях в революции, об отношении партии к буржуазии, о политических соглашениях и о тактике «левого блока». Интересны доклады о революции на местах и о Советах.

Большое место на сессии занял вопрос о национальных партиях. История борьбы с меньшевиками имела свою историю. Ленин писал о меньшевиках в 1905 г., что «интеллигенция – часть партии», «интеллигенция крыло нашей партии», «меньшевики – отколовшаяся часть партии». Все эти высказывания заставляют более внимательно отнестись к тем оценкам, которые были даны в докладах. Своеобразие в революционном движении было не только на Урале, но и в Москве и Питере, что нужно отражать в наших докладах.